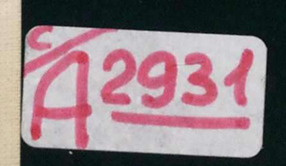

A 2931

Ген.-м. Б. Штейфонъ.

Кризисъ добровольчества.

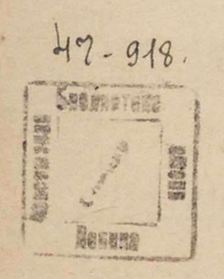
1928 г.

БѢЛГРАДЪ.

Русская Типографія, Космайская ул., 51

Ген.-м. Б. Штейфонъ.

Кризисъ добровольчества.

БѢЛГРАДЪ.
Русская Типографія. Космайская ул., 51.
1928 г.

Главный складъ изданія:

Контора газеты „Новое Время“

Бѣлградъ (С. Х. С.) Топличинъ Венацъ, 4.

6

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	2006
						1	105	65

ВСТУПЛЕНІЕ.

Добровольческая Армія, зародившаяся въ дни россійскаго развала, явилась, воистину, единственной лампадой, какую зажгла національная совѣсть передъ скорбнымъ поруганнымъ ликомъ своей Родины.

Послѣ года вооруженной борьбы, борьбы, давшей примѣръ величайшей жертвенности и доблести, южно-бѣлая армія, владѣя обширной, богатѣйшей территоріей съ 50 милліоннымъ населеніемъ, все же не слогла овладѣть Москвою.

Не подлежитъ сомнѣнію, что если фронтъ вышелъ бы побѣдителемъ, то все остальное такъ или иначе, но наладилось.

Растянутый, на тысячу верстъ, тонкой линіей, не имѣя за собой необходимыхъ резервовъ и организованнаго тыла, фронтъ, истекая кровью, съ исключительнымъ самопожертвованіемъ, выполнялъ свой долгъ. Есть однако предѣлъ и беззавѣтному мужеству...

Въ исторіи Добровольческой Арміи главнѣйшимъ періодомъ борьбы является періодъ, когда армія изъ Кубанскихъ степей вышла на малороссійскій просторъ. Въ эти мѣсяцы, начиная отъ обороны Донецкаго бассейна и до продвиженія на линію Орелъ — Черниговъ — Кіевъ, постепенно выявились тѣ недочеты, какіе въ концѣ концовъ и вызвали катастрофу.

Являясь государственнымъ аппаратомъ, Добр. Армія въ своемъ творчествѣ упорно отстаивала пріемы строительства, какіе были умѣстны на Кубани и какіе отнюдь не соотвѣтствовали позднѣйшимъ періодамъ.

Ходомъ событій, добровольчество, какъ система, должна была бы уступить мѣсто регулярству, ибо великодержавныя задачи можно было разрѣшить лишь пріемами государственнаго строительства, а не импровизаціей, грубо нарушавшей многовѣковой россійскій опытъ.

Несмотря на яркое горѣніе добровольческой души, добровольчество являлось все же историческимъ эпизодомъ, а трагедія нашего командованія и заключалась въ томъ, что историческій эпизодъ оно восприняло, какъ эпоху.

I

Оборона Донецкаго бассейна.

Апрѣль 1919 года являлся самымъ тяжелымъ мѣсяцемъ въ періодѣ обороны бѣлыми войсками Донецкаго бассейна.

Совѣтское правительство, переживавшее время жесточайшей экономической разрухи, напрягало всѣ усилія, дабы захватить каменно-угольный раіонъ.

Генералъ Деникинъ, прекрасно понимая жизненное значеніе „Донбаса" для Совдепіи, въ свою очередь отстаивалъ всѣми своими возможностями этотъ раіонъ. Борьба велась затяжная, утомительная и жестокая.

Несмотря на крайне печальное общее состояніе совѣтскихъ войскъ, въ своей массѣ совершенно развращенныхъ революціей 1917 г., красное командованіе все же имѣло не мало преимуществъ по сравненію съ нами. Оно обладало громаднымъ, многомилліоннымъ человѣческимъ резервомъ, колоссальными техническими и матеріальными средствами, оставшимися, какъ наслѣдство послѣ Великой войны. Это обстоятельство и позволяло краснымъ направлять все новыя и новыя части для овладѣнія Донецкимъ бассейномъ.

Какъ ни превосходила бѣлая сторона и духомъ и тактической подготовкой, все же это была лишь небольшая горсточка героевъ, силы которыхъ уменьшались съ каждымъ днемъ. Имѣя своею базою Кубань, а сосѣдомъ — Донъ, т. е. области съ яркимъ казачьимъ укладомъ, ген. Деникинъ былъ лишенъ возможности пополнять казачьимм контингентами свои частп въ мѣрѣ ихъ дѣйствительной потребности.

Его мобилизаціонные возможности ограничивались, главнымъ образомъ, офицерскими кадрами и учащейся молодежью. Что касается рабочаго населенія, то призывъ его въ войска былъ нежелателенъ по двумъ мотивамъ: во-первыхъ, по своимъ политическимъ симпатіямъ, шахтеры не были явно на бѣлой сторонѣ и потому являлись элементомъ ненадежнымъ. Во-вторыхъ, мобилизація рабочихъ немедленно уменьшила бы добычу угля.

Крестьянство, видя малочисленность добровольческихъ войскъ, уклонялось отъ службы въ строю и видимо выжидало. Уѣзды къ юго-западу отъ Юзовки находились въ сферѣ вліянія Махно.

Ведя ежедневно борьбу, наши части несли большія потери убитыми, ранеными, больными и таяли съ каждымъ днемъ. Въ подобныхъ условіяхъ войны наше командованіе только доблестью войскъ и искусствомъ начальниковъ могло сдерживать натискъ красныхъ. Какъ правило, резервовъ не было. Добивались успѣха, преимущественно, маневромъ: снимали что могли съ менѣе атакованныхъ участковъ и перебрасывали на участки угрожаемые. Рота въ 45-50 штыковъ считалась сильной, очень сильной!

Не мало досаждали въ то время и бронепоѣзда красныхъ. Пользуясь своими техническими преимуществами и не опасаясь нашей малочисленной артиллеріи, поѣзда эти дерзко врывались въ расположеніе добровольцевъ и, почти безъ риска для себя, разстрѣливали рѣдкія малочисленныя цѣпи бѣлыхъ. При появленіи нашихъ бронепоѣздовъ, красные, обычно, отходили, не принимая боя.

Всякая боевая техника сильна и страшна до тѣхъ поръ, пока не изобрѣтено „противоядіе". Такимъ противоядіемъ явился... штабсъ-капитанъ Манштейнъ. Совсѣмъ молодой человѣкъ, потерявшій, во время Великой войны, лѣвую руку, тихій, застѣнчивый, съ мягкими чертами лица, онъ обладалъ и огненной душой и величайшимъ мужествомъ. Командуя баталіономъ Дроздовскаго полка, шт.-кап. Манштейнъ „изо-

брѣлъ“ способъ борьбы съ красными бронепоѣздами.

При подходѣ бронепоѣзда къ участку баталіона, рота, находившаяся у линіи желѣзной дороги, начинала отходить. Красные, увлекаясь ея преслѣдованіемъ, проникали за линію расположенія остальныхъ ротъ баталіона. Какъ только это случалось, фланговыя роты немедленно бросались въ тылъ бронепоѣзда и быстро взрывали полотно. Видя, что путь отхода отрѣзанъ, прислуга броневика обычно терялась. Въ этотъ психологическій моментъ Манштейнъ уже несся со своими ротами къ бронепоѣзду и атаковывалъ его.

Подобная лихость скоро отучила красныхъ отъ безнаказанной дерзости, а имя доблестнаго штабсъ-капитана—„однорукаго черта“,—стало грознымъ для большевиковъ.

Добровольческими войсками въ Донецкомъ бассейнѣ командывалъ командиръ II корпуса ген. Май-Маевскій. Онъ являлся и высшей гражданской властью для даннаго раіона.

Человѣкъ несомнѣнно способный, рѣшительный и умный, Май-Маевскій обладалъ однако слабостью, которая, въ концѣ концовъ, парализовала всѣ лучшія стороны его души и характера, принесла много вреда бѣлому дѣлу и преждевременно свела генерала въ могилу.

Впервые я встрѣтился съ нимъ въ Декабрѣ 1918 года, въ Юзовкѣ. Имѣя служебное порученіе, я явился на квартиру командира корпуса.

Средняго роста, полный, съ профилемъ „римскаго патриція временъ упадка“, онъ былъ красенъ и возбужденъ. Когда я вышелъ отъ Мая и затѣмъ высказалъ кому то свои впечатлѣнія объ этомъ странномъ визитѣ, то мнѣ разъяснили причины моего удивленія.

— А вы когда были у Мая? До его обѣда или послѣ?

— Думаю, что послѣ, такъ какъ денщикъ до-

ложилъ, что „генералъ сейчасъ кончаютъ обѣдать, просятъ подождать“.

— Ну такъ Май былъ, просто, на взводѣ!..

Подобное упрощенное объясненіе, повидимому, соотвѣтствовало истинѣ.

Въ дальнѣйшемъ я сталъ чаше встрѣчаться съ ген. Май-Маевскимъ и убѣдился, что онъ, дѣйствительно, питаетъ слабость къ вину. Слабость обратилась въ привычку, однако, это обстоятельство если и мѣшало его боевой работѣ, то во всякомъ случаѣ не въ такой степени, какъ въ харьковскій періодъ. Къ тому же, его начальникъ штаба ген. Агапѣевъ умѣлъ благотворно вліять на своего начальника, и Май, безъ особеннаго внутренняго сопротивленія, поддавался этой благодѣтельной опекѣ.

Въ Донецкомъ бассейнѣ я былъ начальникомъ штаба 3-й пѣхотной добровольческой дивизіи, входившей въ составъ II корпуса.

Командиръ корпуса, во время боевъ, часто вызывалъ меня къ аппарату и запрашивалъ о положеніи дѣлъ, проявляя, обычно, и правильное пониманіе обстановки и большое мужество.

Однажды, когда я еще не успѣлъ узнать ген. Май-Маевскаго, на участкѣ дивизіи назрѣвала очередная неустойка. Резервовъ не было. Артиллерія умолкла, она отходила. Наши слабыя пѣхотныя цѣпи были оттѣснены и съ трудомъ удерживались на тыловой позиціи.

Застучалъ телеграфный аппаратъ:

— У аппарата ген. Май-Маевскій. Какова у васъ обстановка?

Я доложилъ. Утѣшительнаго было мало.

— Что же вы думаете дѣлать?

— Сейчасъ изъ Юзовки высылаемъ во флангъ „Генерала Корнилова“*). Двѣ Дроздовскія роты направляемъ для удара съ другого фланга. Черезъ

---

*) Бронепоѣздъ.

10—15 минутъ батарея займетъ новую позицію и откроетъ огонь.

Аппаратъ „задумался". А затѣмъ черезъ минуту:

— Я самъ сейчасъ пріѣду на атакованный участокъ. Продержитесь?

— Продержимся Ваше Превосходительство. Не безпокойтесь!

Въ фигурѣ М.-Маевскаго было мало воинственнаго. Страдая отдышкой, много ходить онъ не могъ, Узнавъ о его намѣреніи пріѣхать, я отнесся скептически къ подобному намѣренію и не возлагалъ особыхъ надеждъ на пріѣздъ командира корпуса.

Черезъ 1/2 часа генералъ былъ уже у нашихъ цѣпей. Большевицкія пули щелкали по паровозу и по желѣзной обшивкѣ вагона.

Май вышелъ, остановился на ступенькахъ вагона и не обращая вниманія на огонь, спокойно разсматривалъ поле боя.

Затѣмъ грузно спрыгнулъ на землю и пошелъ по цѣпи.

— Здравствуйте N-цы!

— Здравія желаемъ Ваше Пр-во.

— Ну что заробѣлъ? — обратился онъ къ какому то солдату.

— Никакъ нѣтъ. Чего тутъ робѣть!

— Молодецъ. Чего ихъ бояться такихъ-сякихъ.

Черезъ 5 минутъ раздалась команда командира корпуса:

— Встать! Впередъ! Гони эту сволочь!

Наша рѣдкая цѣпь съ громкимъ крикомъ „ура" бросилась впередъ. Большевики не выдержали этого порыва и положеніе было возстановлено.

Описанный эпизодъ и еще нѣсколько подобныхъ случаевъ побудили меня расцѣнивать ген. Май-Маевскаго уже иначе, чѣмъ я это дѣламъ, когда находился подъ впечатлѣніемъ своего, перваго съ нимъ, свиданія.

Безспорно, въ душѣ Мая горѣлъ тотъ огонекъ, какой отличаетъ всякаго истиннаго военнаго.

И когда этотъ огонекъ не бывалъ заливаемъ виномъ, Май-Маевскій проявлялъ и ясный умъ и правильность сужденія.

Въ Донецкомъ бассейнѣ, благодаря вліянію ген. Агапѣева и старшихъ чиновъ штаба, Май если и пилъ, то пилъ сравнительно умѣренно. Онъ любилъ пить въ компаніи, вести при этомъ разговоры, а для подобнаго времяпрепрвовожденія обстановка ежедневиыхъ боевъ мало располагала. Да и не было подходящихъ компаніоновъ.

Иногда, правда, обстановка такъ складывалась, что сдержать Май-Маевскаго было уже невозможно. Такъ однажды, когда положеніе было крайне тяжелымъ, изъ Штаба Главнокомандующаго получилось сообщеніе о томъ, что на слѣдующій день сосредотачивается въ Донецкомъ бассейнѣ конный корпусъ ген. Шкуро. Этому корпусу давалась задача пройти по тылалъ противника и тѣмъ облегчить общее положеніе нашихъ войскъ.

На слѣдующій день прибылъ въ своемъ поѣздѣ и ген. Шкуро. Въ одномъ изъ купэ вагонъ-салона собрались старшіе начальники — ген. Май-Маевскій, ген. Шкуро, ген. Витковскій (начальникъ 3-й пѣх. дивизіи), ген. Агапѣевъ и я. Мы обсуждали подробности намѣченнаго рейда. Шкуро въ то время былъ въ ореолѣ своей славы. Молодой, энергичный, искренно вѣрящій въ свою звѣзду, онъ лишь первыя 10 15 минутъ сохранялъ генеральскую серьезность: обсуждалъ, соглашался, возражалъ. Чувствовалось, что онъ такъ глубоко убѣжденъ въ побѣдномъ исходѣ задуманнаго рейда, что наше мнѣніе его мало интересовало. Къ тому же, у Шкуро былъ блестящій начальникъ штаба ген. Шифнеръ-Маркевичъ, и потому командиръ коннаго корпуса зналъ, что Шифнеръ самъ все прекрасно разработаетъ.

Шкуро и Май встрѣтились, повидимому, впервые. Шкуро не сидѣлось. Онъ вставалъ, жестикули-

ровалъ... Май сидѣлъ грузно, чуть-чуть посапывалъ и добросовѣстно изучалъ по картѣ пути намѣченнаго рейда.

Его солидность, годы, генеральская внѣшность все это извѣстнымъ образомъ импонировало Шкуро и онъ величалъ Мая не иначе, какъ „Ваше Пр-во“.

Очень скоро въ дверяхъ нашего купэ появилась, на мгновенье, фигура адъютанта ген. Шкуро. Онъ сдѣлалъ своему начальнику какой то непонятный намъ „морговой знакъ“ и исчезъ.

Шкуро, не долго думая, хлопнулъ Мая по плечу:

— Ну, отецъ, пойдемъ водку пить!

Лицо М.-Маевскаго расплылось въ улыбку и обсужденіе рейда было прервано. Въ сосѣднемъ купэ былъ приготовленъ завтракъ. Давно невиданныя закуски: семга, балыкъ, икра, омары, сыръ...

— Выпьемъ-ка, отецъ, смирновки! — и изъ какой-то вазы съ льдомъ появилась бутылка смирновки.

„Отецъ“ отвѣтилъ полнымъ согласіемъ.

Я съ интересомъ наблюдалъ за ген. Май-Маевскимъ. Онъ пилъ не жадно, очень прилично и, въ сущности, даже не много. Водка и скоро поданное въ изобиліи шампанское вобще не производили на него видимаго впечатлѣнія. И только къ концу завтрака было замѣтно, что Май нагрузился.

Однако подобные эпизоды были рѣдки. Жизнь штабовъ корпуса и дивизіи проходила въ рамкахъ того суроваго аскетизма, какой вообще былъ свойственъ добровольческому фронту. Питались мы скверно и хронически недоѣдали. Дни проходили однообразно и нервно. Почти каждый день приходилось „возстанавливать положеніе“ на фронтѣ, постоянно нарушаемое большевиками. Мы жили оторванными отъ міра, въ обстановкѣ непрерывной, жестокой борьбы. Разнообразіе вносили случайные эпизоды.

Однажды я пообѣщалъ командиру Самурскаго полка выдать, имѣвшееся въ моемъ распоряженіи телефонное имущество. Командиръ обѣщалъ прислать

пріемщика. Вечеромъ мнѣ доложили, что меня желаетъ видѣть какой то солдатъ. Раскрылась дверь и съ вопросомъ „можно войти?“, на порогѣ обрисовалась представительная фигура въ солдатской шинели, съ унтеръ-офицерскими нашивками.

Въ вошедшемъ унтеръ-офицерѣ я немедленно призналъ бывшаго генералъ-лейтенанта Л. М. Болховитинова. Онъ былъ, во время Великой войны, начальникомъ штаба Кавказскаго фронта и для меня, тогда капитана генеральнаго штаба, являлся чрезвычайно высокимъ начальствомъ. Онъ зналъ меня прекрасно, такъ какъ я служилъ въ штабѣ арміи. Направляясь ко мнѣ, „унтеръ-офицеръ Болховитиновъ“ конечно былъ освѣдомленъ, кого онъ встрѣтитъ, но для меня его появленіе было жуткимъ.

— Узнаете? —

— Еще бы не узнать! Здравствуйте Леонидъ Митрофановичъ.

Мы сѣли и на нѣкоторое время забыли о телефонномъ имуществѣ. Оказалось, что ген. Болховитиновъ, одно время, служилъ у большевиковъ, а затѣмъ перешелъ въ Добровольческую Армію. Согласно тогдашнимъ правиламъ, онъ былъ судимъ, разжалованъ и посланъ рядовымъ на фронтъ. Какъ „хорошо граматнаго“ его назначили въ команду телефонистовъ.

Мы душевно поговорили около двухъ часовъ. Л. М. заходилъ ко мнѣ еще нѣсколько разъ. Впослѣдствіи онъ былъ прощенъ и, затѣмъ, въ Крыму, я встрѣтилъ его прежнимъ энергичнымъ генераломъ.

Генералъ Болховитиновъ уже умеръ — и пусть Господь судитъ его за вольныя и невольныя прегрѣшенія. Во всякомъ случаѣ, у меня сохранилось о немъ воспоминаніе, какъ о крупномъ, незаурядномъ человѣкѣ. Свое разжалованіе онъ переносилъ съ большимъ достоинствомъ.

Теперь, когда многія былыя страсти перегорѣли, ясно, что система подобныхъ судовъ была, по идеѣ ошибочна, ибо удерживала отъ перехода къ намъ

тѣхъ, кто подневольно служилъ у красныхъ. Фронтъ, всегда болѣе чуткій въ подобныхъ вопросахъ, чѣмъ тылъ, очень скоро призналъ несправедливость и вредность указанныхъ судовъ, и личной иниціативой, молчаливо, но убѣжденно воспринялъ иной порядокъ: коммунистовъ уничтожалъ, а всѣхъ остальныхъ принималъ съ свои ряды.

Во всякомъ случаѣ, въ 1918 году примѣры ген. Болховитинова, Сытина и другихъ давали несомнѣнное удовлетвореніе широкимъ офицерскимъ кругамъ. Жестокія времена порождали и жестокую психологію.

* * *

Несмотря на величайшую доблесть войскъ и на энергію и искусство начальниковъ, большевики медленно, но неуклонно вытѣсняли насъ изъ Донецкаго бассейна. Создавалось то большое неравенство силъ, уравновѣсить которое не въ силахъ даже легендарный героизмъ.

Остатки добровольческихъ частей полукольцомъ прикрывали ст. Иловайскую, послѣдній нашъ оплотъ въ каменно-угольномъ раіонѣ.

Тамъ размѣщался весь тылъ корпуса: лазареты, базы бронепоѣздовъ, скудные интендантскіе запасы и еще болѣе скудные склады снарядовъ и патроновъ.

Банды Махно уже стали появляться въ ближайшемъ тылу...

Всѣ, кто ослабѣли или поколебались духомъ, тѣ покинули наши ряды подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ. Оставались только сильные, дѣйствительно только цвѣтъ Добр. Арміи. Мы — начальники знали, что оставшіеся не сдадутъ. Они могутъ погибнуть, но не приспустятъ своего бѣлаго знамени.

На маленькой забитой составами станціи впереди Иловайской, въ вагонѣ ген. Май-Маевскаго былъ собранъ военный совѣтъ. Въ составъ его вошли: ген. Май-Маевскій, начальникъ I дивизіи ген. Колосовскій, начальникъ 3 дивизіи ген. Витковскій и ихъ начальники штабовъ.

Подъ аккомпаниментъ близкихъ выстрѣловъ, ген. Май-Маевскій предложилъ на обсужденіе два вопроса:

1) Можно ли расчитывать при создавшейся обстановкѣ удержать Донецкій бассейнъ?

2) Если задача эта неосуществима, то слѣдуетъ ли удерживаться до конца или эвакуировать камменно-угольный раіонъ теперь же?*)

Разногласія не было. Совѣтъ единогласно призналъ, что при существующемъ соотношеніи силъ, удержать Бассейнъ невозможно.

По второму пункту было рѣшено: такъ какъ фактически почти весь угольный раіонъ находится въ рукахъ большевиковъ, а удержаніе Иловайской до конца приведетъ къ несомнѣнному истребленію нашихъ частей, являющихся, по существу уже не частями, а послѣдними кадрами, то ради сохраненія арміи не доводить обороны до конца, а отойти въ сторону Ростова, оставивъ въ раіонѣ Иловайской арьергарды, коимъ упорно и задерживать продвиженіе красныхъ.

Рѣшеніе это считалось секретнымъ и войскамъ не объявлялось. Съ тяжелымъ чувствомъ принимали мы это рѣшеніе. Слишкомъ много крови, усилій и воли потребовала пятимѣсячная оборона Донецкаго бассейна. Десятки разъ переходили изъ рукъ въ руки одни и тѣ же мѣста. И признавать себя побѣжденнымъ, было слишкомъ больно.

Радіусъ обороны становился все меньше и меньше. Красные бронепоѣзда со стороны ст. Еленовки (съ запада) били уже по западной окраинѣ Иловайской. Еще одинъ серьезный нажимъ—и войска западнаго участка были бы отброшены къ Иловайской.

И тутъ произошло чудо. То чудо, которое не разъ спасало насъ въ періоды, казалось, полной безвыходности.

---

*) Не располагая протоколомъ этого засѣданія, я не ручаюсь за точность редакціи вопросовъ. Смыслъ ихъ переданъ вѣрно.

Черезъ нѣсколько дней послѣ военнаго совѣта, когда подъ давленіемъ противника, штабы корпуса и дивизіи отошли на ст. Иловайскую, около полудня я былъ спѣшно вызванъ къ ген. Май-Маевскому:

— Къ намъ сейчасъ подошла пластунская кубанская бригада. Бригада слабаго состава, но все же это кое-что. Начальникъ бригады заболѣлъ и пластунами временно командуетъ начальникъ штаба. Онъ только что былъ у меня. Въ вяду тяжелаго положенія западнаго участка я приказалъ пластунамъ отправиться туда и возстановить положеніе. Отправляйтесь съ ними и помогите имъ разобраться въ обстанонкѣ.

— Понимаю В. Пр-во. А кто начальникъ штаба?

— Генеральнаго штаба половник N. N. Вы его знаете? —

— Никакъ нѣтъ, не знаю и поэтому опасаюсь, не буду ли я стѣснять своимъ присутствіемъ полковника N. N?

— Не думаю. Во всякомъ случаѣ, разрѣшаю вамъ дѣйствовать моимъ именемъ. Общая обстановка вамъ извѣстна. Поспѣшите. Эшелонъ сейчасъ уходитъ.

Взявъ карту, бинокль, револьверъ и, доложивъ кратко ген. Витковскому о полученомъ мною приказаніи, я черезъ 2 минуты былъ уже въ эшелонѣ пластуновъ.

Временно командующій бригадой, узнавъ, что я отправляюсь съ ними, былъ, повидимоу, очень доволенъ. И онъ и командиры отдѣльныхъ баталіоновъ только что прибыли на новый для нихъ фронтъ и задавали мнѣ рядъ вопросовъ. Ни подозрительности, ни тѣмъ болѣе обиды, я ни у кого не замѣчалъ. Наоборотъ, они, съ кубанскимъ радушіемъ угостили меня обѣдомъ и всячески высказывали свое вниманіе.

Подъѣзжая къ мѣсту назначенія, мы встрѣтили отходящія двуколки, зарядные ящики, какія то повозки. Эта картина не предвѣщала ничего хорошаго.

И дѣйствительно, когда мы приблизились къ

нашимъ частямъ, я узналъ отъ командира фланговой роты, что красные, въ значительныхъ силахъ, обходятъ нашъ лѣвый флангъ. Взобравшись на крышу вагона, я увидѣлъ, какъ сильныя цѣпи противника, прикрываясь буграми, все глубже и глубже заходятъ не только во флангъ, но и въ тылъ западнаго участка.

Они двигались вдоль ж. д., въ 500 - 600 шагахъ отъ нея. Случайно нашъ поѣздъ оказался въ ложбинѣ. Большевики могли видѣть лишь дымъ паровоза но, повидимому, не знали, кого привезъ паровозъ.

Намѣченный нами въ пути планъ дѣйствія явно отпадалъ. Красные сами подставили свой флангъ и надо было это использовать. Бригада немедленно высадилась, тутъ же, прикрываясь насыпью, развернулась и безъ выстрѣла бросилась въ атаку. Крики „ура“ и неожиданное появленіе новыхъ частей бѣлыхъ, произвели на большевиковъ ошеломляющее впечатлѣніе. Они остановились, затоптались на мѣстѣ, затѣмъ легли и открыли безпорядочный огонь. Хорошо нацѣленные баталіоны пластуновъ стремительнымъ ударомъ отрѣзали зарвавшагося врага. Черезъ $^{1}/_{2}$ часа все было окончено и къ нашему эшелону, со всѣхъ сторонъ поля, стали подводить группы плѣнныхъ...

Если бы мы подъѣхали на часъ позже или нашъ эшелонъ случайно не остановился бы въ ложбинѣ, обстановка могла бы рѣзко ухудшиться.

Положеніе на западномъ участкѣ выпрямилось, но черезъ два дня оказалась неустойка на противоположномъ флангѣ, и доблестные пластуны, какъ единственный резервъ корпуса, были отправлены на восточный участокъ.

Только что описанный бой и появленіе на нашемъ лѣвомъ флангѣ свѣжихъ частей (пластуновъ), повидимому, встревожили большевиковъ и черезъ нѣсколько дней туда прибыли новыя красныя части.

Вновь назрѣвалъ кризисъ и тѣмъ, казалось, предопредѣлялъ конечную судьбу Иловайской.

Зная о тяжеломъ положенiи II корпуса, Главнокомандующiй принималъ, конечно, всѣ мѣры, дабы облегчить наше положенiе. И въ день, когда казалось, что мы уже не удержимся, было получено сообщенiе, что „завтра“ у Иловайской начнетъ сосредотачиваться конный корпусъ ген. Шкуро. Вслѣдъ за нимъ стали подходить танки, новыя части пополненiя... Затѣмъ было получено увѣдомленiе о рѣшенiи Главнокомандующаго передвинуть съ Царицынскаго фронта пѣх. дивизiю генерала Бредова.

Конечно, задумавъ операцiю по овладѣнiи Донецкимъ бассейномъ, ген. Деникинъ и его штабъ заранѣе уже намѣтили походъ и коннаго корпуса, и танковъ и иныхъ частей. Мы были освѣдомлены объ этомъ, но время проходило, а обѣщанная помощь все не появлялась. Между тѣмъ каждый день ухудшалъ положенiе войскъ

Тогда, въ апрѣльскiе дни 1919 года, измученные защитники каменно-угольнаго раiона, конечно не знали, что подходъ къ нимъ все новыхъ и новыхъ эшелоновъ знаменуетъ начало рѣшительнаго наступленiя на Харьковъ. Ген. Деникинъ былъ слишкомъ опытнымъ полководцемъ, чтобы преждевременно разглашать свои оперативные планы.

Прибытiе въ Донецкiй бассейнъ новыхъ войскъ и намѣченное уширенiе масштаба военныхъ дѣйствiй требовали и соотвѣтствующей организацiи. Въ соотвѣтствiи съ планами Главнаго Командованiя, была сформирована армiя, а ген. Май-Маевскiй назначенъ командующимъ этой армiей.

Во главѣ корпуса сталъ генералъ Кутеповъ, прибывшiй, безъ промедленiя, на ст. Иловайскую. Скоро посѣтилъ войска и генералъ Деникинъ.

Чувствовалось, что подготовляется, какая то серiозная операцiя.

Для встрѣчи Главнокомандующаго собралось все мѣстное начальство. Тутъ же на платформѣ на-

ходился почетный караулъ отъ военнаго училища. Прiѣздъ Главнокомандующаго привлекъ, конечно, много любопытныхъ офицеровъ и солдатъ.

За $^1/_4$ часа до прихода поѣзда ген. Деникина, мое вниманiе привлекъ шумъ въ толпѣ, стоявшей за лѣвымъ флангомъ караула. Какой-то казакъ протискивался впередъ, желая, повидимому, возможно ближе разглядѣть ожидавшуюся церемонiю. Стоявшiй тутъ же офицеръ остановилъ любопытнаго. Въ отвѣтъ раздалось площадное ругательство, и казакъ ударилъ офицера локтемъ въ грудь.

Спокойно бесѣдовавшiй ген. Кутеповъ увидѣлъ всю эту быстро разыгравшуюся сцену. Въ одно мгновенье онъ былъ уже около офицера и казака.

— Въ чемъ дѣло? —

— Ваше Пр-во, я остановилъ казака, чтобы онъ не лѣзъ впередъ, а онъ меня обругалъ и ударилъ.

— Арестовать, — крикнулъ ген. Кутеповъ, обращаясь къ лѣвофланговому ряду караула и указывая на казака.

Два юнкера, съ винтовками въ рукахъ, взяли казака подъ руки. Онъ не сопротивлялся. Только поблѣднѣлъ. Наступила полнѣйшая тишина.

— Разстрѣлять! — четко и громко прозвучало приказанiе новаго командира корпуса.

Юнкера стали выводить казака изъ толпы. Арестованный былъ парень плечистый, высокiй и видимо сильный. Юнкера же, взятые случайно съ лѣваго фланга караула, доходили ему лишь до плеча.

Понимая, что черезъ двѣ минуты его разстрѣляютъ, казакъ, выйдя изъ толпы, рванулся, отбросилъ юнкеровъ въ разныя стороны, подобралъ полы своего кожуха и бросился бѣжать. Вслѣдъ ему раздались два выстрѣла. Казакъ юркнулъ подъ стоящiй поѣздъ, затѣмъ подъ другой и скрылся.

— Шляпы! — бросилъ въ сторону оторопѣвшихъ юнкеровъ ген. Кутеповъ и спокойно вернулся на свое мѣсто.

Это была моя первая встрѣча съ генераломъ Кутеповымъ.

Здѣсь же, на станціи Иловайской, въ ожиданіи прибытія Главнокомандующаго, меня подозвалъ ген. Май-Маевскій.

— Я знаю, что вы желаете командовать полкомъ. Хотите получить Бѣлозерскій полкъ? —

Бѣлозерскій полкъ входилъ въ составъ 3 дивизіи и о немъ я, какъ начальникъ штаба, имѣлъ точное представленіе. Одинъ изъ старѣйшихъ и славныхъ полковъ Императорской арміи, онъ только лишь возрождался.

Просматривая наканунѣ вѣдомость боевого состава дивизіи, я точно запомнилъ боевой составъ Бѣлозерскаго „полка“:

— 62 штыка!

Эта цифра быстро промелькнула въ моей памяти.

— Разрѣшите, Ваше Пр-во, подумать? —

— Ну подумайте. Даю вамъ 5 минутъ на размышленіе. —

За подобный срокъ я, конечно, ничего не могъ „надумать“. Я старался лишь прислушаться къ тому внутреннему голосу, который, въ трудныя минуты нашей жизни, подсказываетъ намъ то или иное рѣшеніе.

Черезъ двѣ минуты ген. Май-Маевскій снова подозвалъ меня.

— Надумали? —

Какимъ то инстинктомъ я почувствовалъ въ это мгновеніе, что Бѣлозерскій полкъ—это моя судьба и не колеблясь отвѣтилъ:

— Согласенъ Ваше Пр-во. —

— Ну вотъ и прекрасно. Я знаю полкъ давно. Въ немъ всегда былъ прекрасный духъ, и вы не будете сожалѣть. Я доволенъ, что вы будете его командиромъ. Вотъ подходитъ поѣздъ, и я сейчасъ доложу о васъ Главнокомандующему. —

Повидимому со стороны ген. Деникина никакихъ препятствій къ моему назначенію не было, такъ

какъ тутъ же, на перронѣ, онъ поздравилъ меня командиромъ Бѣлозерскаго полка.

Нынѣ съ Бѣлозерцами у меня связаны самыя свѣтлыя и сильныя воспоминанія, а время, когда я ими командовалъ, является лучшимъ періодомъ въ теченіе всей моей 25-лѣтней службы. И если судьбѣ было бы угодно снова поставить меня во главѣ Бѣлозерскаго полка, я посчиталъ бы подобное назначеніе, какъ величайшую для себя честь и радость.

Зарожденіе и формированіе новыхъ частей въ Добр. Арміи происходило обычно по одному и тому же шаблону. Когда собиралось нѣсколько офицеровъ какого-либо прежняго полка, они начинали мечтать о его возстановленіи. Если это были люди энергичные и дѣльные, то они переходили отъ словъ къ дѣлу. Они розыскивали своихъ однополчанъ и образовывали N-скую ячейку. Когда ячейка имѣла 15-20 человѣкъ, она просила командира того „цвѣтного" полка, въ которомъ находилась, разрѣшеніе сформировать N-скую роту. Обычно командиры полковъ поддерживали подобное начинаніе и на усиленіе новой роты назначали 15-20 солдатъ, изъ числа плѣнныхъ красноармейцевъ. Подобная рота, преслѣдуя свои затаенныя цѣли, стремилась набрать возможно больше плѣнныхъ, захватить оружіе, снаряженіе и т. п. Короче говоря — сформироваться. Параллельно съ этимъ, розыскивался прежній командиръ, или кто-либо изъ наличныхъ старшихъ офицеровъ становился таковымъ. Онъ устраивался въ ближайшемъ тылу и тихонько, безъ лишняго шума, формировалъ строевую канцелярію, хозяйственную часть, обозъ... Рота, работающая на фронтѣ, прекрасно знала, что если она начнетъ разбухать, то командиръ баталіона отберетъ всѣ „излишки". Поэтому, эти „излишки" — плѣнные и вообще трофеи, — переправлялись въ штабъ „своего" полка. О подобныхъ отправкахъ командиръ „цвѣтного" полка, конечно, зналъ, однако подобный порядокъ формированія

полка почитался неписаннымъ добровольческимъ закономъ и нарушать его не полагалось.

Какъ Плюшкинъ „подтибривалъ" ведро у зазѣвавшейся бабы, такъ не считалось зазорнымъ „зажать" у богатаго сосѣда винтовку, снаряженіе, патроны, а если представлялся случай, то и пулеметъ или лошадь.

Когда ловили съ поличнымъ, — отдавали безъ запирательствъ, и обѣ стороны, въ такихъ случаяхъ, претензій къ другъ другу не имѣли.

Въ итогѣ, въ зависимости отъ энергіи и возможностей въ одинъ прекрасный день къ командиру „цвѣтного" полка прибывала новая N-ская рота. Такимъ порядкомъ создавался баталіонъ. А когда это случалось, то командиръ новаго полка являлся къ начальнику дивизіи, докладывалъ, что имъ сформированъ баталіонъ, просилъ дать баталіону самостоятельный участокъ и „записать на довольствіе".

Если часть была сильна духомъ, она, несмотря на потери въ бояхъ, усиливалась и развертывалась въ полкъ, каковой затѣмъ и утверждался Главнокомандующимъ. Морально слабая часть, обычно хирѣла и не выходила изъ періода хроническаго формированія

Приблизительно въ такихъ условіяхъ сформировалось и ядро будущаго Бѣлозерскаго полка. Какое они имѣли имущество, что хранилось въ ихъ потайныхъ складахъ, я не зналъ. Это была, вѣдь, ихъ семейная тайна. Было ясно только одно: прежде чѣмъ командовать полкомъ, его необходимо было сформировать.

Мой начальникъ дивизіи ген. Витковскій, съ которымъ я жилъ дружно и работалъ въ полномъ согласіи, не считалъ возможнымъ немедленно отпустить меня для вступленія въ новую должность. Онъ полагалъ и убѣдилъ Командира корпуса и Командующаго арміей, что въ начинающейся большой операціи, я буду болѣе полезнымъ въ роли начальника штаба, чѣмъ командиромъ 62 штыковъ.

Такъ какъ новыя части Добр. Арміи обычно не создавались попеченіемъ свыше, на основаніи опредѣленной системы, а самоформировались явочнымъ порядкомъ, то рѣшеніе генерала Витковскаго удержать меня на должности начальника штаба не мало способствовало успѣху формированія Бѣлозерскаго полка. Несмотря на безпристрастіе начальника дивизіи, все же и онъ, и довольствующіе органы, по понятнымъ человѣческимъ слабостямъ, были, конечно, болѣе щедрыми въ отношеніи „полка начальника штаба"...

II.

Вторичное занятіе Донецкаго бассейна.

По сосредоточеніи коннаго корпуса въ раіонѣ ст. Иловайской, онъ былъ немедленно направленъ на лѣвый флангъ (въ сторону ст. Еленовки), дабы ликвидировать красныхъ на участкѣ, особенно намъ угрожающемъ. Конный корпусъ былъ подчиненъ ген. Май-Маевскому, а послѣднему было желательно, чтобы операція ген. Шкуро развивалась въ полномъ соотвѣтствіи съ обще-оперативными соображеніями штаба арміи.

Въ видахъ этого желанія, ген. Май-Маевскій приказалъ мнѣ выѣхать на западный участокъ и находиться тамъ для связи коннаго корпуса со штабомъ арміи. Я обязанъ былъ доносить о всѣхъ измѣненіяхъ на фронтѣ. Генералъ Шкуро къ войскамъ еще не прибывалъ, и корпусомъ временно командовалъ герой Японской и Великой войнъ генералъ Ирмановъ.

Конныя части выступили походнымъ порядкомъ, а вслѣдъ за ними, на площадкѣ товарнаго вагона, подвозившаго снаряды и патроны, отправился и я.

Какъ только поѣздъ вышелъ за раіонъ Иловайской, сейчасъ же стали попадаться отходящія по-

ходныя кухни и обозы Брели раненые и шелъ тотъ тыловой людъ, который все да предшествуетъ общему отступленію.

Проѣхали 2-3 версты. Навстрѣчу—Дроздовская батарея.

— Вы почему здѣсь?

— Мѣняемъ позицію г-нъ полковникъ. —

— Почему? —

— Да большевики здорово напираютъ... —

Именемъ начальника дивизіи я приказалъ батареѣ дальше не отходить, выбрать позицію и помогать конному корпусу. Лихіе артиллеристы-дроздовцы, съ видимымъ удовольствіемъ, приняли мое распоряженіе и очень скоро открыли огонь.

Конныя части забирали сильно влѣво, и на фронтѣ попрежнему оставались наши слабыя, утомленныя роты. Черезъ 15-20 минутъ по выѣздѣ изъ Иловайской, я былъ уже на мѣстѣ. Замѣтивъ подошедшій поѣздъ, красная артиллерія открыла сильный огонь. Поѣздъ сталъ отходить, а я, соскочивъ съ площадки вагона, направился къ станціи. На первый взглядъ и станція, и окружавшія ее постройки показались пустынными. У меня даже мелькнула мысль, что станція уже оставлена нашими войсками. Приглядѣвшись, я замѣтилъ за стѣнами зданій и за штабелями шпалъ укрывающихся людей. Разсматривать, однако, не приходилось Станція забрасывалась большевицкими снарядами. Недалеко, за стогомъ сѣна, два солдата торопливо и неумѣло перевязывали раненаго. Я подбѣжалъ къ нимъ. Лицо и гимнастерка раненаго были въ крови. Закончивъ перевязку, вся эта компанія, куда то побѣжала.

На станціи пусто. Гулко и жутко раздаются шаги по асфальтовому полу. На звукъ моихъ шаговъ изъ сосѣдней комнаты выходитъ телеграфистъ. Въ форменной тужуркѣ, блѣдный, но спокойный. Въ аппаратной, кромѣ телеграфиста, находились еще два солдата команды связи. Они жались къ внутрен-

ней стѣнѣ и обрадовались мнѣ, какъ свѣжему человѣку.

Въ это мгновеніе гдѣ то по близости разорвался снарядъ. Посыпалась штукатурка и со звономъ разбились стекла.

— Прячьтесь сюда, г-нъ полковникъ, — посовѣтовалъ одинъ изъ солдатъ и указалъ на стѣну, у которой они стояли. За сосѣднимъ столомъ равнодушно стучалъ телеграфный аппаратъ.

Телеграфистъ, молодой и, повидимому, толковый человѣкъ, разсказалъ мнѣ, что дѣлается на фронтѣ. Узнавъ отъ него, гдѣ наши цѣпи и начальникъ участка, я вышелъ изъ станціи и повидалъ полковника З. и полковника П.

Полученная отъ нихъ оріентировка могла быть опредѣлена двумя словами:

— Еле держимся —

Я передалъ имъ, именемъ Командующаго Арміей, приказаніе удерживаться во что бы то ни стало и объяснилъ объстановку. Извѣстіе, что конный корпусъ скоро начнетъ атаку, сразу измѣнило настроеніе нашихъ рѣдкихъ цѣпей. Лица оживились, огонь усилился.

Повидавъ З. и П., я пробрался къ спѣшенному казачьему полку, укрытому въ ложбинѣ, и узналъ, что онъ выжидаетъ, покуда назначенная для обхода дивизія выполнитъ свой маневръ. Былъ пятый часъ дня. Солнце уже заходило. Стрѣльба на фронтѣ — оружейная и артиллерійская — усилилась.

Чувствовалось, что красные готовятся къ рѣшительной атакѣ. Подобнымъ ударомъ наши части неминуемо отбрасывались бы къ Иловайской, а конный корпусъ, съ наступленіемъ сумерокъ, лишался возможности дѣйствовать въ конномъ строю. Надо было атаковать немедленно, чтобы имѣть время для преслѣдованія и чтобы не отдать иниціативу въ руки большевиковъ. Свои соображенія я доложилъ по аппарату ген. Май-Маевскому и получилъ отвѣтъ, что сейчасъ будетъ передано приказаніе объ общемъ переходѣ

въ наступленіе. Черезъ 10 минутъ было получено это распоряженіе. Большевики усилили свой огонь. Такого ураганнаго огня я не запомню въ теченіе всей гражданской войны По интенсивности огня и по фронту его протяженія становилось очевиднымъ, какія серіозныя силы направлялись противъ Иловайской. Опоздай конный корпусъ на одинъ день и красные, неминуемо, раздавили бы насъ...

Конная атака была очень красочная. Кубанцы атаковали съ большимъ подъемомъ. Огромное поле сраженія, передъ тѣмъ пустынное, — ожило, и въ поднявшейся пыли, пронизываемой кровавыми лучами заходящаго солнца, чуть различались отдѣльные силуэты. Огонь противника, не уменьшаясь, сталъ быстро удаляться. Пули съ визгомъ неслись высоко надъ головой. Спустившаяся темнота прикрыла и живыхъ и убитыхъ, и побѣдителей и побѣжденныхъ. . Чудо спасло насъ и на этотъ разъ!

Мой мужественный телеграфистъ продолжалъ оставаться у аппарата.

— Вы что-нибудь ѣли сегодня? — спросилъ я его.

— Да какъ то не пришлось, г-нъ полковникъ, Ну да это не важно. —

Это было, дѣйствительно, неважно. Нервы отходили отъ только что пережитыхъ опасностей. Чувство, которое по своей силѣ не сравнится ни съ какими иными наслажденіями.

При свѣтѣ огарка я закончилъ свой послѣдній докладъ ген. Май-Маевскому. Я зналъ, что тамъ, на Иловайской, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидаютъ хорошихъ новостей.

Закончивъ докладъ о боевыкъ дѣйствіяхъ, я сейчасъ же сталъ диктовать новую ленту:

— „Ген. Май-Маевскому. Докладываю о примѣрномъ мужествѣ телеграфиста... —

— Какъ имя и фамилія? —

— Кого? — удивился телеграфистъ.

— Ваше. —

— Мое? Иванъ Петровъ. —

— ...Ивана Петрова, который одинъ изъ персонала станціи оставался на своемъ посту и несмотря на сильный артиллерійскій огонь, все время исполнялъ свои обязанности. Безъ его помощи, я не могъ бы донести своевременно и въ должномъ объемѣ оріентировать Ваше Пр-во. Ходатайствую о награжденіи его Георгіевскою медалью". —

Повидимому ген. Май-Маевскій лично находился у аппарата, такъ какъ сейчасъ же застучалъ отвѣтъ:

— „Полковнику Штейфонъ. Передайте телеграфисту Ивану Петрову, что за проявленное имъ мужество и вѣрность награждаю его Георгіевской медалью 4 степени. Май-Маевскій".

Съ удовольствіемъ пожалъ я руку своего случайнаго помощника и поздравилъ его съ Георгіевской наградой.

Телеграфистъ былъ потрясенъ. На слѣдующій день я прислалъ ему изъ штаба Георгіевскую медаль.

Объ одержанномъ коннымъ корпусомъ успѣхѣ было немедленно сообщено во всѣ части, и эта побѣда сразу подняла общее настроеніе.

Ген. Шкуро, побывавшій съ своемъ корпусѣ и убѣдившійся, что тамъ все идетъ ладно, вернулся на ст. Иловайскую и жилъ въ своемъ поѣздѣ. Его присутствіе явно соблазняло Май-Маевскаго. „Отецъ" приглашалъ къ себѣ Шкуро, Шкуро „отца", и каждый вечеръ на платформѣ, подъ окнами столовой Мая или Шкуро, пѣли пѣсенники, гремѣла „наурская".

Наше положеніе только-только выправлялось и веселая жизнь генераловъ вызывала, конечно, соблазнъ. Большинство осуждало. „Широкія натуры" — завидовали...

* * *

Прибывшіе танки привлекли общее вниманіе. Придавая этому новому и грозному средству борьбы чрезвычайное значеніе, наше командованіе распредѣлило ихъ по фронту, направляя главный танковый

ударъ, все же, со стороны нашего открытаго лѣваго фланга. Танки были приданы наиболѣе сильнымъ частямъ и произвели, дѣйствительно, должный эффектъ. Первыя красныя части, замѣтивъ какія то двигающіяся машины, не уяснили, повидимому, ихъ роль, но когда несмотря на огонь, свободно преодолѣвая мѣстныя препятствія, танки врѣзались въ непріятельское расположеніе и стали въ полномъ смыслѣ уничтожать красныя цѣпи, разразилась полная паника. Вѣсть о появленіи танковъ быстро разнеслась среди большевицкихъ войскъ и лишила ихъ всякой сопротивляемости. Еще издали, завидя танки, большевики немедленно очищали свои позяціи и поспѣшно отходили.

Учитывая тотъ ужасъ, какой нагнали эти машины на большевиковъ, многія части стали устраивать, изъ повозокъ и иного рода подручнаго матеріала, подобіе танковъ и маячить ими издали. Маскарадъ имѣлъ успѣхъ и еще больше поднималъ бодрый духъ нашихъ войскъ.

У ст. Попасная произошло единоборство танка съ краснымъ бронепоѣздомъ. Это рѣдкое и интересное состязаніе закончилось печально для обѣихъ сторонъ. Въ бою участвовалъ типъ т. н. тяжелаго танка. Удачнымъ попаданіемъ онъ подбилъ паровозъ бронепоѣзда, а послѣдній, въ свою очередь, повредилъ танкъ. Указанный эпизодъ еще болѣе устрашилъ красныхъ и внушилъ ужасъ даже непріятельскимъ бронепоѣздамъ.

Пробивая путь этими чудищами, наша пѣхота и конница быстро и безъ особыхъ потерь очистила Донецкій бассейнъ. Войска Добр. Арміи снова заняли Юзовку, Ясиноватую, Криничную, Дебальцево.

На станціи Криничная разыгрался одинъ изъ тѣхъ красочныхъ эпизодовъ, какими такъ богата исторія бѣлой борьбы.

Занявши станцію, наши малочисленныя части были внезапно атакованы бронепоѣздомъ красныхъ „Т. Ленин“. Приблизившись на 400 шаговъ къ стан-

ціи, бронепоѣздъ открылъ сильнѣйшій огонь. Положеніе было критическимъ, ибо отходъ вызвалъ бы много жертвъ. Въ этотъ моментъ капитанъ Дроздовской батареи Думбадзе вмѣстѣ съ номерами выкатилъ руками, на перронъ, свое орудіе, и осыпаемый градомъ пуль изъ пулеметовъ бронепоѣзда, сталъ въ упоръ обстрѣливать „Тов. Ленина". Прямой наводкой былъ быстро подбитъ паровозъ. „Раненый" бронепоѣздъ сталъ медленно отходить и тутъ же попалъ въ цѣпкія „объятія" капитана Манштейна.

Доблестный капитанъ Думбадзе, на второй день послѣ этого боя, теле раммой Главнокомандующаго былъ произведенъ въ полковники. Высокая награда, вполнѣ заслуженная героемъ!

Пасху мы встрѣтили уже на сѣверной окраинѣ каменно угольнаго раіона. Штабъ 3 дивизіи стоялъ въ Димитріевскѣ, небольшомъ заштатномъ городкѣ, недалеко отъ Юзово. Въ Димитріевскѣ имѣлся соборъ и было радостно стоять у̀ заутрени, слышать „Христосъ Воскресе" и, хотя на часъ-другой, отрѣшиться отъ суровой повседневной жизни, забыть о кровавыхъ бояхъ. Большевики насъ не тревожили. Думаю, что красныя войска, въ этотъ святой призд никъ, почувствовали, что и они—русскіе люди и въ ихъ душахъ затеплилась та лампадка, какая всегда заправлена въ душѣ русскаго человѣка. Только рѣдко онъ ее зажигаетъ...

III

Наступленіе на Харьковъ.

Выйдя изъ Донецкаго бассейна, Добровольческая Армія широкимъ двухсотверстнымъ фронтомъ, стала наступать на Харьковъ. Военное счастье явно отворачивалось отъ большевиковъ и на личномъ опытѣ бѣлая армія постигла, какъ радостно быть побѣдителемъ.

Намъ удавались самыя рискованныя операціи,

всѣ наши тактическіе расчеты и комбинаціи блестяще осуществлялись. Даже явныя наши ошибки такъ оборачивались, что лишь увеличивали общій успѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, подобное военное счастье медленно но вѣрно развращало и войска и начальниковъ. Легкіе успѣхи побуждали насъ недооцѣнивать возможностей противной стороны и пріучали къ верхоглядству.

Бѣлыя войска, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ превосходили по духу и искусству красную армію. Однако надо признать, что въ періодъ гражданской войны мы грубо нарушали элементарныя основы военнаго дѣла. Связь, развѣдка, охраненіе — незамѣтно страдали. Необычайно быстро войска забыли и требованія полевого устава и богатый опытъ Великой войны. Переставъ быть Императорской арміей, мы, какъ бы заново, стали учиться. Простѣйшія тактическія истины воспринимались, какъ откровеніе...

Когда мы воевали въ Донецкомъ бассейнѣ, т. е. въ раіонѣ достаточно ограниченомъ, который къ тому же обладалъ широко развитой желѣзнодорожной телеграфной и телефонной сѣтью, наши прегрѣшенія противъ военныхъ основъ были не такъ чувствительны. Въ новыхъ же условіяхъ борьбы, когда части не только не чувствовали „локтемъ“ сосѣда, но зачастую его и не видѣли тактическія и организаціонныя ошибки стали проявляться уже въ болѣе замѣтной формѣ. Однако, все увеличивающійся порывъ бѣлыхъ и ясно обнаруживавшійся развалъ красныхъ восполняли органическіе недостатки Добр. Арміи, и Вооруженныя Силы Юга Россіи одерживали одинъ успѣхъ за другимъ.

Армія двигалась не отъ рубежа къ рубежу, а города къ городу, внѣ зависисимости отъ того, имѣлъ ли данный пунктъ или не имѣлъ какое-либо тактическое значеніе.

Наступали обычно до тѣхъ поръ, пока не изсякала физическая энергія. Тогда останавливались,

приводили себя въ порядокъ, подтягивали отставшіе обозы и снова дѣлали слѣдующій скачекъ.

Подобное наступленіе являлось серіознымъ нарушеніемъ основныхъ принциповъ стратегіи, однако будетъ явной несправедливостью безоговорочно обвинять въ этомъ наше главное командованіе.

Если законы военнаго искусства неизмѣнны, то примѣненіе ихъ всегда должно находиться въ строгомъ соотвѣтствіи съ обстановкой. А обстановка весною 1919 года повелительно требовала энергичнаго безостановочнаго наступленія.

Потрясенные нашимъ переходомъ въ наступленіе, а въ особенности танками, красныя части разлагались съ каждымъ днемъ. Онѣ не выдерживали нашего натиска и откатывались, очищая путь на Харьковъ. Въ такихъ условіяхъ войны, необходимо было наступать безъ оглядыванія на тылъ. Харьковъ, во всѣхъ отношеніяхъ, являлся цѣннымъ призомъ, чтобы стремиться имъ овладѣть возможно скорѣе. Кромѣ этихъ, чисто военныхъ соображеній, существовали и иныя, не менѣе серіозныя причины, побудившія и ген. Деникина и Армію стремиться впередъ. Находясь въ Донецкомъ бассейнѣ, Армія не имѣла своего тыла. Ея тылъ находился въ казачьихъ областяхъ, и это вызывало много осложненій. Намъ рѣшительно былъ необходимъ просторъ южно-русскихъ губерній, среди котораго Добр. Армія могла бы чувствовать себя полнымъ и неоспоримымъ хозяиномъ. Только въ областяхъ съ не-казачьимъ и не-рабочимъ населеніемъ, мы могли имѣть средства для своего усиленія. Такимъ образомъ, въ тѣ дни для Арміи, а слѣдовательно и для ген. Деникина, имѣлись лишь два рѣшенія: или гнать красныхъ, не давая имъ устраиваться и тѣмъ дать Арміи средства къ ея дальнѣйшему развитію, или продвигаться осторожно и знать увѣренно, что духъ арміи принизится, прежде чѣмъ она усилится численно.

Въ тогдашнихъ условіяхъ, армія желала перваго рѣшенія, и ея стихійное движеніе на Харьковъ дол-

жно было увлечь и генер. Деникина и его штабъ. Наиболѣе длительныя остановки, — отъ трехъ дней до недѣли, — были на линіяхъ ст. Никитовка, Бахмутъ, Славянскъ. Остановки эти вызывались, главнымъ образомъ, необходимостью ушириить свой фронтъ.

Войска наступали съ такимъ подъемомъ, что въ отдаваемыхъ директивахъ постоянно приходилось подчеркивать, чтобы части не увлекались и не переходили указанныхъ имъ границъ наступленія.

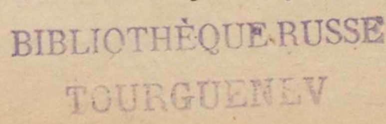
Мы двигались по Россіи, что была вѣдь наша Родина, однако, выйдя изъ Донецкаго Бассейна, мы не могли отрѣшиться отъ страннаго чувства, будто мы входимъ, въ какую то чужую страну. Сказывались непримиримая разность міровозрѣній. Въ теченіе многихъ мѣсяцевъ зимней борьбы, мы какъ то сжились съ мыслью, что тамъ, за краснымъ фронтомъ, тамъ не подлинная Россія ..

Особенно сильное впечатлѣніе произвела ст. Никитовка, долгое время служившая для красныхъ ихъ ближайшимъ тыломъ. Въ развѣдывательныхъ сводкахъ, въ показаніяхъ плѣнныхъ, постоянно указывалось: „на ст. Никитовка — штабъ такой то красной дивизіи“, „третьяго дня, въ Никитовку, прибылъ интернаціональный баталіонъ“, „Никитовскій ревкомъ объявилъ“... и т. д. Въ Никитовкѣ были „они“, Никитовка долгое время являлась цѣлью нашихъ стремленій... И вотъ, „мы“ въ Никитовкѣ. Лица рабочихъ кажутся хмурыми, хотя въ дѣйствительности они больше испуганны и грязны. Вѣдь для нихъ „мы“, много мѣсяцевъ, были въ свою очередь „они“...

По мудрому распоряженію ген. Деникина, вслѣдъ за войсками, прибыли вагоны съ мануфактурой, мукою, сахаромъ и проч. Все это немедленно стали продавать по „твердымъ цѣнамъ“. Въ быстро образовавшихся очередяхъ весело тараторятъ женщины — жены рабочихъ:

— При тѣхъ, иродахъ, сахара мы и не видѣли!

Говорятъ искренно, отъ души. Думаю, что не

менѣе искренно, эти же женщины, бранили насъ, когда Никитовку занимали красные Мужчины болѣе серіозны и болѣе молчаливы; однако чувствуется, что сахаръ и мануфактура явно колеблютъ ихъ, „революціонную платформу“...

Въ Бахмутѣ тѣ же настроеніе и тѣ же картины. Съ небольшими варіаціями: толпа вынесла изъ „агитпункта“ на площадь большевицкую литературу и устроила громадный костеръ. А на сосѣднемъ зданіи еще виситъ грязный полотняный плакатъ съ выцвѣтшими красными буквами: „чѣмъ тяжелѣе гнетъ произвола, тѣмъ ужаснѣй грядущая месть“...

Штабъ 3 дивизіи стоялъ на ст. Бахмутъ, штабная комендантская рота располагалась въ городѣ для поддержанія порядка. Выбравъ свободный часъ, я пошелъ посмотрѣть, какъ устроилась эта рота. Она заняла совершенно пустой барскій особнякъ. Разговаривая съ командиромъ роты, я замѣтилъ лежавшую на окнѣ книгу. На ней стоялъ сальный солдатскій котелокъ съ остатками борща. Полюбопытствовалъ, что за книга. Къ моему глубокому удивленію оказалось, что это изслѣдованіе военнаго искусства маршала Тюррень.

— Кто это изъ васъ интересуется такими книгами? —

— Да мы не интересуемся. Взяли, чтобы оконъ не марать. —

— Гдѣ же вы ее взяли?

— А вотъ въ сосѣдней комнатѣ ихъ много, г-нъ полковникъ. Должно большевики привезли, да и побросали. —

Въ сосѣдней комнатѣ, дѣйствительно, весь уголъ былъ заваленъ книгами. Въ слѣдующихъ, — ихъ было еще больше.

Взялъ первую попавшуюся книгу. На первомъ листѣ посвященіе:

„Глубокоуважаемому учителю Г. А. Лееру отъ искренно уважающаго ученика. Агапѣевъ 1903 г.“.

Я понялъ, что это посвященіе писано рукою

молодого военнаго ученаго полковника Агапѣева, погибшаго на „Петропавловскѣ“ вмѣстѣ съ адмираломъ Макаровымъ.

Крайне заинтригованный, я сталъ перелистывать другія книги. И чѣмъ больше я ихъ разсматривалъ, тѣмъ сильнѣе овладѣвало мною волненіе. На многихъ книгахъ, руками авторовъ, были написаны трогательныя посвященія Г. А. Лееру. На остальныхъ находился штемпель „изъ библіотеки Г. А. Леера“.

Не было сомнѣній, что передо мною была библіотека знаменитаго русскаго военнаго мыслителя и стратега генерала Г. А. Леера. Онъ собиралъ ее въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, и ея научная цѣнность была исключительна. Многія изданія являлись библіографической рѣдкостью. Когда я учился въ академіи Генеральнаго штаба, профессоръ Лееръ уже скончался, но его свѣтлую память академія глубоко чтила. Его труды являлись классическими пособіями по стратегіи. Поэтому понятно, почему я разсматривалъ съ такимъ вниманіемъ эту библіотеку, такъ варварски сваленную въ нежиломъ домѣ.

Отобравъ у солдатъ взятыя ими книги, я немедленно донесъ о своей находкѣ въ штабъ Главнокомандующаго. По распоряженію штаба, книги были отправлены въ Таганрогъ, и дальнѣйшая судьба ихъ мнѣ неизвѣстна. До сихъ поръ не могу постичь, какимъ образомъ, это сокровище, оказалось въ Бахмутѣ!

* * *

Съ подходомъ нашихъ войскъ къ Славянску, необходимо было форсировать р. Донецъ. Это обстоятельство сильно озабачивало ген. Витковскаго и меня. Дивизія не имѣла понтонныхъ средствъ, а въ намѣченномъ, для переправы мѣстѣ, Донецъ имѣлъ около 40 метровъ ширины. По заявленію специалистовъ, постройка моста потребуетъ не менѣе 2 недѣль. Слѣдовательно, наше наступленіе должно было пріостановиться на такой срокъ. Однако, какъ я уже говорилъ, удача намъ сопутствовала, и всѣ наши

начинанія осуществлялись успѣшно. Ген. Витковскій рѣшилъ поручить постройку моста командиру Дроздовской инженерной роты штабсъ капитану Б. Въ своей жизни штабсъ капитанъ мостовъ никогда не строилъ, но получивъ приказаніе и не мудрствуя лукаво, въ три дня навелъ мостъ, по которому благополучно переправились не только пѣхота, но артиллерія и обозы. Это обстоятельство дѣлало насъ хозяевами обоихъ береговъ и значительно ухудшило положеніе красныхъ.

Наступленіе развивалось успѣшно. Изъ тыла постоянно подходили новыя части и усиливали фронтъ. Всѣ раненые и больные, которые могли двигаться, всѣ командированные и просто болтавшіеся въ тылу, всѣ они, узнавъ о наступленіи на Харьковъ, стремились присоединиться къ своимъ частямъ. Еще недавно слабые числомъ полки, быстро пополнялись и крѣпли. Мобилизованные, на пути наступленія, офицеры и солдаты, а также плѣнные красноармейцы, вливаясь въ наши ряды, заражались общимъ энтузіазмомъ и становились хорошими бойцами.

У Зміева наше наступленіе было задержано. Наступавшій въ центрѣ недавно сформировавшійся и еще не окрѣпшій N-ный полкъ былъ внезапной атакой сбитъ и потѣсненъ. Командиръ полка объяснилъ свою неудачу превосходствомъ силъ красныхъ, однако, уже послѣ занятія Харькова, когда я не былъ начальникомъ штаба, командиръ признался, что тогда у Зміева „просто проспали“. При мало-мальски сносно поставленныхъ службахъ развѣдки и охраненія, подобный эпизодъ не могъ бы имѣть мѣста.

По обычіямъ того времени, забвеніе тактическихъ основъ восполнили мужествомъ и лихостью, и непріятный прорывъ былъ быстро ликвидированъ. Обезпокоенные нашимъ безостановочнымъ наступленіемъ, большевики объявили Харьковъ—красной крѣпостью. Это былъ, конечно, грубый, невѣжественный маскарадъ, явное самоодурачиваніе. Отъ такого переименованія оборона города нисколько не усилилась.

Наоборотъ, узнавъ объ этомъ, мы поняли, что положеніе красныхъ — паническое. Къ Харькову были посланы наши аэропланы и разбросали по городу отпечатанные листки о скоромъ приходѣ Добров. Арміи.

IV

Харьковъ.

Хотя духъ красныхъ войскъ и былъ сильно поколебленъ, однако наше командованіе было убѣждено, что на подступахъ къ Харькову большевики окажутъ упорное сопротивленіе. И 3 пѣх. дивизія, на которую былъ возложенъ главный ударъ, со всею серіозностью готовилась къ рѣшительной атакѣ.

Къ 10 Іюня была закончена необходимая перегруппировка войскъ и подтянуты всѣ имѣвшіеся въ нашемъ распоряженіи резервы. Правѣе 3 дивизіи, въ общемъ направленіи на Купянскъ — Бѣлгородъ наступали конныя кубанскія части и 1 пѣх. дивизія. Восточѣе — успѣшно продвигалась Донская армія. Лѣвый флангъ 3 дивизіи былъ, въ сущности, открытъ. Тамъ находились лишь слабыя конныя части. Полтава, Кременчугъ и Екатеринославъ находились еще въ рукахъ красныхъ. Энергично нанесенный ударъ, даже небольшими сравнительно силами въ нашъ лѣвый флангъ, могъ сорвать задуманную операцію. Такимъ образомъ, стратегическое положеніе Арміи, наканунѣ взятія Харькова, было достаточно серіозно...

Днемъ 10 Іюня*), нервный подъемъ войскъ достигъ крайняго напряженія. Чувствовалось, что воодушевленныя части двинутся на городъ съ всесокрушающимъ порывомъ.

Съ утра 11-го Іюня началось наступленіе. Главный ударъ на фронтѣ былъ направленъ на участкѣ

*) Всѣ числа по старому стилю.

паровозостроительнаго завода. Одновременно съ этимъ, дроздовцы, подъ начальствомъ доблестнаго капитана Туркула, овладѣли ст. Харьковъ-центральный. Большевики не оказали того сопротивленія, какое мы ожидали, и борьба за Харьковъ свелась, въ сущности, къ отдѣльнымъ, разрозненнымъ эпизодамъ. Однимъ изъ первыхъ ворвался въ центръ города конвой штаба дивизіи. У Харьковскаго моста, на эту команду случайно наткнулся красный броневикъ. Увидя, неожиданно для себя бѣлыхъ, команда броневика ошалѣла, заметалась и, черезъ нѣсколько минутъ борьбы, броневикъ сталъ трофеемъ побѣдителей.

Штабъ дивизіи находился на окрайнѣ города, на ст. Основа. Изъ-за отдаленныхъ домовъ и многочисленныхъ построекъ весь день насъ обстрѣливали ружейнымъ огнемъ. Повидимому это были какіе то „вольные стрѣлки", прекрасно знакомые съ мѣстностью, а потому и неуловимые. Пули летѣли высоко и только изрѣдко щелкали по стѣнкамъ вагоновъ. Пришлось опустить всѣ окна, дабы стрѣльба не попортила нашихъ стеколъ.

Имѣя свѣдѣнія объ удачно развивающемся настуленіи дивизіи, ген. Витковскій выѣхалъ на участокъ Дроздовцевъ и вмѣстѣ съ ними находился на ст. Харьковъ. Туда прибылъ и ген. Кутеповъ. Къ вечеру городъ былъ занятъ.

Предвидя, что ген. Май-Маевскій немедленно прибудетъ въ Харьковъ, ген. Витковскій обратился съ просьбой къ ген. Кутепову, убѣдить Командующаго Арміей повременить съ пріѣздомъ. Моментъ взятія каждаго крупнаго центра является моментомъ крайней слабости побѣдителя: городъ, особенно незнакомый, поглощаетъ войска, теряется связь и крайне затрудняется управленіе. У ген. Витковскаго и его штаба было много заботъ по закрѣпленію города за собой. Присутствіе ген. Май-Маевскаго, принимая во вниманіе его слабости, невольно стѣсняло бы работу. Ген. Кутеповъ обѣщалъ свое содѣйствіе и убѣдившись, что городъ дѣйствительно занятъ, вер-

нулся въ тотъ же вечеръ къ своему штабу и предоставилъ, такимъ образомъ, полную свободу дѣйствій ген. Витковскому.

Въ эту ночь ни начальникъ дивизіи, ни я не сомкнули глазъ. Намъ надо было заготовить много распоряженій на слѣдующій день, подсчитать, хотя приблизительно, громадные трофеи, написать реляціи и т. д.

Около 3 ч. утра, когда только что начинало свѣтать, я подошелъ къ открытому окну. Была полнѣйшая тишина, и предутренній вѣтерокъ пріятно освѣжалъ уставшую голову. Случайно я смотрѣлъ вправо. Въ этотъ моментъ, по сосѣднему съ нашимъ поѣздомъ пути, но слѣва, т. е. со стороны Харькова, пронесся съ невѣроятной быстротой паровозъ. Скорость его была такова, что, силою воздуха, меня отбросило отъ окна. Путь, по которому мчался паровозъ, случайно оказался соединеннымъ съ поворотнымъ кругомъ. Паровозъ вскочилъ на кругъ и завертѣлся тамъ, какъ волчекъ. Задымилъ, зашипѣлъ. Одно мгновеніе казалось, что сейчасъ произойдетъ оглушительный взрывъ. Изъ дверей станціи, находившихся противъ штабного поѣзда, выскочили какіе то испуганные, недоумѣвающіе служащіе. Черезъ 10 минутъ все разъяснилось: это мѣстные большевики-желѣзнодорожники выпустили пустой паровозъ противъ вагоновъ штаба дивизіи, давъ паровозу наивысшую скорость. На наше счастье, находившаяся впереди насъ стрѣлка была переведена на сосѣдній путь, и паровозъ промчался мимо. Не случись у большевиковъ этой оплошности, нашъ поѣздъ былъ бы разбитъ.

Рѣшительно намъ везло!

Вслѣдъ за паровозомъ начался докучливый обстрѣлъ. Повидимому, какіе то внимательные глаза, все время, слѣдили за нами.

Эпизодъ былъ скоро изжитъ, и работа продолжалась. Около 8 ч. утра ко мнѣ обратился поруч. Б. и еще одинъ офицеръ съ просьбой разрѣшить

имъ взять паровозъ и поѣхать на развѣдку въ сторону Харькова. Оба эти офицера къ составу штаба не принадлежали и находились въ штабномъ поѣздѣ случайно. Они были Харьковцами, и имъ не терпѣлось пробраться въ только что занятый гододъ. Поруч. Б., до войны, былъ небезызвѣстный харьковскій земецъ. Энергичный, мужественный, онъ покинулъ Харьковъ въ Декабрѣ 1918 г. и теперь всей душой рвался въ родныя мѣста.

По сюду началась жизнь, вездѣ были видны люди, и подобная поѣздка не представляла особаго риска. Все же я воспретилъ поруч. Б. отъѣзжать дальше 1 — $1^1/_2$ в., считая, что въ случаѣ нападенія на него, мы услышимъ на такомъ разстояніи выстрѣлы и быстро окажемъ помощь.

Назначенный вести паровозъ машинистъ отговаривалъ Б. отъ поѣздки: „лучше вы, господа, подождали бы. Тутъ у насъ народъ безпокойный!.. Взявъ винтовки, поруч. Б. и его сопутникъ весело вскочили на паровозъ. Черезъ $^1/_2$ ч. они должны были вернуться. Прошелъ, однако, часъ, а ихъ не было. Нѣсколько разъ я спрашивалъ своихъ офицеровъ, вернулся ли поруч. Б.?

— Никакъ нѣтъ г-нъ полковникъ!

— Странно.

Когда прошло два часа, я серіозно забезпокоился и выслалъ развѣдку въ сторну пути Б. Менѣе чѣмъ въ $^1/_2$ верстѣ отъ штабного поѣзда, развѣдка нашла стоящій пустой паровозъ. Изъ топки паровоза торчали чьи то ноги. То былъ несчастный Б. На его тѣлѣ не оказалось никакихъ ранъ. Руки и ноги не были связанными. По заключенію врача, поруч. Б. былъ живымъ всунутъ головой въ раскаленную топку. Въ такомъ положеніи его держали за ноги нѣкоторое время, покуда онъ не задохся. Этотъ случай лишній разъ напоминаетъ, съ какимъ коварнымъ и жестокимъ врагомъ мы имѣли дѣло... Тѣло спутника Б. нашли въ нѣсколькихъ десяткахъ шагахъ...

* * *

Въ этотъ же день, 12, Іюня происходило торжественное вступленіе бѣлыхъ воскъ въ Харьковъ. Всѣ свободныя войска были стянуты на ст. Харьковъ-Донецкій. Длинной лентой вытянулись части дивизіи. Впереди, верхомъ, въ сопровожденіи штаба, ѣхалъ герой Харькова — ген. Витковскій.

Впослѣдствіи мнѣ приходил сь не разъ бесѣдовать съ харьковцами о моментѣ занятія нами города. По ихъ словамъ, большевики тщательно скрывали свои неудачи, и потому приходъ Добр. Арміи явился для всѣхъ неожиданнымъ. Правда, никто не вѣрилъ большевицкимъ сводкамъ, но все же, когда раздалась стрѣльба въ раіонѣ паровозостроительнаго завода, жители менѣе всего предполагали, что это бѣлыя войска.

Въ теченіе гражданской войны, въ роли того или иного начальника, я прошелъ по Россіи не менѣе 2.000 верстъ. Видѣлъ много занятыхъ городовъ, но нигдѣ бѣлыхъ не встрѣчали такъ трогательно, какъ въ Харьковѣ. Звуки музыки привлекали вниманіе жнтелей, и со всѣхъ сторонъ бѣжали н встрѣчу намъ толпы людей.. Изъ всѣхъ оконъ неслись привѣтствія. Отовсюду сыпались на войска цвѣты. Когда въ концѣ длинной Екатеринославской улицы я обернулся назадъ, то увидѣлъ сплошной колыхающійся цвѣтникъ. У каждаго на штыкѣ, на фуражкѣ, подъ погонами, въ рукахъ — были цвѣты.

Въ тѣ минуты такъ остро чувствовалось, что мы дѣйств тельно явились спасителями и освободителями для всѣхъ этихъ плачущихъ и смѣющихся людей...

Особенно рѣзко запечатлѣлась въ моей памяти одна мимолетная сценка. Двигаясь по Екатеринославской улицѣ, мы подходили къ зданію главной таможни. Я сл чайно замѣтилъ, какъ на балконѣ таможни вышла барышня-подростокъ. Въ бѣломъ платьѣ, съ блѣднымъ личикомъ. Она вышла на балконъ, повидимому безъ всякой цѣли и выйдя смотрѣла въ противоположную отъ насъ сторону. Насъ

она не замѣчала. Въ эту минуту заиграла музыка Дроздовцевъ. Барышня обернулась. Въ одно мгновеніе на ея лицѣ отразилась цѣлая гамма чувствъ: удивленіе, радость, экстазъ. Она буквально застыла съ широко раскрытыми глазами. Затѣмъ всплеснула руками и бросилась въ комнаты Вѣроятно, сказать домашнимъ о нашемъ проходѣ. Еще черезъ мгновеніе весь балконъ былъ заполненъ людьми. Они махали руками, платками, что то кричали. Милая барышня одновременно и смѣялась, и махала намъ своимъ платочкомъ, и утирала имъ глаза. Больше никогда я не встрѣчалъ эту барышню, но и теперь, много лѣтъ спустя, она, какъ живая, стоитъ передъ моими глазами. Вся бѣленькая она такъ ярко олицетворяла бѣлую радость бѣлаго Харькова...

У главнаго вокзала насъ ожидали Дроздовцы капитана Туркула и громадная толпа, громко кричавшая „ура". Когда генералъ Витковскій со штабомъ проходилъ черезъ вокзалъ на перронъ, намъ цѣловали руки, крестили, протягивали цвѣты...

Это были незабываемыя, святыя минуты!

Обстановка, однако, не позволяла отдаваться переживаніямъ и, вернувшись въ штабной поѣздъ, мы немедленно принялись за работу. И ген. Витковскій и я, мы прекрасно угадывали, что всѣ наши части переживаютъ опьяненіе побѣдой. Нашъ долгъ обязывалъ вернуть войска къ ихъ обязанностямъ: надежно прикрыть городъ извнѣ и дать ему порядокъ внутри.

Закончивъ первоначальныя распоряженія, мнѣ пришлось, по различнымъ дѣламъ, побывать въ городѣ. Былъ уже вечеръ. Улицы пустынны. Тянулись только обозы, грохотали зарядные ящики Какіе то солдаты разспрашивали „милицейскаго", какъ имъ выйти на Бѣлгородское шоссе. Чувствовалась война.

Вернувшись на станцію, я увидѣлъ ярко освѣщенный поѣздъ

— Чей это поѣздъ? —

Генерала Май-Маевскаго!

У себя, въ оперативномъ отдѣленіи, я нашелъ рядъ донесеній и углубился въ ихъ разборъ. Начальника дивизіи не было. Дежурный офицеръ доложилъ мнѣ, что его вызвалъ Командующій арміей.

Полученныя донесенія указывали, что нѣкоторыя части дивизіи, вмѣсто того, чтобы, согласно приказаній, выдвинуться за городъ, остаются на окраинахъ. Имъ повидимому не хотѣлось изъ удобствъ большого центра уходить въ темноту и грязь полевой жизни. Это было, конечно, недопустимо, ибо ослабляло оборону города, и я сейчасъ же написалъ соотвѣтствующія приказанія.

Мои отношенія съ ген, Витковскимъ были очень хорошія и никакихъ разногласій, особенно въ тактическихъ вопросахъ, у насъ не было. Я былъ убѣжденъ, что составленныя мною приказанія онъ вполнѣ одобритъ. Однако, такъ какъ кромѣ этихъ приказаній у меня имѣлся рядъ еще другихъ вопросовъ, требующихъ спѣшнаго обсужденія, я рѣшилъ лично пойти въ поѣздъ Командующаго. Ген. Май-Маевскаго, его штабъ, ген. Витковскаго и другихъ я нашелъ въ вагонѣ-столовой. Судя по оживленнымъ разговорамъ и раскраснѣвшимся лицамъ, ужинъ бытъ въ полномъ разгарѣ. Ген. Май-Маевскій встрѣтилъ меня радушно:

— Вотъ и прекрасно, что вы пришли. Садитесь.

— Благодарю Ваше Пр-во, не могу. Я пришелъ переговорить съ начальникомъ дивизіи. —

— Съ дѣлами успѣете. Садитесь. Вотъ вамъ стаканъ вина.

Командующій былъ явно навеселѣ. Меня выручилъ подошедшій ген. Витковскій. Доложивъ что надо, я откланялся и ушелъ. Со мной хотѣлъ уйти и мой начальникъ дивизіи, котораго ужинъ у Мая мало привлекалъ.

Этотъ ужинъ, столь шумный и неумѣстный при существовавшей тогда обстановкѣ, былъ очень мнѣ не по душѣ. Правда, мы только что взяли Харьковъ, одержали блестящую побѣду, однако наше тактичес-

кое положеніе было далеко не закрѣпленное. Насъ ожидалъ непочатый уголъ работы, работы большой, крайне серіозной и спѣшной.

Скоро вернулся и ген. Витковскій Еще въ дверяхъ оперативнаго купэ онъ прошепталъ мнѣ со свойственнымъ ему комизмомъ:

— Понимаете, уже пріѣхалъ. И Кутеповъ его не удержалъ! —

Я умышленно остановился на этомъ ужинѣ, такъ какъ это было начало длиннаго ряда ужиновъ, обѣдовъ и банкетовъ, которые устраивались въ Харьковѣ съ прибытіемъ туда ген Май-Маевскаго и которые принесли, въ дальнѣйшемъ, неисчислимое зло и Арміи, и Русскому дѣлу.

Обосновавшись въ Харьковѣ, ген. Май-Маевскій подъ вліяніемъ своихъ страстей все болѣе и болѣе отходилъ отъ дѣла и терялъ волю. Харьковское общество, въ особенности первое время, чуть ли не ежедневно „чествовало командира". Одни это дѣлали отъ души, не учитывая послѣдствій, другіе преслѣдовали тѣ или иныя цѣли.

* *
*

Жизнь Харькова во всѣхъ своихъ проявленіяхъ быстро оживала. Громадный городъ, еще нѣсколько дней назадъ затихшій, угрюмый и придушенный терроромъ, освободившись отъ большевиковъ, сказочно возрождался.

Заработавшія многочисленныя административныя и общественныя учрежденія, а вмѣстѣ съ ними и частная инициатива широко и всесторонне пошли навстрѣчу разнообразнымъ нуждамъ арміи. Мнѣ пришлось прожить въ Харьковѣ около 3 недѣль. Не знаю, какъ было дальше, но при мнѣ вся жизнь города протекала подъ лозунгомъ „все для Арміи". И это не была только фраза, или выраженіе скоротечнаго порыва. Испытавъ всѣ ужасы коммунизма, жители понимали, что охранить ихъ отъ краснаго зла можетъ только Армія. Какъ въ пасхальную ночь

люди смягчаются сердцами и на время какъ бы отрѣшаются отъ своихъ страстей, такъ и въ первый періодъ жизни бѣлаго Харькова, ни пороки тыла, ни партійная рознь еще не показали своего темнаго лика. Бѣлая идея, во всей своей основной чистотѣ, казалось, объединила всѣхъ — и правыхъ, и среднихъ, и лѣвыхъ. Входя въ Харьковъ, Добр. Армія одѣла свои лучшія бѣлыя одежды. Къ сожалѣнію, на этихъ сверкающихъ и притягивающихъ своей чистотой одѣяніяхъ скоро стали появляться темные налеты. По мѣрѣ продвиженія Арміи къ сѣверу, Харьковъ все болѣе и болѣе становился тыломъ, со всѣми отрицательными оттѣнками этого понятія.

Въ теченіе многомѣсячной моей службы съ ген. Витковскимъ, мы никогда не допускали у себя въ штабѣ какихъ-либо празднествъ или модныхъ тогда „объединеній“. Дамы, во всѣхъ своихъ разнородностяхъ, никогда не бывали нашими гостями. Съ такими привычками и взглядами на работу, мы прибыли въ Харьковъ. Скоро посыпались приглашенія, начались чествованія. Занимая оффиціальное, и, по добровольческому масштабу, видное положеніе, мы не всегда могли отклонять подобное вниманіе. Я ясно видѣлъ, какъ мои помощники, — штабная молодежь, — раньше такіе старательные, скромные и домосѣды, еле высиживаютъ до вечера и всячески стараются удалить меня изъ штаба, чтобы немедленно выскочить и самимъ.

Каждый изъ насъ или, во всякомъ случаѣ, большинство, провело четыре тяжелыхъ года Великой войны, многіе были уже болѣе года въ Добр. Арміи. Такимъ образомъ, въ прошломъ имѣлось 5 лѣтъ непрерывной опасности, тяжелыхъ, кровавыхъ переживаній и безконечный рядъ всевозможныхъ лишеній. Харьковъ являлся нашей „дневкой“. Естественно, что каждый стремился, по своимъ вкусамъ, использовать эту „дневку“. Что же касается вкусовъ, то если они вообще огрубѣли уже въ теченіе Великой войны, то въ періодъ революціи и гражданской войны еще бо-

лѣе упростились. Натянутые нервы требовали и сильныхъ ощущеній. Къ тому же, молодой, въ своей массѣ, командный составъ, офицерское міровоззрѣніе котораго сформировалось не въ нормальныхъ условіяхъ мирнаго времени, а въ обстановкѣ болѣе примитивныхъ требованій войны, на многое смотрѣлъ снисходительно. Да и трудно было требовать отъ 25-лѣтнихъ полковниковъ, уравновѣшенности и серіозности, свойственныхъ обычно лишь зрѣлому возрасту.

Было бы несправедливо обвинять наше офицерство въ томъ, что во дни Харькова и въ послѣдующіе оно не проявило мудрости государственнаго предвидѣнія. Строевое офицерство Добр. Арміи дало то, что имѣло — величайшую доблесть и безпредѣльную жертвенность, а мудрость и государственное превидѣніе должны были являться добродѣтелями вождей.

Съ ужасающай быстротой тылъ сталъ затягивать всѣхъ, кто болѣе или менѣе соприкасался съ нимъ. Лично на себѣ я испытывалъ его тлетворное вліяніе. Смѣю считать себя человѣкомъ съ достаточно твердой волей, однако я не могъ не сознавать, какъ и въ моей волѣ появились трещины. Соблазны большого города, извѣстный комфортъ, правда примитивный, но отъ котораго мы отвыкли, естественное желаніе, хотя временно забыть грубость и жестокость войны, упоеніе только что одержанными побѣдами. все это какъ и многое иное колебало нашу волю и отвлекало вниманіе отъ войны. Инстинктъ прежней жизни, прежнихъ культурныхъ вкусовъ и привычекъ властно напоминалъ о себѣ. Побороть или придушить эти инстинкты могли или соотвѣтствующая обстановка или собственная воля. Обстановка, къ сожалѣнію, лишь поощряла развивающееся малодушіе, а что касается воли, то не всякій ею обладалъ.

Прежде всего и больше всего утерялъ свою волю и заглушилъ лучшія стороны своего ума и ха-

рактера — ген. Май-Маевскій. Его слабости стали все болѣе и болѣе затемнять его способности, и пословица о головѣ и рыбѣ нашла яркое подтвержденіе въ харьковскомъ періодѣ.

Былъ ли виноватъ въ этомъ ген. Май Маевскій? Несомнѣнно былъ, но постольку, поскольку можетъ отвѣчать за свои поступки человѣкъ явно больной. Лѣкарства, же которыя ему прописывались сверху, отпускались въ столь незначигельныхъ дозахъ, что ихъ дѣйствіе не производило, повидимому, должнаго впечатлѣнія.

Въ своемъ лицѣ Май соединялъ высшее военное и гражданское управленіе обширнаго ,вновь занятаго раіона. Естественно, что ореолъ его власти привлекалъ къ нему многихъ. Его окруженіе — военное, гражданское и случайное — стремилось или сдѣлать пріятное всемогущему начальнику, или не раздражать его „непрошенной" опекой. То легкомысліе, какое проявлялъ самъ ген. Май - Маевскій, по непреложнымъ психологическимъ законамъ, передовалось и внизъ. Май предсѣдательствовалъ на банкетахъ, официальныхъ и интимныхъ. Мая окружали дамы общества, изъ числа тѣхъ, которыя падки на всякую моду, будь это теноръ, адвокатъ или пожилой генералъ. Въ свою очередь офицерство кутило въ „Версалѣ" или въ загородныхъ кабакахъ и, конечно, тоже съ дамами. Разность обстановки, разность соціальныхъ положеній дамъ, нисколько не мѣняло сущности основного зла. Кутежи требовали денегъ, а при скудномъ добровольческомъ жалованіи ихъ можно было добывать только нечистоплотными путями.

Ген. Май-Маевскій умеръ тѣмъ неимущимъ человѣкомъ, какимъ онъ и былъ въ дѣйствисельности. Лично я ни на мгновеніе не сомнѣваюсь, что онъ былъ человѣкомъ честнымъ. Честнымъ, конечно, въ узкомъ смыслѣ этого слова. Эта примитивная честность все же не мѣшала ему быть неразборчивымъ въ своихъ знакомствахъ и въ принимаемыхъ чество-

ваніяхъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что вокругъ генерала группировались всевозможные дѣльцы и рвачи, которые, подъ прикрытіемъ громкихъ фразъ, обдѣлывали свои дѣла и дѣлишки. Это создавало легенды, задѣвавшіе не только доброе имя М.-Маевскаго, но и наносившія серіозный ущербъ Добровольческому дѣлу.

Не мало зла причинилъ Командующему арміей его личный адъютантъ—капитанъ Макаровъ.

Въ 1927 году, въ Совдепіи вышла книга „Адъютантъ генерала Май Маевскаго". Въ этой книгѣ, авторъ ея, самъ Макаровъ, въ яркихъ самореклам ныхъ тонахъ повѣствуетъ, какъ будучи адъютантомъ ген. Май-Маевскаго, онъ, якобы, въ то же время служилъ и большевикамъ. Отъ предателей и шпіоновъ не застрахована ни одна армія и намъ, служившимъ подъ начальствомъ ген. Май-Маевскаго, было бы, пожалуй, болѣе утѣшительно мириться съ этимъ фактомъ, чѣмъ признавать внутреннія, органическія ошибки того періода. Ошибки и заблужденія, приведшія въ дальнѣйшемъ къ крушенію бѣлой вооруженной борьбы на югѣ Россіи. Человѣкъ мало интеллигентный, полуграмотный, безъ признаковъ даже внѣшняго воспитанія, Макаровъ являлъ собою типъ безпринципнаго человѣка, какихъ, въ то смутное время, было не мало въ лагеряхъ и бѣлыхъ и красныхъ. Люди подобнаго аморальнаго облика служили всегда тамъ, гдѣ было имъ выгодно въ данный моментъ и только глубоко-матеріальными соображеніями опредѣлялась ихъ вѣрность и „идейность".

Трудно объяснить, какимъ образомъ Макаровъ могъ подойти такъ близко къ ген. Май-Маевскому. Это одна изъ тѣхъ жизненныхъ и психологическихъ загадокъ, которую врядъ ли могъ разъяснить и покойный генералъ. Май былъ человѣкомъ умнымъ, воспитаннымъ, съ большимъ жизненнымъ опытомъ и потому никакъ не могъ заблуждаться въ опредѣленіи внутренней сущности своего адъютанта. Къ тому же Макаровъ, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ,

былъ настолько примитивенъ, что не требовалось особаго ума и проницательности, чтобы исчерпывающе точно о редѣлить его нравственный обликъ.

Возможно, что наиболѣе правильнымъ объясненіемъ столь страннаго сближенія является тотъ переломъ, какой назрѣвалъ въ характерѣ М.-Маевскаго еще со временъ Донецкаго бассейна. Когда пагубная страсть стала явно завладѣвать генераломъ, ему потребовалось тогда имѣть около себя довѣреннаго человѣка, который не только помагалъ бы удовлетворенію этой страсти, но и принималъ ее безъ внутренняго осужденія. Сознавая свои слабости, М.-Маевскій вовсе не желалъ ихъ афишировать. Онъ предпочиталъ, чтобы многое выходило, какъ бы случайно. Столкнувшись съ Макаровымъ, генералъ понялъ, что это какъ разъ тотъ человѣкъ, какой ему необходимъ Передъ Макаровымъ можно было не стѣсняться, совсѣмъ не стѣсняться. Май, иногда, называлъ его на „ты“ и, по существу, не дѣлалъ разницы между своимъ деньщикомъ-солдатомъ, и личнымъ адъютантомъ-офицеромъ. И надо признать, что съ точки зрѣнія вкусовъ и привычекъ М.-Маевскаго трудно было найти болѣе подходящее лицо, чѣмъ Макаровъ. Онъ, безъ напоминаній, просмотритъ, чтобы передъ генеральскимъ приборомъ всегда стояли любимые сорта водки и вина, онъ своевременно подольетъ въ пустой стаканъ, онъ устроитъ дамское знакомство и организуетъ очередной банкетъ...

Для всего этаго и для многаго иного требовались, конечно, деньги. Таковыхъ у Мая не было. Макаровъ легко нашелъ выходъ: пользуясь своимъ служебнымъ положеніемъ, онъ, подъ предлогомъ, что это необходимо чинамъ и командамъ штаба арміи, добывалъ изъ реквизированныхъ складовъ мануфактуру, сахаръ, спиртъ и иные дорого стоившіе тогда товары и продукты. Когда ему отказывали, онъ требовалъ именемъ Командующаго арміей, справедливо полагая, что не будутъ же справляться у ген. Май-Маевскаго, далъ ли онъ такое приказаніе или нѣтъ.

Къ тому же, Макаровъ, въ потребныхъ случаяхъ, не смущался лично ставить подпись Командующаго, каковое обстоятельство еще болѣе упрощало полученіе разныхъ товаровъ...

Все добытое, безъ труда „загонялось", и у Макарова появлялись большія деньги. Меньшая часть шла на „обслуживаніе" привычекъ Мая, а большая—уходила на кутежи самого Макарова. Не подлежитъ сомнѣнію, что о многихъ грязныхъ продѣлкахъ своего адъютанта Командующій арміей и не подозрѣвалъ. Обычный грѣхъ ближайшей неосвѣдомленности многихъ высокопоставленныхъ людей...

Спаивая своего начальника Макаровъ, и самъ спивался. Спекуляціи, которыми онъ занимался, становились достояніемъ широкихъ массъ и, какъ водится въ подобныхъ случаяхъ, молва вырисовывала еще болѣе фантастическіе узоры на фонѣ и безъ того неприглядной дѣйствительности. Да и трудно было со стороны, особенно людямъ непосвѣщеннымъ, разобраться, гдѣ кончается Макаровъ и начинается Май-Маевскій...

Нѣсколько разъ и ген. Кутеповъ и ген. Деникинъ пытались воздѣйствовать на ген. Май-Маевскаго и побудить его удалить отъ себя своего адъютанта. Совѣты перваго, какъ подчиненнаго, не имѣли должнаго авторитета для Командующаго арміей, а ген. Деникинъ, видимо, не считалъ нужнымъ пресѣчь рѣшительными мѣрами все увеличивающійся соблазнъ. Самъ Май-Маевскій, быть можетъ, въ часы просвѣтленія и сознавалъ недопустимость своего поведенія, но его ослабѣвшая воля уже не имѣла должныхъ импульсовъ для сопротивленія.

Соблазнъ сверху постепенно проникалъ внизъ. Беря примѣръ съ командующаго, стали кутить офиперы, причемъ эти кутежи выливались, зачастую, въ недопустимыя формы. Съ растущимъ зломъ, конечно, боролись, но не тѣми систематическими и крутыми мѣрами, какія однѣ были умѣстны въ тогдашнихъ условіяхъ жизни.

Генер. Витковскій любилъ порядокъ и дисциплину, однако его характеру была свойственна извѣстная застѣнчивость, побуждавшая его избѣгать не только мѣръ рѣшительнаго воздѣйствія, но зачастую и обычныхъ внушеній. Не одобряя ни кутежей, ни пьянства, органически чуждый всякой распущенности, онъ, оставаясь самъ безупречнымъ, предоставилъ событіямъ идти естественнымъ путемъ.

Ген. Кутеповъ, будучи тоже во всѣхъ отношеніяхъ человѣкомъ воздержаннымъ, по своимъ волевымъ качествамъ рѣзко отличался отъ ген. Витковскаго. Онъ не стѣснялся возстанавливать порядокъ всюду, гдѣ замѣчалъ его нарушеніе. Помню, однажды, я ѣхалъ въ автомобилѣ съ ген. Кутеповымъ. Намъ постреѣчался офицеръ въ растерзанномъ видѣ. Командиръ Корпуса сейчасъ же остановилъ автомобиль, посадилъ съ собой виновнаго и отвезъ его въ комендатуру. Среди остальныхъ начальниковъ всѣхъ степеней, только одинъ ген. Кутеповъ проявлялъ болѣе или менѣе ярко и дѣйственно свою власть. Погруженный въ дѣла своего корпуса и стѣсняемый присутствіемъ старшаго лица — Командующаго арміей, ген. Кутеповъ былъ безсиленъ измѣнить общее положеніе. Сознавая все тлетворное вліяніе Харькова, и ген. Кутеповъ, и ген. Витковскій, при первой же возможности, покинули городъ и перевели свои штабы въ другіе пункты.

Комендантомъ города былъ ген. Шевченко. Впослѣдствіи онъ былъ моимъ начальникомъ дивизіи и я близко узналъ этого храбраго, благороднаго генерала. Прекрасный строевой начальнкъ, онъ тяготился своей комендантской должностью, безпокойной, утомительной, и мало соотвѣтствующей его характеру. Старый кадровый офицеръ, ген. Шевченко не могъ свое офицерское міровозрѣніе примѣнить къ новымъ условіямъ, и потому его борьба съ нарушеніями порядка и дисциплиины не производила на массы устрашающаго впечатлѣнія. Люди считались лишь съ ярко и сурово проявленной властью.

Гумманость же воспринималась, какъ попустительство. .

Такимъ образомъ, не сдерживаемый мѣрами продуманной и неуклонно проводимой системы, Добровольческій тылъ все болѣе бурлилъ и разлагался. Представленіе о законности снижалось, а у натуръ неустойчивыхъ и вовсе вытравлялось. Пока войска побѣдно двигались впередъ, это не было такъ страшно. Движимый героизмомъ и самопожертвованіемъ, фронтъ сохранялъ еще свои бѣлыя ризы...

По занятіи Харькова, я сдалъ своему замѣстителю должность начальника штаба и вступилъ въ командованіе Бѣлозерскимъ полкомъ. Съ чувствомъ искренней симпатіи разстался я и съ ген. Витковскимъ, и съ чинами штаба. О совмѣстной службѣ съ ними у меня сохранились самыя лучшія воспоминанія, какъ о времени яркаго горѣнія души и аскетическаго служенія бѣлому дѣлу.

Впрочемъ, съ моимъ уходомъ изъ штаба измѣнился лишь характеръ отношеній: Бѣлозерскій полкъ продолжалъ оставаться въ составѣ 3-й дивизіи, и потому моя духовная и служебная связь съ начальникомъ дивизіи и со штабомъ не прерывалась.

Черезъ нѣскалько дней послѣ сдачи мною штаба, была получена телеграмма о намѣреніи ген. Деникина посѣтить Харьковъ. Главнокомандующій Вооруженными Силами Юга Россіи впервые появлялся на территоріи, которая безоговорочно подчинялась ему. По случаю пріѣзда ген. Деникина былъ устроенъ парадъ войскамъ. Это былъ наиболѣе блестящій, наиболѣе внушительный парадъ за все время существованія Вооруженныхъ Силъ. Я былъ назначенъ командовать парадомъ-

Къ 10 ч. утра на Соборную площадь стали стягиваться, участвовавшія въ парадѣ части. Съ оркестрами, подтянутыя, одѣтыя во все лучшее и форменное. На правомъ флангѣ стали Дроздовцы въ своей красочной формѣ. Далѣе, загибая фронтомъ на Николаевскую площадь, выстроились Бѣлозерцы.

Они имѣли стальныя каски, захваченныя въ большевицкихъ складахъ, и это однообразіе головныхъ уборовъ придавало полку воинственцый и строевой видъ. За Бѣлозерскимъ полкомъ тянулись орудія Дроздовской артиллеріи и броневики. Еще дальше — Кубанская казачья дивизія въ конномъ строю.

Всѣ улицы, выходящія къ раіону парада, были заполнены толпами народа. Окна громаднаго зданія присутственныхъ мѣстъ, выходящія на Соборную площадь, являли пеструю, яркую картину дамскихъ лицъ и костюмовъ. Настроеніе и войскъ и зрителелей было приподнятое, праздничное. Слава и популярность ген. Деникина были тогда въ полномъ блескѣ.

Поѣздъ Главнокомандующаго запоздалъ и прибылъ только къ 2 часамъ. Скоро со стороны Павловской площади показался рядъ автомобилей.

Раздалась команда, войска взяли „на-краулъ", и въ воздухѣ понеслись торжественные звуки Преображенскаго марша.

„Здравствуйте доблестные Дроздовцы", послышался спокойный, громкій голосъ Главнокомандующаго. И послѣ отвѣта изъ рядовъ войскъ вырвалось громовое „ура". Его подхватили стоявшія толпы народа. Ген. Деникинъ неторопливо обходилъ длинную линію войскъ, а вслѣдъ ему неслись музыка и безконечное „ура". Воистину это былъ тріумфъ удачливаго побѣдителя!

Долго затѣмъ проходили войска церемоніальнымъ маршемъ мимо своего вождя. Горящіе глаза и воодушевленныя лица ярко свидѣтельствовали ихъ преданность Бѣлому дѣлу. По должности командующаго парадомъ, я стоялъ рядомъ съ ген. Деникинымъ и видѣлъ, какимъ удовлетвореніемъ и тихой внутренней радостью свѣтилось его лицо. Въ тѣ минуты онъ не могъ не чувствовать той крѣпкой связи, какая существовала между нимъ и Арміей. И если перезвонъ соборныхъ колоколовъ невольно переносилъ меня мысленно въ Москву, то, вѣроятно,

и Главнокомандующему рисовалась въ тѣ минуты освобожденная Первопрестольная...

Послѣ парада ген. Деникинъ въ сопровожденіи начальствующихъ лицъ прибылъ въ Городскую Думу. Въ большомъ залѣ его ожидали представители города и депутаціи многочисленныхъ общественныхъ организацій.

Выслушавъ рядъ привѣтствій и поблагодаривъ за выраженныя чувства, Главнокомандующій, говоря о завѣтномъ стремленіи русскихъ людей освободить Москву, произнесъ:

— Третьяго дня я отдалъ приказъ арміямъ...

Затѣмъ онъ на мгновеніе запнулся и закончилъ:

— ... Наступать на Москву!

Во время рѣчи Главнокомандующаго стояла полнѣйшая тишина. Послѣ словъ „наступать на Москву", вся эта тысячная толпа, заполнявшая обширный залъ, корридоры, лѣстницу, на мгновеніе оцѣпенѣла. Я почувствовалъ, какъ неожиданная спазма перехватила мое горло. На мгновеніе я пересталъ дышать, а на глазахъ появилися слезы. Еще минута такого общаго столбняка, а затѣмъ уже не крикъ, а изступленный вопль „ура". Люди не замѣчали катящихся изъ ихъ глазъ слезъ и кричали, кричали, вкладывая въ этотъ крикъ и тоску накопившагося національнаго горя, и весь восторгъ затаенныхъ надеждъ.

Незабываемыя картины и переживанія! То былъ высшій подъемъ осознанія Бѣлой идеи. Это были минуты величайшаго порыва патріотизма. Все смѣшалось, перепуталось, и потрясенный Деникинъ долженъ былъ переживать истинное удовлетвореніе и какъ русскій человѣкъ, и какъ бѣлый вождь.

Послѣ пріема депутаціи, генералъ Деникинъ отправился на обѣдъ, устроенный городскими представителями въ саду Коммерческаго клуба. Россійское гостепріимство, радостное настроеніе и волнующія рѣчи... Обѣдъ давно уже закончился, а Главнокомандующій продолжалъ еще сидѣть. Онъ явно

наслаждался и отдыхомъ и обществомъ незнакомыхъ, но родныхъ ему по духу русскихъ людей.

Послѣ обѣда желающіе закурили. На предложеніе сосѣдей А. И. Деникинъ отвѣтилъ, что вообще не куритъ и только изрѣдка разрѣшаетъ себѣ насладиться сигарой. И надо было видѣть, какъ засуетились наши любезные хозяева, какъ заволновались, забѣгали старшины клуба, желая достать сигару для Главнокомандующаго. Въ этомъ незначительномъ эпизодѣ проявилось столько ласки, столько вниманія и такъ искренно всѣмъ хотѣлось услужить дорогому гостю, доставить ему хотя небольшую радость...

Въ это же время къ ген. Деникину незамѣтно подошелъ какой то поч енный пожилой господинъ, выбралъ моментъ, схватилъ руку Главнокомандующаго и быстро ее поцѣловалъ.

Этотъ жестъ сильно смутилъ Деникина и вызвалъ новый порывъ энтузіазма. Послѣ обѣда Главнокомандующій проѣхалъ по городу, а затѣмъ посѣтилъ спектакль въ городскомъ драматическомъ театрѣ. Лично я не былъ на этомъ спектаклѣ, но мнѣ передавали, съ какимъ восторгомъ публика привѣтствовала своего вождя.

Въ тотъ свѣтло-пасхальный день, мы забыли и о чувствахъ мести и о лаврахъ побѣдителей. Въ нашихъ ушахъ неумолчно звучалъ радостный благовѣстъ Московскихъ колоколовъ, а передъ глазами стояли видѣнія Кремлевскихъ святынь... Въ сердцахъ и въ душахъ нашихъ была только Москва...

V.

Добровольческій полкъ.

Полкъ Добр. арміи это былъ своеобразный міръ, имѣвшій мало сходства съ полковой жизнью до-революціоннаго періода. Во время гражданской войны

мнѣ приходилось занимать разнообразныя должности, благодаря которымъ я имѣлъ возможность близко подходить и къ дѣятелямъ, и къ событіямъ той эпохи. Однако, ни на одной должности я такъ ярко не наблюдалъ и не воспринималъ и свѣтлый и темный ликъ добровольчества, какъ тогда, когда командовалъ полкомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, проходя съ полкомъ по Россіи, я непосредственно сталкивался съ самыми разнообразными слоями населанія, видѣлъ города и деревни, видѣлъ жизнь такой, какой она была въ дѣйствительности. Въ своемъ побѣдномъ движеніи на сѣверъ, фронтъ обычно продвигался гораздо скорѣе, чѣмъ тылъ. Въ моментъ нашего прихода въ тотъ или иной раіонъ, раіонъ этотъ переживалъ полный параличъ власти: большевицкая администрація уходила, а добровольческая еще не появлялась. Жизнь, однако, предъявляла свои требованія, и командиръ полка, хотѣлъ онъ того или нѣтъ — это значенія не имѣло, становился временно представителемъ всегражданской власти. Подобная универсальность, отрицательное значеніе которой внѣ сомнѣній, давала, однако, возможность глубже и всесторонне знакомиться съ настроеніями и событіями 1919 года.

Принимая полкъ, я имѣлъ къ тому времени и солидный служебный стажъ и высшее военное образованіе. Въ силу этихъ обстоятельствъ, мои новыя обязанности представлялись мнѣ вполнѣ отчетливо. Ни строевые, ни тактическіе вопросы меня не смущали. Робѣлъ я только передъ одной областью — передъ хозяйствомъ. Не чувствуя склонности къ дѣламъ подобнаго рода, я всегда ихъ сторонился, а между тѣмъ эта отрасль полковой жизни играла громадную роль. Судьбѣ угодно было послать мнѣ незамѣнимаго помощника по хозяйственной части, генералъ-маіора Черніоловскаго, большого знатока-практика полкового хозяйства и человѣка кристальной честности. Онъ идеально велъ обширное хозяйство, причемъ, чѣмъ я особенно дорожилъ, внесъ въ эту

отрасль всѣ навыки, формальные и этическіе, какіе были свойственны Императорской арміи

Когда во время Бредовскаго похода ген. Черніоловскій погибъ, полкъ и я искренно его оплакивали.

Въ Харьковѣ Бѣлозерскій полкъ располагался на Москалевкѣ, въ бывшихъ казармахъ Пензенскаго полка. Полкомъ временно командовалъ полковникъ Радченко, молодой человѣкъ, служившій въ полку еще въ мирное время и пробывшій въ его рядахъ всю Великую войну. Храбрый, энергичный и невозмутимый, онъ былъ преданъ всей душой родному полку.

Когда я пріѣхалъ принимать полкъ, ко мнѣ навстрѣчу вышелъ молодой, высокій подпоручикъ, съ гладко стриженной головой и съ добрыми, чистыми глазами.

— Здравія желаю, г-нъ полковникъ! Пожалуйте, мы васъ ожидаемъ

Онъ сказалъ это такимъ привѣтливымъ голосомъ, его лицо такъ радостно улыбалось, что со стороны можно было посчитать, что подпоручикъ встрѣчаетъ не незнакомаго командира полка, а близкаго ему человѣка. Я, въ свою очередь, поздоровался съ нимъ тоже привѣтливо. Это былъ оперативный адъютантъ, подпоручикъ І. И. Глоба, въ дальнѣйшемъ мой старательный, безотказный помощникъ и вѣрнѣйшій другъ.

По прибытіи въ полкъ, я захотѣлъ прежде всего познакомиться съ офицерами и былъ пріятно удивленъ, когда при представленіи мнѣ команднаго состава увидѣлъ около 100 офицеровъ. Несмотря на стремленіе офицеровъ представиться мнѣ возможно лучше, я все же обнаружилъ не мало чисто внѣшнихъ недочетовъ, что откровенно и высказалъ. Въ дальнѣйшемъ, когда мои отношенія съ полкомъ приняли формы исключительнаго единенія и довѣрія, я узналъ, что мое первое появленіе вызвало горячіе споры. Сторонники новыхъ теченій считали, что „та-

кая строгость" не соотвѣтствуетъ традиціямъ Добр. арміи. Поклонники регулярныхъ началъ, наоборотъ, одобряли:

— Командиръ полка никому ничего обиднаго не сказалъ, а сказалъ только правду. И если онъ подтянетъ всѣхъ, то будетъ только хорошо. —

Продолжая пріемъ, я все время испытывалъ пріятное разочарованіе. Въ полку оказалось 3 баталіона, а въ ротахъ по 60-70 штыковъ. По добровольческому масштабу это былъ уже солидный полкъ. Хромали и, и очень сильно, всѣ отдѣлы снабженія. Не хватало винтовокъ, пулеметовъ, телефоннаго имущества, обмундированія, снаряженія. Обозъ находился лишь въ зачаточномъ состояніи. Въ общемъ, полкъ былъ сформированъ на живую нитку. Необходима была еще большая напряженная работа. Во всякомъ случаѣ то, что было уже сдѣлано, свидѣтельствовало, какъ много любви и труда вложили въ дѣло формированія полка и его временно - командующій и офицеры.

Послѣ пріема полка, офицеры пригласили меня въ собраніе на чашку чая. Это былъ дѣйствительно только чай съ какимъ то печеньемъ, и мнѣ понравилось, что ни за однимъ столомъ чай не отдавалъ спиртомъ. Игралъ оркестръ и, несмотря на свое недавнее сформированіе, игралъ вполнѣ прилично.

Я зналъ, что мнѣ не дадутъ долго засиживаться въ Харьковѣ и поэтому старался полностью использовать временный отдыхъ полка

Какъ было указано раньше, формированіе новыхъ частей въ Добр. арміи происходило въ условіяхъ крайне своеобразныхъ и ярко отражавшихъ нравы и обычаи того періода.

Какъ начальникъ штаба, я былъ знакомъ лишь съ внѣшней стороной пріемовъ формированія и, только ставъ командиромъ полка, полностью познакомился съ виртуозной техникой подобнаго дѣла. Причемъ познакомился, конечно, не сразу, а путемъ довольно продолжительнаго опыта.

Не сомнѣваюсь, что Главное Командованіе издавало тѣ или иныя общія законоположенія, регламентирующія вопросы формированія. Однако долженъ признать, что лично мнѣ эти законоположенія остались неизвѣстными. И, конечно, не моя вина, что я не получилъ необходимыхъ указаній Не получали ихъ и другіе командиры полковъ, почему каждая часть формировалась по своему усмотрѣнію. Отрицательныя послѣдствія подобной импровизаціи не ограничивались, конечно, только пестротою штатовъ, отражавшейся на боеспособности полковъ. Послѣдствія эте были гораздо глубже и печальнѣе: „личное усмотрѣніе", примѣняемое при формированіи, обычно и очень скоро распространялось рѣшительно на всѣ стороны полковой жизни и приводило, какъ начальниковъ, такъ и подчиненныхъ къ забвенію законности.

Съ перваго же дня своего командирства, я убѣдился, что расчитывать на какіе-либо нормальные отпуски отъ интендантства и прочихъ довольствующихъ органовъ, — не приходится. Все надо было раздобывать собственнымъ попеченіемъ и иниціативой. Прекрасно зная по прежней штабной службѣ всѣ возможности начальника дивизіи и командира корпуса, я не затруднялъ этихъ лицъ своими просьбами. При всемъ своемъ желаніи, и тотъ и другой могли помочь полку очень малымъ: у нихъ самихъ ничего не было.

Надо было идти не служебными и офиціальными путями, а частными и иногда довольно кружными.

Харьковъ, встрѣтившій насъ такъ ликующе проявилъ большую жертвенную готовность всячески помогать арміи.

Въ первые же дни по занятіи города, полкъ получилъ много офицеровъ и добровольцевъ, причемъ въ числѣ послѣднихъ преобладала, главнымъ образомъ, учащаяся молодежь. Это пополненіе и дало

возможность сформировать третій баталіонъ и усилить роты до указаннаго ранѣе состава.

Пріемъ добровольцевъ протекалъ безъ признаковъ какой-либо системы. Каждая часть образовывала свое вербовочное бюро, которое и принимало всѣхъ желающихъ безъ лишнихъ формальностей. Выборъ части зависѣлъ исключительно отъ желанія поступающихъ, причемъ это желаніе являлось зачастую слѣдствіемъ чисто внѣшнихъ впечатлѣній. Однихъ соблазняла нарядная форма дроздовцевъ, у другихъ оказывались знакомые въ артиллеріи .. Убѣжденъ, напримѣръ, что большое число добровольцевъ, записавшихся въ Бѣлозерскій полкъ объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обст ятельствомъ, что на парадѣ въ день пріѣзда Главнокомандующаго, Бѣлозерцы произвели впечатлѣніе своими касками. Что же кас етcя офицеровъ, то насколько я могъ судить, ихъ привлекалъ Бѣлозерскій полкъ, как полкъ прежней Императорской арміи.

Для объясненія офицерской психологіи тогдашняго времени, является интереснымъ нижеслѣдущій фактъ: въ Харьковѣ, еше въ мирное время стоялъ полкъ 31 пѣх. дивизіи и офицеры этихъ частей, въ числѣ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ (первоочередныхъ, второочередныхъ и запасныхъ полковъ) воздерживались отъ немедленнаго поступленія въ Добр. армію. Они вѣрили, что будутъ возсозданы ихъ родныя части и личнымъ почином образовали свои, очень сильные и духомъ и числомъ ячейки. Къ сожалѣнію, о чемъ рѣчь будетъ ниже, эти надежды, какъ правильно проведенная система, осуществлены не были.

Вначалѣ, по добровольческому обычаю въ Харьковѣ были образованы особыя комиссіи, которыя и занялись регистраціей офицеровъ. Послѣднихъ было нѣсколько тысячъ. Подавляемыя этимъ числомъ, комиссіи изнемогали отъ непосильной работы, и регистрація крайне затягивалась, создавая атмосферу нервности и разочарованія. Одна изъ центральныхъ задачъ комиссіи — выявить нравственную и полити-

ческую благонадежность регистрируемыхъ, была явно невыполнима. Невыполнима потому, что въ распоряженіи комиссіи никакихъ иныхъ для сужденія матеріаловъ, кромѣ личнаго впечатлѣнія, обычно, не бывало.

Система регистраціи, заимствованная несомнѣнно отъ большевиковъ, являлась, по своимъ послѣдствіямъ, безусловно вредной и нежизненной. Для большевиковъ каждый офицеръ являлся политическимъ и классовымъ врагомъ и поэтому брался подъ подозрѣніе. При красныхъ регистраціяхъ необходимо было всякому офицеру прежде всего въ чемъ то оправдываться.

Бѣлая власть невольно усвоила тотъ же принципъ. На нашихъ регистраціяхъ офицерамъ тоже надо было, прежде всего, оправдываться. Если вопросы „оправданія" затрагивали бы только тѣхъ, кто вольно или невольно служили въ красной арміи, это имѣло извѣстный смыслъ. Къ сожалѣнію „обвинялись" всѣ, кто по тѣмъ или инымъ причинамъ проживалъ на территоріи, занятой совѣтской властью, хотя и былъ въ подавляющей массѣ, внутренне непримиримымъ, врагомъ этой власти.

Офицерство, встрѣчавшее „свою" — бѣлую армію съ энтузіазмомъ и яркими надеждами, быстро теряло порывъ первыхъ дней, считало себя несправедливо обиженнымъ и мучительно переживало свою трагедію.

Послѣ демобилизаціи 1917 — 18 г.г., на югѣ Россіи проживало не менѣе 75 т. офицеровъ. Цѣлая армія! 75 — 80% этой массы было настроено, несомнѣнно, жертвенно и патріотично, но мы не умѣли полностью использовать ихъ настроенія...

Жизнь, однако, сама вносила поправки въ несовершенную систему регистраціи и политическаго (исключительно въ смыслѣ большевизма и яркой самостійности!) отбора. Поправки эти были, быть можетъ, примитивны. но по результатамъ вполнѣ удовлетворительны.

Офицеры, настоявшись безплодно, много дней, въ длинныхъ очередяхъ официальныхъ комиссій*), переставали туда являться, а стали поступать въ тѣ или иныя части, по своимъ вкусамъ и спеціальностямъ. Принявъ новыхъ офицеровъ, каждый полкъ, частными но дѣйствительными путями, быстро выяснялъ и прошлое этихъ офицеровъ и ихъ политическія исповѣданія. Причемъ, спѣшу оговорить, что подъ понятіемъ „частный путь" ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ понимать путей, такъ сказать, контръ-развѣдывательнаго характера. Все выявлялось гораздо проще и надежнѣе. Распредѣленные по ротамъ, новые офицеры, въ частныхъ разговорахъ, сами проговаривались о прошломъ. Почти всегда находились однополчане, однокашники, или просто знакомые. А затѣмъ, лучшимъ экзаменомъ, лучшей комиссіей, являлся первый бой...

Вновь зачисленные въ полкъ офицеры назначались, обычно, рядовыми въ строевыя или спеціально офицерскія роты. Если въ періодъ зарожденія и развитія Добр. арміи, офицерскія части являлись слѣдствіемъ исключительной обстановки и были явленіемъ неизбывнымъ, то въ позднѣйшемъ времени, особенно послѣ Харькова, ихъ существованіе не только не вызывалось необходимостью, но и приносило чрезвычайный вредъ. Прежде всего, нахожденіе офицеровъ на должностяхъ рядовыхъ больно било ихъ по самолюбію и тѣмъ принижало ихъ духъ. Это была одна изъ главныхъ причинъ, почему значительный процентъ офице овъ уклонялся отъ службы въ строю. Затѣмъ, наличіе офицеровъ-рядовыхъ рѣзко отражалось на дисциплинѣ, что въ дальнѣйшемъ принесло крайне печальные плоды, запутавъ и усложнивъ вѣками слагавшееся офицерское міровозрѣніе.

Эта же система привела къ тому ненормаль-

---

*) Въ одномъ изъ большихъ центровъ юга Россіи, комиссія въ теченіе трехъ дней успѣла зарегистрировать лишь тѣхъ офицеровъ, фамиліи которыхъ начинались на букву „А"...

ному явленію, что прежнимъ кадровымъ офицерамъ, преимущественно штабъ офицерамъ, въ Арміи мѣста не находилось. На должности рядовыхъ они не годились, да и сами не желали идти въ подчиненіе молодымъ подпоручикамъ и поручикамъ. На командныя должности ихъ не назначали, ибо каждый добровольческій полкъ ревниво оберегалъ „старшинство" своихъ офицеровъ, основанное не на чинахъ и прошломъ прохожденіи службы, а исключительно базировавшееся на добровольческомъ стажѣ. Въ итогѣ, прекрасный штабъ офицерскій составъ Императорской арміи, въ своей массѣ прошедшій великолѣпную строевую и боевую школы, оставался за бортомъ. И конечно, менѣе всего можно было упрекнуть подобныхъ штабъ офицеровъ въ отсутствіи патріотизма, а тѣмъ болѣе въ „шкурничествѣ". Свою преданность Родинѣ и свою доблесть они полностью проявили во время Великой войны. Должность рядового ихъ нисколько не обижала, какъ мѣра чрезвычайная, но, *какъ систему* ,они ее рѣзко осуждали. Осуждали потому, что инстинктомъ старыхъ солдатъ понимали, что на началахъ забвенія главныхъ основъ дисциплины нельзя строить армію...

Еще до моего вступленія въ командованіе полкомъ, у Бѣлозерцевъ тоже были сформированы двѣ офицерскія роты. Обходя, при пріемѣ полка всѣ роты, я зашелъ въ помѣщеніе одной изъ офицерскихъ ротъ, бывшей въ тотъ день въ караулѣ.

Меня встрѣтилъ солидный, подтянутый полковникъ, котораго я зналъ уже баталіоннымъ командиромъ въ мирное время.

— Здравствуйте г-нъ полковникъ, какъ, и вы служите въ Бѣлозерскомъ полку? —

— Здравіе желаю г-нъ полковникъ, такъ точно, служу. —

— На какой же вы должности? —

— Фельдфебель офицерской роты. —

Я улыбнулся, но въ душѣ испыталъ большую

неловкость, ибо стоявшій рядомъ командиръ роты, былъ молодой штабсъ-капитанъ...

Моя предыдущая годичная служба въ Добр. арміи, конечно, не могла поколебать во мнѣ всего того, что было создано и укрѣплено долголѣтнимъ пребываніемъ въ Императорской арміи. Эта служба не могла опровергнуть правильности тѣхъ основъ военнаго дѣла, какія я пріобрѣлъ въ Академіи. Поэтому, я считалъ, что въ тотъ періодъ, когда Добр. армія вышла на „большую московскую дорогу“ и стала осуществл ть задачи общегосударственнаго масштаба, ей и надлежало вернуться къ принципамъ регулярной арміи. И это регулярство стало настойчиво проводиться въ Бѣлозерскомъ полку, благо мнѣ никто если и не помогалъ, то и не мѣшалъ. Это было тѣмъ легче выполнить, что въ то же время армія переживала своеобразный „удѣльно-вѣчевой“ періодъ.

Каждый командиръ полка былъ фактически неограниченнымъ хозяиномъ своей части. Если онъ добросовѣстно выполнялъ даваемыя сверху заданія и если къ тому же полкъ хорошо воевалъ, то этими данными, въ сущности, и ограничивались его взаимоотношенія съ высшими инстанціями. Существовалъ неписанный, но всѣми выполняемый и крайне вредный по своимъ послѣдствіямъ командирскій законъ: разъ начальство мнѣ ничего не даетъ, то оно и не должно вмѣшиваться въ мои внутреннія дѣла...

Большимъ зломъ Добр. арміи являлась партійность въ офицерской средѣ. Это не была, конечно, партійность политическаго характера. Зло заключалось въ дѣленіи офицеровъ на „старыхъ“ и “новыхъ“. Первая группа, притомъ меньшая числомъ, занимала командныя должности и пользовалась всѣми правами офицера и начальника. Вторая группа, рѣзко увеличившаяся послѣ выхода арміи изъ Донецкаго бассейна, въ массѣ своей никакими правами не пользовалась, считалась „рядовыми“ и лишалась

даже тѣхъ офицерскихъ преимуществъ, какія дарованы уставомъ каждому офицеру.

Еще въ каменно-угольномъ раіонѣ, мнѣ, какъ начальнику штаба дивизіи, было извѣстно, что въ Бѣлозерскомъ полку существуютъ партіи. Къ „старымъ" Бѣлозерцамъ причислялись не только тѣ, кто служилъ раньше въ полку, но и лица, присоединившіяся къ Бѣлозерской ячейкѣ въ первые мѣсяцы ея существованія. Въ свою очередь, „старые" тоже дробились на группы. Одни „поддерживали" полковника N., другіе полковника N.N.. Эти печальныя явленія приносили не менѣе печальныя послѣдствія. Какъ человѣкъ для полка новый, я, конечно, не имѣлъ ни желаній, ни основаній, „поддерживать" ту или другую группировку. „Надпартійность" командира дала прекрасные результаты: всякая партійность скоро исчезла и офицерскій составъ сталъ единымъ.

Не афишируя своихъ „регулярныхъ" взглядовъ, мнѣ удалось въ короткій срокъ установить болѣе или менѣе правильную полковую организацію и привить полку тѣ тактическія основы, какими всегда руководствовалась Русская армія.

И тотъ феерическій расцвѣтъ духовныхъ и матеріальныхъ силъ полка, какой наблюдался въ дальнѣйшемъ, объясняется, на мой взгядъ, исключительно принципами регулярства. Называю этотъ расцвѣтъ феерическимъ на основаніи цифровыхъ данныхъ: выступивъ изъ Харькова въ составѣ около 800 штыковъ, имѣя не болѣе 15 пулеметовъ, съ зачаточнымъ состояніемъ вспомогательныхъ командъ, обоза и хозяйственной части, полкъ, послѣ трехъ мѣсяцевъ тяжелыхъ боевъ, потерявъ около 4.000 ч. убитыми, ранеными и больными, къ моменту штурма Чернигова, имѣлъ 2.000 штыковъ, болѣе 100 пулеметдвъ, конно-развѣдывательную команду (200 шашекъ), запасный баталіонъ (около 600 человѣкъ), прекрасно снабженную полковую и баталіонныя команды связи и богатую хозяйственную часть съ обо-

рудованными мастерскими (оружейной, портняжной, сапожной и т. д.).

Въ полку имѣлась даже собственная газета „Вѣдомости пѣхотнаго Бѣлозерскаго полка". И это не была газета полевого типа, выпускаемая, въ подобныхъ случаяхъ, въ количествѣ 20 — 30 экземпляровъ, отпечатанныхъ на пишущихъ машинкахъ. Нѣтъ, это была настоящая газета, печатавшаяся въ мѣстныхъ типографіяхъ, съ ежедневнымъ тиражемъ, въ нѣсколько сотъ №№. Она обслуживала не только полкъ, но и занимаемый раіонъ.

Какъ было указано раньше, при формированіи новыхъ частей, вновь образованныя ячейки всегда стремились вести свои формированія при какомъ нибудь достаточно сильномъ полку. Въ свое время, Бѣлозерцы были пригрѣты Дроздовцами. По выходѣ изъ Харькова къ Бѣлозерскому полку присоединились и формировались — Иркутскій гусарскій полкъ, Олонецкій полкъ, Сводный баталіонъ 31 дивизіи, а затѣмъ и Ладожскій полкъ. Подобная тяга очень характерна и свидѣтельствуетъ, что регулярные принципы встрѣчали сочувствіе офицерскихъ массъ.

Крѣпко памятуя примѣръ Харькова и тлетворное вліяніе чествованій и банкетовъ, я уже никогда, въ дальнѣйшемъ, не принималъ приглашеній и не допускалъ у себя въ штабѣ ни „объединеній", ни „привѣтствій"...

Занимая тотъ или иной городъ, обычно устраивался парадъ войскамъ причемъ произносилась рѣчь. Всегда одна и та же по объему и по содержанію:

„За Великую, Единую, Недѣлимую Россію—ура!"

Этой „рѣчью" въ торжественной обстановкѣ объявлялся жителямъ тотъ единственный лозунгъ, какой былъ написанъ на знаменахъ Добр. армій.

VI.

Дальнѣйшее наступленіе.

Въ концѣ Іюня мнѣ было приказано выслать на фронтъ, въ распоряженіе командира Сводно-Стрѣлковаго полка, одинъ баталіонъ. Я командировалъ I баталіонъ, наиболѣе сильный въ то время, и по духу и числомъ. Баталіонъ имѣлъ 8 пулеметовъ. Командиромъ его былъ капитанъ О., георгіевскій кавалеръ, офицеръ высокой доблести и несомнѣнаго военнаго таланта. Онъ давно погибъ, но имя его считается гордостью полка.

Въ началѣ Іюля, у Богодухова, на участкѣ Дроздовскаго полка произошла неустойка, и весь Бѣлозерскій полкъ былъ спѣшно двинутъ на поддержку. Ко времени нашего подхода къ Богодухову, доблестные Дроздовцы своими силами выпрямили положеніе; однако вышедшій на фронтъ полкъ въ резервъ уже не возвращался.

Штабъ полка и резервъ располагались въ маленькомъ заштатномъ городкѣ Золочевѣ. Слабость нашихъ силъ была очевидна, и золочевцы не возлагали, повидимому, особыхъ надеждъ на силу бѣлыхъ войскъ, что побуждало ихъ не слишкомъ ярко выражать свои чувства.

Въ Золочевѣ, какъ и во всѣхъ иныхъ мѣстахъ, гдѣ мнѣ приходилось бывать, я наблюдалъ одно и то же явленіе. Въ своей массѣ и горожане и крестьяне были явно на сторонѣ бѣлыхъ. Однако, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, — это особенно рѣзко проявлялось въ прифронтовой полосѣ, — побуждала быть осторожной. Населеніе охотно помогало Арміи всѣмъ, чѣмъ только возможно, но при условіи, чтобы мы не „просили", а „требовали".

Какъ правило, гражданскій тылъ никогда не поспѣвалъ за войсками, потому я, обычно, никогда не встрѣчалъ въ занимаемомъ раіонѣ начальниковъ уѣздовъ, уѣздную стражу и иныхъ, столь же необ-

ходимыхъ властей. Первое время — и зачастую продолжительное—освобожденные нами раіоны переживали полное безначаліе, а такъ какъ жизнь предъявляла на разрѣшеніе массу вопросовъ, то явочнымъ порядкомъ возсоздавались прежніе выборные органы управленія. Причемъ я никогда не наблюдалъ, чтобы это были органы Временнаго Правительства. Авторитетъ послѣдняго былъ настолько поколебленъ въ гущѣ населенія, что лица, такъ или иначе связанные съ идеологіей этого Правительства, не встрѣчали никакого сочувствія. Это утвержденіе относится, впрочемъ, лишь къ деревенскимъ и уѣзднымъ настроеніямъ. Въ крупныхъ центрахъ были конечно иныя политическія группировки и симпатіи.

Въ деревняхъ появлялись, обычно, прежніе старосты, и всегда это были разумные, хозяйственные мужики, съ извѣстной долей мужицкой хитрости, но съ несомнѣнно развитымъ государственнымъ инстинктомъ.

Революціонное похмѣлье давно уже прошло, деревня явно обнищала и на собственномъ опытѣ убѣдилась, что „рабоче-крестьянская“ власть менѣе всего выгодъ дала крестьянамъ. И городъ и деревня жаждали власти, власти не призрачной, а твердой и справедливой. Въ представленіи населенія, мы должны были быть именно такой властью. Событія, однако, показали, что мы не могли или не сумѣли оправдать этихъ ожиданій. Возможно, что было бы еще полбѣды, если бы Добровольческая власть оказазалась нетвердой или пристрастной: жизнь такъ или иначе приспособила бы даже и такую власть къ нуждамъ населенія. Въ дѣйствительности, оказалось худшее: совсѣмъ не было власти. Если она и существовала, то обычно вдоль ж. д. магистралей. Чуть-чуть отходилъ я всторону, какъ неизмѣнно встрѣчалъ полное безначаліе. Первое, и довольно долгое время послѣ прихода бѣлыхъ войскъ, въ деревняхъ преобладали государственно настроенные элементы, изъ числа тѣхъ, кто желалъ мирнаго труда и твер-

дой власти. Элементы будирующіе, хулиганствующіе, или со скрыто большевицкимъ уклономъ, незамѣтно самопринижались. Ихъ страшила сильная власть.

Однажды я встрѣтилъ двухъ степенныхъ мужиковъ, сопровождавшихъ телѣгу, въ которой сидѣло два связанныхъ молодыхъ парня. Оказалось, что это „отправляли по начальству фулигановъ".

Одинъ изъ конвоировъ съ которымъ я заговорилъ, пригрозилъ хулиганамъ до сихъ поръ памятными мнѣ словами:

— Деникинъ, онъ вашему брату потачки не дастъ.

Судя по хмурымъ, блѣднымъ лицамъ, этому вѣрили, повидимому, и сами арестованные.

Къ сожалѣнію, эта глубочайшая вѣра стала все больше и больше колебаться. „Деникина" не видѣли и не чувствовали, и антигосударственные элементы стали снова поднимать голову, убѣдившись, что „Деникинъ" не такъ то страшенъ. А когда появилась бѣлая администрація и одинокій стражникъ затерялся въ крестьянскомъ морѣ, къ тому времени вѣра „государственниковъ" была уже подорвана, а враждебныя намъ настроенія настолько окрѣпли, что безсильный стражникъ уже никого не обнадеживалъ и никого не устрашалъ.

Лишенная мануфактуры, сахара, керосина и всего того, что могла дать лишь сильная власть, деревня охладѣвала къ Добр. арміи и въ одинаковой степени отвернулась и отъ бѣлыхъ и отъ красныхъ. Города (я наблюдалъ преимущественно уѣздные) находились въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ. Тамъ все же появлялось начальство и своимъ присутсвіемъ укрѣпляло авторитетъ добровольческой власти.

Уѣздные города черноземной полосы обычно являлись не болѣе, какъ посредниками между большими обрабатывающими центрами и деревней. Такіе города не имѣли самодовлѣющаго значенія. Поэтому россійская политическая и экономическая разруха особенно отразилась на жизни подобныхъ пунктовъ.

Жизнь явно замерла. Склады были пусты. Въ немногихъ магазинахъ уныло лежали на полкахъ ненужные товары. Нужныхъ же не было или было очень мало.

Все же прежній бытъ, создаваемый десятилѣтіями, еще сохранялся, и во многихъ мелочахъ чувстовались отголоски прежней привольной и сытой жизни.

Невольно обращало вниманіе отсутствіе молодежи. Не только юношей, но и дѣвушекъ. Впрочемъ, быть можетъ, ихъ такъ состарила революція, что они утеряли и молодой видъ, и звонкіе голоса, и провинціальную шумливость...

* *
*

Полку было приказано занять участокъ, общимъ протяженіемъ около 15 в. и не допускать выдвиженія красныхъ со стороны гор. Грайворона (около 40 верстъ сѣвернѣе Харькова). Ровная, совершенно открытая мѣстность и большое по сравненію съ силами полка протяженіе фронта, значительно осложняли вопросы обороны. Большевики, наоборотъ, владѣли всѣми командующими пунктами, дававшими имъ прекрасный артиллерійскій и ружейный обстрѣлъ. На ихъ сторонѣ имѣлся рядъ населенныхъ пунктовъ и перелѣсковъ, укрывавшихъ красныя войска.

Формировать полкъ и вести бой, — совмѣщеніе трудное. Къ нашему благополучію, большевики, повидимому, находились еще подъ впечатлѣніемъ прежнихъ неудачъ и поэтому не часто насъ безпокоили. Нѣсколько ихъ попытокъ перейти въ наступленіе и сбить полкъ успѣха не имѣли. Постепенно роты и баталіоны выучились маневрировать и скоро личнымъ опытомъ убѣдились въ могуществѣ этого боевого фактора. Плѣнные и взятое оружіе наглядно свидѣтельствовали, что духъ новой части крѣпнетъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ выхода полка на фронтъ, полкъ получилъ сперва отъ начальника дивизіи, а скоро и отъ командира корпуса благодар-

ность за боевую работу, причемъ, впервые, Бѣлозерцы были названы „доблестными“. Этотъ незначительный по существу фактъ имѣлъ однако немаловажныя послѣдствія. Прослышавъ объ успѣхахъ полка, изъ тыла стали прибывать офицеры и солдаты, находившіеся въ госпиталяхъ, приставшіе къ тыловымъ учрежденіямъ и прочіе. Съ ними зачастую пріѣзжали и новые добровольцы. Всѣ они неизмѣнно просились въ строй. Эта тяга въ полкъ давала большое нравственное удовлетвореніе. Въ числѣ прибывшихъ явился еще въ Золочевѣ полковникъ Г. Онъ служилъ въ полку въ мирное время и, по праву, могъ называться „старымъ“ Бѣлозерцемъ. Не вѣря, повидидимому, въ возможность сформированія полка, Г., имѣя протекцію, устроился при штабѣ арміи. Въ Золочевъ онъ пріѣхалъ подъ предлогомъ навѣстить своего пріятеля полковника Радченко и, представляясь мнѣ, доложилъ, что черезъ три дня „обязанъ“ вернуться къ мѣсту своей службы. Я прекрасно понялъ, что онъ пріѣхалъ не „въ гости“, а убѣдиться лично, насколько молва о достиженіяхъ полка соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Ему была предоставлена полная свобода дѣйствій.

Черезъ три дня полковникъ Г. обратился ко мнѣ съ просьбой вновь принять его въ полкъ. Я охотно согласился и въ дальнѣйшемъ въ его лицѣ имѣлъ помощника, горячо любившаго родной полкъ, стремившагося возсоздать прежнія традиціи и вписавшаго не одну славную страницу въ исторію Бѣлозерцевъ. Своимъ возвращеніемъ онъ увлекъ и рядъ другихъ прекрасныхъ офицеровъ.

Эпизоды, даже мелкіе, зачастую свидѣтельствуютъ болѣе убѣдительно, чѣмъ пространныя отвлеченныя разсужденія, и примѣръ полковника Г. иллюстрируетъ, какъ сложенъ былъ офицерскій вопросъ въ Добр. арміи.

Штабъ полка состоялъ изъ трехъ человѣкъ: моего помощника полковника Радченко, оперативнаго

адъютанта подпоручика Глобы и начальника команды связи подпоручика Л.*)

Прекрасно знавшій родной ему полкъ съ начала формированія, всегда корректный, дисциплинированный, быстро уяснявшій обстановку, полковникъ Радченко былъ прекраснымъ во всѣхъ отношеніяхъ офицеромъ.

Подпоручикъ Глоба являлся именно тѣмъ адъютантомъ, какой былъ мнѣ необходимъ: неутомимый въ работѣ, крайне исполнительный, онъ умѣлъ хранить секреты и былъ ко всѣмъ благожелателенъ. Чистой души человѣкъ, онъ, какъ и полков. Радченко отличался рѣдкимъ безпристрастіемъ.

Подпоручикъ Л. быстро усвоилъ мои требованія и въ самой тяжелой обстановкѣ давалъ идеальную связь. Его команда, казалось, не знала усталости. Среди телефонистовъ было много учащейся молодежи, и потому работа команды всегда была очень сноровистой и грамотной.

Съ перваго же дня боевыхъ дѣйствій, штабъ полка былъ соединенъ телефономъ съ баталіонами и ротами. Столь элементарное правило связи, о которомъ въ нормальныхъ условіяхъ веденія войны не приходилось бы и вспоминать, въ гражданскую войну являлось уже крупнымъ достиженіемъ, которое не только подчеркивали, но которымъ гордились... Въ напряженные періоды боя, когда полковой участокъ имѣлъ 25-30 в., Глоба или я не отходили отъ телефона. Мы слышали всѣ переговоры командировъ баталіоновъ и ротъ и потому всегда были въ полномъ курсѣ дѣла. Прежде чѣмъ получалось донесеніе о неустойкѣ на томъ или иномъ участкѣ, мы уже предугадывали критическое положеніе и къ угрожаемому участку направлялся резервъ. И когда баталіонный командиръ возбужденнымъ тономъ докла-

---

*) Не зная, гдѣ находятся многія лица, о которыхъ упоминается въ настоящемъ изложеніи, я воздерживаюсь называть фамиліи полностью.

дывалъ о томъ, что „снимаетъ телефонъ“ и начинаетъ отходить, въ отвѣтъ ему сообщалось, что черезъ 10-15 минутъ подойдетъ уже „полчаса тому назадъ“ высланный резервъ.

— Продержитесь? —

— Такъ точно, продержимся, — слышался радостный и снова бодрый голосъ...

Подобная освѣдомленность скоро внушила крѣпкую вѣру полка въ полковой штабъ.

Строевая канцелярія находилась всегда въ тылу. Ѣздить туда и, слѣдовательно, оставлять полкъ я не могъ, а потому періодически вызывалъ для доклада полкового адъютанта, подпоручика Х. Онъ почему то боялся меня, хотя повода ему для этого я и не давалъ. Несмотря на подобную боязнь, онъ все же, пользуясь своей отдаленностью и отсутствіемъ надзора, злоупотреблялъ моимъ довѣріемъ. Сталъ пить, ухаживать, а иногда просто безобразничать. Открылось это случайно. Однажды онъ прибылъ ко мнѣ съ докладомъ. По своему обыкновенію франтовато одѣтый, съ тщательно сдѣланнымъ проборомъ, и сильно надушенный какими то скверными духами.

Я долго крѣпился, но затѣмъ не выдержалъ:

— Что это вы такъ благоухаете?

Адъютантъ страшно смутился, покраснѣлъ и почему то прикрылъ ротъ рукой.

— Виноватъ, г-нъ полковникъ, это вчера у меня были гости, мы случайно засидѣлись и... —

— ... и немного выпили. —

Я смотрѣлъ на него, онъ на меня. Тутъ то я почувствовалъ ясный ароматъ виннаго перегара.

Произошло забавное недоразумѣніе. Спрашивая, почему онъ „такъ благоухаетъ“, я имѣлъ въ виду исключительно запахъ духовъ. Поручикъ Х., зная за собой вину, вообразилъ, что подъ благоуханіемъ я подозрѣваю винный перегаръ.

Это qui pro quo открыло мнѣ глаза и были приняты нужныя мѣры...

Подобные случаи были, впрочемъ, единичны и

въ своей массѣ строевое офицерство служило своей Родинѣ съ полнымъ самопожертвованіемъ и съ большимъ аскетизмомъ.

Съ первыхъ же дней выхода полка изъ Харькова, я сталъ убѣждаться, что фактомъ сформированія офицерскихъ ротъ была допущена крупная ошибка. Въ первомъ же бою одна изъ такихъ ротъ проявила и нервность и недостаточное упорство. Узнавъ объ этомъ, я прибылъ на участокъ роты и приказалъ ее собрать. Замѣтивъ суету, большевики стали посыпать насъ шрапнелью. И подъ огнемъ противника происходилъ нашъ „разговоръ". Въ рѣзкихъ выраженіяхъ пристыдилъ я офицеровъ, поставилъ имъ въ примѣръ другія роты, тутъ же отрѣшилъ командира роты и пообѣщалъ въ случаѣ повторенія малодушія примѣнить суровыя мѣры воздѣйствія.

Серіозная боевая обстановка того періода побудила меня обойтись съ офицерской ротой такъ строго и непривѣтливо. Однако и тогда и теперь я отчетливо понималъ и понимаю, что былъ несправедливъ.

Поставленные въ ненормальныя условія, офицеры не могли полностью выявить своего духа и той доблести, на какую они были способны.

Я рѣшилъ постепенно упразднить офицерскія роты и вернуться къ нормальной организаціи.

Послѣ моего разговора съ офицерами на ж. д. станціи, рота воевала вполнѣ прилично, однако подлинную доблесть всѣ эти „рядовые" проявили лишь тогда, когда были распредѣлены по ротамъ и стали начальниками. Почувствовавъ себя на своемъ мѣстѣ, въ привычныхъ имъ служебныхъ взаимоотношеніяхъ, они дали полностью свои лучшія качества.

* * *

Въ періодъ нахожденія передъ Грайворономъ, посѣтилъ полкъ Командующій арміей. Получивъ донесеніе о его пріѣздѣ, я немедленно явился ген. Май-Маевскому. Онъ принялъ меня въ своемъ вагонѣ.

Несмотря на ранній часъ (было около 6 часовъ утра), на столѣ стояла почти пустая бутылка вина. Во время доклада и послѣдующаго разговора, Май-Маевскій прикончилъ и остатки. Въ началѣ командующій слушалъ меня внимательно и задавалъ вопросы, ясно свидѣтельствовавшіе, что его голова работаетъ вполнѣ хорошо. Черезъ полчаса, подъ вліяніемъ вина и жары, онъ сталъ все болѣе и болѣе сдавать.

Нѣсколько разъ входилъ въ купэ, въ которомъ мы сидѣли, адъютантъ ген. Май-Маевскаго — Макаровъ. Прежде всего его взглядъ останавливался на бутылкѣ. Видя ее пустой, онъ порывался замѣнить ее новой, однако генералъ, повидимому, нѣсколько меня стѣснялся и выпроваживалъ своего адъютанта небрежнымъ движеніемъ руки.

При появленіи Макарова я всякій разъ прекращалъ свой докладъ и выжидалъ его ухода. Командующій это замѣтилъ и, когда адъютантъ вошелъ въ купэ въ третій разъ, Май сказалъ:

— Пошелъ вонъ! —

Сказалъ такимъ тономъ, что не оставалось сомнѣній въ привычной обиходности этой фразы...

Послѣ доклада былъ обходъ позицій ближайшаго баталіона. Я видѣлъ съ какимъ трудомъ двигался ген. Май-Маевск й. Онъ запыхался, какъ то прихрамывалъ и явно изнемогалъ. Неумѣренное попотребленіе алкоголя приносило свои результаты.

Мы обошли участокъ лишь одного или двухъ взводовъ. Дальше Командующій идти уже не могъ и вернулся въ свой вагонъ совсѣмъ измученнымъ. Онъ грузно опустился на стулъ и сталъ жадно пить вино, принесенное Макаровымъ.

Мнѣ было искренно жаль генерала. Онъ явно пропивалъ и свой умъ, и здоровье, и незаурядныя способности.

Въ этотъ моментъ я видѣлъ въ немъ лишь больного человѣка:

— Ваше Пр-во, вы лучше легли бы и отдохнули.

Май не обидѣлся на такое нарушеніе дисциплины, грустно улыбнулся и какъ то безнадежно махнулъ рукой.

— Сталъ слабѣть. Самъ чувствую, что машина портится.

Я откланялся и вышелъ. На перронѣ меня нагналъ Макаровъ:

— Г-нъ полковникъ, нельзя ли устроить завтракъ для Командарма, онъ еше ничего не ѣлъ? —

Убѣжденный, что иниціатива завтрака исходитъ отъ Макарова, я холодно отказалъ, заявивъ, что у меня нѣтъ никакихъ запасовъ.

И дѣйствительно, въ штабѣ не было ни вина, ни закусокъ. Макаровъ ушелъ. Черезъ двѣ минуты онъ снова подошелъ ко мнѣ:

— Командармъ проситъ васъ не стѣсняться и дать, что у васъ найдется. Хотя бы картошку. Вино и водка у насъ есть. —

Послѣ этихъ словъ, мнѣ оставалось только исполнить желаніе Командующаго арміей.

Черезъ часъ былъ поданъ завтракъ — чай, вареныя яйца, яичница, картофель. Въ полномъ смыслѣ походный завтракъ.

Въ томъ раіонѣ, какой занималъ полкъ, находилось нѣсколько сахарныхъ и винокуренныхъ заводовъ. Они не работали, но на заводскихъ складахъ хранились большіе запасы сахара и спирта. Склады эти охранялись, по моей иниціативѣ, моими же караулами. Это многомилліонн е богатство находилось въ прифронтовой полосѣ и имъ никто не интересовался. Не интересовались, правда, лишь тѣ официальные органы, которые, должны были бы интересоваться подобнымъ „золотымъ“ запасомъ. Полки н многочисленныя военныя учрежденія, наоборотъ, очень скоро провѣдали о сахарѣ и спиртѣ и ежедневно ко мнѣ являлись „пріемщики“ съ просьбой выдать для ихъ частей то или иное количество сахара и спирта. Наиболѣе скромные просили 30 — 50 пудовъ сахара, а ловкачи запрашивали — вагонъ. Въ силу, какихъ со-

ображенiй, я не знаю, но заводская администрацiя не только не препятствовала выдачамъ, но какъ будто даже ихъ поощряла. Всѣ управляющiе требовали только одну формальность: мою помѣтку, что сахаръ и спиртъ берутся дѣйствительно для нуждъ частей. Несмотря на доклады, я не получалъ по этому вопросу никакихъ указанiй свыше. А обращенные ко мнѣ просьбы штабовъ дивизiи, корпуса и армiи объ отпускѣ сахара и спирта убѣждали меня, что я являюсь какъ бы признаннымъ расходчикомъ всего этого добра. Въ виду такого положенiя дѣлъ, я не считалъ необходимымъ отказывать войскамъ, когда они ко мнѣ обращались. Спиртъ отпускалъ скупо, сахаръ же болѣе щедро. Конечно не вагонами.

Окончивъ завтракъ, Макаровъ обратился ко мнѣ съ просьбой дать для штаба армiи — спирта и сахара. Зная, что Макаровъ спекулируетъ, я отказалъ. Онъ пошепталъ что то на ухо Командующему, и ген. Май-Маевскiй, съ благодушной улыбкой сытаго и довольнаго человѣка, поддержалъ просьбу своего адъютанта:

— Дайте ему немного сахара и спирта. Штабъ просилъ, чтобы мы имъ привезли. —

Я исполнилъ это приказанiе, помѣтивъ на поданой мнѣ запискѣ — „15 пудовъ сахара и 1 ведро спирта".

Позже, уже послѣ отбытiя генерала, я узналъ, что Макаровъ получилъ во много разъ больше, чѣмъ ему было разрѣшено. Если память не измѣняетъ то 150 пудовъ сахара и 15 ведеръ спирта. Онъ не смущаясь приписалъ лишнiя цифры...

* * *

Командующiй армiей въ довѣрительномъ разговорѣ предупредилъ меня о своемъ рѣшенiи перейти въ наступленiе въ ближайшемъ будущемъ. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней я получилъ приказанiе овладѣть Грайворономъ, а затѣмъ захватить и удерживать ст. Готня, — желѣзнодорожный узелъ того раiона.

Грайворонъ и ж. д. линію Харьковъ — Кореново защищала красная дивизія. Она во много разъ превосходила численностью Бѣлозерскій полкъ, однако подобное соотношеніе силъ воспринималось, какъ нормальное явленіе гражданской войны. Всей группой красныхъ войскъ командовалъ, какой то матросъ. Силѣ и невѣжеству надо было противопоставить доблесть и искусство. Позиція большевиковъ была усилена окопами, имѣвшими у Грайворона двухъ ярусную оборону и проволочныя загражденія.

Мѣсто предстоящаго боя являло картину, какую можно было наблюдать только въ періодъ гражданской войны. Между фронтами нашимъ и красныхъ весь день работали крестьяне, убирая хлѣбъ. Во время перестрѣлокъ охраненія, они ложились на землю, а когда огонь прекращался, снова принимались за работу. Иногда бывали среди нихъ раненые.

Я приказалъ своему охраненію безъ крайней нужды, огня не открывать, и крестьяне скоро примѣтили, что иниціаторами стрѣльбы являлись, обычно, большевики. Это обстоятелство вызвало большую непріязнь къ краснымъ, чѣмъ мы и пользовались. Мужики и бабы, желая насолить краснымъ, охотно передавали нашимъ развѣдчикамъ всѣ свѣдѣнія о противникѣ.

Поля „нашихъ“ крестьянъ находились позади расположенія полка и пропускъ черезъ линію Бѣлозерскаго охраненія былъ воспрещенъ. Когда утромъ кресгьяне не выходили на работы, это всегда являлось признакомъ того, что большевики, что то готовятъ...

Красныя войска обладали одной особеностью: они, какъ всякія слабыя духомъ части, не любили ночныхъ боевъ и если бывали сбиваемы передъ вечеромъ, то уходили стремительно, стараясь возможно скорѣе оторваться отъ преслѣдованія.

Располагая слабыми силами, я рѣшилъ использовать эту особенность красныхъ и назначилъ атаку Грайворона подъ вечеръ. Накаунѣ ночью была про-

изведена соотвѣтствующая перегруппировка и, въ теченіе дня, выдвинутыя роты лежали, прикрываясь наскоро вырытыми замаскированными окопами. Большевики не замѣтили всѣхъ этихъ приготовленій и видя, что день проходитъ спокойно, — успокоились и сами.

Стремительно поведенная во флангъ атака, чего, повидимому, мой партнеръ — матросъ никакъ не ожидалъ, произвела на противника сильное впечатлѣніе. Матросъ двинулъ всѣ свои резервы на атакованный участокъ и, какъ потомъ выяснилось, выѣхалъ туда и самъ. Съ нашей стороны это было, однако, только демонстрація, и главный ударъ былъ нанесенъ въ центрѣ. Все было закончено менѣе, чѣмъ въ 3 часа. Мы захватили болѣе 200 плѣнныхъ, нѣсколько пулеметовъ, одно орудіе и почти весь обозъ красныхъ. Среди взятой большой добычи оказался обширный складъ англійской парфюмеріи. Зачѣмъ большевики привезли его въ Грайворонъ, я такъ и не дознался.

Выполняя свою задачу, полкъ, съ приданной ему Дроздовской батареей и дивизіономъ Иркутскихъ гусаръ, продолжалъ наступать къ сѣверу. Очень упорные и кровавые бои происходили за обладаніе ж. д. Бѣлгородъ — Сумы. Здѣсь разыгрался трагическій эпизодъ, стоившій жизни прекрасному офицеру — командиру 1 роты поручику А. Послѣ удачнаго боя, А. подошелъ къ группѣ безоружныхъ плѣнныхъ и въ тотъ моментъ, когда онъ мирно разговаривалъ съ красноармейцами, къ нему незамѣтно приблизился одинъ изъ плѣнныхъ и, выстрѣломъ изъ револьвера въ спину, убилъ А. наповалъ. Выстрѣлившій оказался комиссаромъ. Въ одно мгновеніе онъ былъ растерзанъ солдатами 1 роты, очень любившими своего командира, но это, конечно, не воскресило погибшаго.

* * *

Въ серединѣ 1919 года опредѣленно обрисо-

вался переломъ въ нашихъ отношеніяхъ къ плѣннымъ. Если въ первый періодъ существованія Добр. арміи война обѣими сторонами велась, въ сущности, на уничтоженіе, то къ указанному періоду, уже не наблюдалось прежняго озлобленія. Плѣнные офицеры и солдаты, если они не были коммунистами, обычно и безъ особыхъ формальностей принимались въ ряды полонившаго ихъ полка. По неписаннымъ добровольческимъ законамъ, всѣ плѣнные считались собственностью той части, какая ихъ взяла. Часть плѣнныхъ, изъ числа лучше одѣтыхъ, оставалась при полку и ими пополнялись роты. Остальные, если они не были нужны, отправлялись въ тылъ, гдѣ и передавались корпуснымъ и армейскимъ комендантамъ. Существовали ли по вопросу о плѣнныхъ какія либо общія инструкціи, изданныя Главнымъ Командованіемъ, я не знаю. Думаю, что таковыя были изданы, но лично ко мнѣ онѣ не доходили.

Сама жизнь выработала извѣстныя правила отбора плѣнныхъ, каковыя и примѣнялись командирами полковъ съ тѣми или иными, но въ общемъ незначительными варіаціями.

Обычно каждая группа плѣнныхъ сама выдавала комиссаровъ и коммунистовъ, если таковые находились въ ихъ числѣ. Инородцы выдѣлялись своимъ внѣшнимъ видомъ или акцентомъ. Послѣ выдѣленія всѣхъ этихъ элементовъ, ярко враждебныхъ бѣлой арміи, остальная масса становилась незлобивой, послушной и быстро воспринимала нашу идеологію. За рѣдкимъ исключеніемъ, большинство были солдатами въ періодъ Великой войны и потому, послѣ небольшого испытанія, ставились въ строй. Они воевали прекрасно. Въ Бѣлозерскомъ полку, солдатскій составъ на 80—90% состоялъ изъ плѣнныхъ красноармейцевъ или изъ тѣхъ мобилизованныхъ, которые служили раньше у большевиковъ, а затѣмъ, при отходѣ, сбѣжали.

Въ другихъ частяхъ солдатскій вопросъ обстоялъ, примѣрно, такъ же какъ и у меня. Много разъ и съ

особымъ вниманіемъ присматривался я къ своимъ солдатамъ, бывшимъ красноармейцамъ, стараясь отыскать въ нихъ, какіе либо „красныя“ че ты. И всегда, въ своей массѣ, это были добродушные русскіе люди, зачастую религіозные, съ ярко выраженнымъ внутреннимъ протестомъ противъ большевизма. Всегда чувствовалось, что большевизмъ захлестнулъ ихъ только внѣшне и не оставилъ замѣтныхъ слѣдовъ на ихъ духовной сущности.

Въ Добр. арміи вопросъ о пополненіи полковъ изъ запасныхъ армейскихъ частей былъ разрѣшенъ неудовлетворительно. Со времени выхода изъ Харькова и до начала Бредовскаго похода, т. е. въ теченіе семи мѣсяцевъ, Бѣлозерскій полкъ пропустилъ черезъ свои ряды болѣе 10.000 человѣкъ — офицеровъ и солдатъ. И за все это время, только одинъ или два раза я получилъ, изъ какого то армейскаго баталіона, пополненіе, общей сложностью, 300 — 400 человѣкъ. Между тѣмъ, громадная территорія, занятая Добр армией къ октябрю 1919 года, давала, казалось, неизсякаемый источникъ людского запаса. Въ тотъ періодъ имѣлись всѣ матеріальныя возможности создать не только правильно дѣйствующія запасныя части, но сформировать и новую армію. Примѣръ ген. Краснова, сумѣвшаго въ кратчайшій срокъ создать молодую Донскую армію, достаточно убѣдительный. И не подлежитъ сомнѣнію, что наличіе въ тылу сильныхъ и готовыхъ къ дѣйствіямъ резервовъ не допустило бы той катастрофы какая, въ концѣ концовъ, постигла обезсиленный фронтъ.

По справедливости надо признать, что недостатка въ предупрежденіяхъ и въ предупрежденіяхъ очень серіозныхъ, не было. Въ своемъ продвиженіи отъ Харькова до линіи Орелъ — Черниговъ, малочисленная, растянутая на сотни верстъ, Добр. армія нѣсколько разъ переживала тяжелые кризисы. Величайшей доблестью и безконечными жертвами фронтъ восполнялъ недочеты организаціи, сбивалъ врага, двигался впередъ, по пути самоформировался и че-

резъ нѣкоторое время переживалъ очередное безсиліе. Полковые участки въ 25—30 в. протяженіемъ, при составѣ въ 800—1.000 штыковъ, почитались явленіемъ нормальнымъ...

Неудачное разрѣшеніе вопроса объ армейскихъ запасныхъ частяхъ, побуждало каждаго командира полка лично заботиться о пополненіяхъ.

Мы и заботились, какъ умѣли, по своему крайнему разумѣнію. Высшія инстанціи всегда требовали отъ командировъ возможно большее количество „штыковъ", т. е. бойцовъ. Для насъ — начальниковъ, этотъ вопросъ былъ тоже самымъ важнымъ. Безъ „штыковъ" мы воевать не могли, а обстановка требовала постоянныхъ боевъ. Вся совокупность условій побудила меня въ первый же мѣсяцъ по выходѣ изъ Харькова сформировать свой запасный баталіонъ и образовать при комендантской ротѣ небольшой мобилизаціонный аппаратъ.

Командиромъ запаснаго баталіона былъ назначенъ тотъ полковникъ, котораго въ Харьковѣ я встрѣтилъ въ должности фельдфебеля офицерской роты. Своими знаніями и опытомъ онъ принесъ полку не мало пользы.

Баталіонъ могъ принять до 800 человѣкъ. Каждый строевой баталіонъ имѣлъ свою запасную роту, поддерживалъ съ нею тѣсную связь и всячески о ней заботился. Баталіонъ комплектовался плѣнными и мобилизованными. И вновь утверждаю, что поставленные въ строй солдаты дрались прекрасно. Среди длиннаго ряда всевозможныхъ подвиговъ, я не могу не вспомнить одного, особенно трогательнаго своею духовною красотою.

Одинъ изъ Бѣлозерскихъ баталіоновъ былъ сбитъ и отходилъ, преслѣдуемый красными. При отходѣ черезъ деревню, поручикъ Р. былъ раненъ и упалъ. Къ нему подбѣжалъ солдатъ, недавно взятый въ плѣнъ красноармеецъ.

— Г-нъ поручикъ, что съ вами? Вставайте. Слѣдомъ подходятъ большевики. —

— Не могу, у меня перебита нога. —

— Ахъ грѣхъ какой! Я же васъ не дотащу. —

Солдатъ былъ маленькій, худенькій, слабосильный.

Пристрѣли меня, все равно пропадать, да уходи скорѣе самъ... —

—Что вы, г-нъ поручикъ, это невозможно. —

Солдатъ подхватилъ офицера и потащилъ въ сосѣдній дворъ. Втащилъ въ сарай, зарылъ въ сѣно. Туда же спряталъ свою фуражку и погоны. Хозяинъ дома — крестьянинъ — ему помогалъ и далъ взамѣнъ фуражки старую шапку. Въ это время подбѣжали большевики. Съ винтовкой въ рукахъ и съ крестьянской шапкой на головѣ солдатъ удачно разыгралъ красноармейца, якобы только что зашедшаго во дворъ.

— А что, товарищъ, никого здѣсь нѣтъ? —

— Никого. Сейчасъ только осмотрѣлъ весь дворъ. —

Притворившись затѣмъ больнымъ, онъ легъ у дверей сарая и никого не пропускалъ во внутрь.

Черезъ нѣсколько часовъ деревня была снова взята нами. Первой ворвалась рота, въ которой служилъ поручикъ Р.· Его отсутствіе было замѣчено и солдаты желали найти своего офицера живымъ или мертвымъ.

Р. былъ найденъ. Его спасъ солдатъ который къ тому его и не зналъ

Какъ командиръ полка, я немедленно произвелъ солдата въ унтеръ-офицеры и выдалъ ему денежную награду. Какъ временно командовавшій тогда дивизіей, наградилъ героя георгіевской медалью. Затѣмъ поцѣловалъ отъ имени полка.

Солдатъ покраснѣлъ, сконфузился и сказалъ слабымъ голосомъ:

— Да я ничего такого, г-нъ полкввникъ, и не сдѣлалъ... —

Его лицо и глаза подтверждали его искренность. Повидимому онъ не считалъ, что совершен-

ный имъ подвигъ, подвигъ дѣйствительно возвышенной души. Крестьянину, хозяину дома, подарили лошадь и два пуда сахара. Онъ былъ счастливъ...

Что касается плѣнныхъ и мобилизованныхъ офицеровъ, то въ своей массѣ они доблестно воевали, а когда приходилось — умирали. Конечно, развращающее вліяніе революціи и большевизма не прошли безслѣдно и среди офицеровъ, впрочемъ какъ явленіе крайне рѣдкое, встрѣчались люди малодушные. Понятно, что моя аттестація относится къ строевымъ офицерамъ, т. е. къ тѣмъ, кто своей жертвенностью и кровью являлъ примѣры величайшей доблести и патріотизма. Въ тылахъ было иное настроеніе и наряду съ натурами высоко-честными встрѣчались люди безпринципные и нравственно опустившіеся.

Офицеры, перешедшіе отъ большевиковъ или взятые въ плѣнъ, если они не были коммунистами, рѣшительно никакимъ репрессіямъ не подвергались. Всѣ они для испытанія назначались рядовыми въ строй и послѣ небольшого искуса уравнивались въ правахъ съ остальными офицерами полка.

Для характеристики офицеровъ, служившихъ раньше у большевиковъ, приведу два наиболѣе яррихъ примѣра.

Однажды полкъ велъ бой съ превосходными силами красныхъ. Въ тылу у насъ находилась рѣка съ единственнымъ мостомъ. Большевики напрягали всѣ усилія захватить эту переправу, что поставило бы полкъ въ катастрофическое положеніе. Батальонъ, прикрывавшій путь къ мосту, явно изнемогалъ. Я снялъ съ отдаленнаго участка, на которомъ только что была отбита атака, роту и приказалъ ей бѣгомъ двигаться на поддержку. Рота могла прибыть не ранѣе 30 — 40 минутъ, а въ это время уже обнаружилось, что большевики заходятъ въ тылъ атакованному баталіону. Чувствовалось, что сейчасъ рѣшится участь не только боя, но и полка. Стрѣльба съ нашей стороны умолкала. Зловѣщій признакъ!.. Въ этотъ критическій моментъ одинъ изъ офицеровъ,

взятый незадолго передъ тѣмъ у большевиковъ, сорвалъ свои погоны и сталъ уговаривать другихъ послѣдовать его примѣру и сдаться.

Узнавъ объ этомъ, я приказалъ тутъ же разстрѣлять малодушаго офицера, что и было немедленно исполнено. Эта трагическая сцена произвела сильнѣйшее впечатлѣніе...

Показалась спѣшащая на поддержку рота, и баталіонъ былъ двинутъ въ контръ-атаку. Большевики отхлынули, а мы взяли болѣе 300 плѣнныхъ, 6 пулеметовъ, много оружія и патроновъ. Описанный бой былъ отмѣченъ въ офиціальныхъ сводкахъ штаба Главнокомандующаго...

Другой примѣръ выявляетъ типъ офицера, противоположный первому.

Въ періодъ боевъ подъ Курскомъ, я направлялся съ подпоручикомъ Глобой на одинъ изъ участковъ полка. По пути встрѣтили партію плѣнныхъ.

На мой вопросъ есть ли среди нихъ офицеры, послышался отвѣтъ:

— Я офицеръ, г-нъ полковникъ.

Взявъ руку подъ козырекъ, передо мною вытянулся небольшого роста, коренастый человѣкъ 33-35 лѣтъ.

— Какъ ваша фамилія?

— Поручикъ Трохимчукъ. —

— Гдѣ вы раньше служили?

— Въ мирное время былъ сверхсрочно-служащимъ въ N. полку, а на войнѣ произведенъ въ офицеры. —

— Какъ же вамъ не стыдно было воевать противъ насъ? —

— Да ужъ такъ сложились обстоятельства, г-нъ полковникъ.

При этихъ словахъ голосъ Трохимчука какъ то дрогнулъ. Что то хорошее и честное слышалось въ отвѣтахъ плѣннаго.

— Желаете у насъ служить? —

— Такъ точно, желаю. —

Поручикъ Трохимчукъ былъ зачисленъ въ одну изъ ротъ, но не въ ту, которая его плѣнила.

Въ теченіе двухнедѣльныхъ боевъ я нѣсколько разъ справлялся, какъ держится Трохимчукъ, и ротный командиръ всегда отзывался о немъ, какъ о примѣрномъ офицерѣ.

Однажды мнѣ надо было во что бы то ни стало удержать переправу, вводящую во флангъ нашего расположенія. Къ тому времени полкъ понесъ большія потери. Почти всѣ ротные командиры и много офицеровъ были выбиты. Это былъ очередной кризисъ, когда кровью восполняли недостатокъ силъ и недочеты армейской организаціи. На переправу можно было выдѣлить только полуроту крайне слабаго состава при пулеметахъ. Туда требовался офицеръ, во всѣхъ отношеніяхъ надежный. Я вспомнилъ о поручикѣ Трохимчукѣ и, узнавъ, что онъ цѣлъ, вызвалъ его къ себѣ.

— Поручикъ Трохимчукъ, мнѣ необходимо удержать такую то переправу и для ея обороны можно выдѣлить только полуроту съ 2 пулеметами. Я хочу назначить васъ командиромъ этой полуроты.

— Покорно благодарю, г-нъ полковникъ. —

— Имѣйте въ виду, что если большевики васъ собьютъ, то положеніе полка будетъ тяжелымъ. —

— Понимаю. —

— Смотрите, поручикъ Трохимчукъ, удержитесь. Я вамъ вѣрю. —

— Конечно, я служилъ у большевиковъ... И не могу ничего вамъ доложить, но вы сами увидите г-нъ полковникъ... —

Поручикъ Трохимчукъ, дѣйствительно, выполнилъ свое обѣщаніе.

Несмотря на тяжелое положеніе, онъ удержалъ переправу, потерявъ убитыми и ранеными болѣе половины своей полуроты. Въ концѣ боя, когда положеніе уже упрочилось, онъ былъ убитъ.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но я всегда съ волненіемъ вспоминаю этого честнаго офицера...

VII

Оборонительные бои.

По овладѣніи ж. д. линіей Бѣлгородъ—Сумы, полкъ продолжалъ наступать къ сѣверу и, форсировавъ р. Псіолъ, овладѣлъ г. Суджей. Послѣ нѣсколькихъ дней передышки, бои вновь возобновились. Съ каждымъ днемъ уширялся „Бѣлозерскій уголокъ“ на городскомъ кладбищѣ.

Согласно армейскимъ директивамъ, наступленіе полка было пріостановлено. Необходимо было выравнять фронтъ корпуса и подготовиться къ овладѣнію Курскомъ. Большевики, оправившись послѣ паденія Харькова и видя наше энергичное наступленіе, понимали, что развязка приближается. Они всемѣрно усиливали свой фронтъ и, пользуясь перевѣсомъ въ силахъ, упорными боями обезсиливали Добров. армію. Бѣлый фронтъ былъ предоставленъ собственнымъ силамъ и зналъ, что армейскихъ резервовъ нѣтъ.

Еще на ст. Готня, въ мое распоряженіе, прибылъ сводный баталіонъ 31 дивизіи, приступившей къ формированію явочнымъ порядкомъ. Безъ обозовъ, бѣдно снабженный матеріальной частью, ибо былъ двинутъ на фронтъ въ періодъ для себя наименѣе благопріятный, баталіонъ все же былъ сиолёнъ духомъ и дрался хорошо. Командира баталіона полковника С. и его помошника полковника Т. я зналъ еще раньше. Это были прекрасные боевые офицеры. Несмотря на прибытіе этого баталіона, наши силы во много разъ уступали большевицкимъ. При такомъ неравенствѣ, мы могли имѣть успѣхъ только при наступленіи, т. е. тогда когда располагали иниціативой боевыхъ комбинацій. Оборонять же слабыми силами 20 верстный фронтъ являлось задачей тяжелой и неблагодарной.

Въ судженскомъ раіонѣ я являлся старшимъ войсковымъ начальникомъ. Всѣ мои подчиненные

несли мнѣ свои заботы, свои огорченія и тотъ упадокъ душевныхъ силъ, какой иногда переживаютъ, въ періодъ затяжныхъ боевъ, самые мужественные люди. Я обязанъ былъ всѣхъ выслушивать, ободрять и переливать свою волю въ душу тѣхъ, кто въ этомъ нуждался. Только свои силы я долженъ былъ черпать въ самомъ себѣ. Мнѣ не къ кому было обратиться ни за совѣтомъ, ни за нравственной поддержкой Подобное душевно-волевое одиночество было особенно тяжело.

Штабъ полка былъ связанъ телеграфной проволокой со штабомъ дивизіи, и этимъ исчерпывалась моя связь съ внѣшнимъ міромъ. Я не хотѣлъ докучать какими либо жалобами начальнику дивизіи. Не позволяла гордость, да къ тому же я зналъ, что онъ безсиленъ мнѣ помочь. И, словно угадывая мое одиночество, ген. Витковскій, съ особой сердечностью велъ со мною телеграфные переговоры, сообщая новости общаго характера и обнадеживая скорымъ переходомъ въ наступленіе. Дней черезъ семь послѣ занятія Суджи, начальникъ дивизіи посѣтилъ полкъ, и его пріѣздъ внесъ значительное разнообразіе въ нашу монотонную боевую жизнь. Въ бесѣдѣ наединѣ, ген. Витковскій придупредилъ меня секретнымъ порядкомъ, что въ ближайшіе дни ожидается усиленіе красныхъ силъ. И, дѣйствительно, очень скоро стали попадаться плѣнные вновь прибывшихъ частей. Послѣ 12—дневной обороны Суджи, я вынужденъ былъ оставить городъ и отвести свои части къ Мирополью, въ надеждѣ, что этимъ отходомъ уменьшу свой участокъ по фронту и тѣмъ выиграю въ силѣ. Подойдя къ Мирополью и соединившись опять со штабомъ дивизіи, я узналъ, что усилившіеся большевики сбили не только меня, но и другія части дивизіи. Мои надежды о сокращеніи фронта не осуществились: мнѣ былъ данъ участокъ протяженіемъ до 30 верстъ. Полкъ же имѣлъ, къ тому времени, около 800 штыковъ. Подобное несоотвѣтствіе силъ и пространства ярко свидѣтель-

ствуетъ, что уже въ Августѣ назрѣвалъ кризисъ, какой. въ дальнѣйшемъ, привелъ Добр. армію къ катастрофѣ. Рѣзкое несоотвѣтствіе силъ бѣлыхъ и красныхъ создалось не внезапно, а постепенно. Не только мудрая предусмотрительность, но и очевидная дѣйствительность властно требовали энергичнаго формированія новыхъ частей. Формированія, подобныя баталіону 31 дивизіи или прибывшему у Мирополья въ мое распоряженіе Олонецкому полку, имѣвшему 200 — 250 штыковъ (остальные были безоруженные), являлись нарушеніемъ элементарныхъ основъ военнаго дѣла...

Трехнедѣльная оборона Мирополья является самымъ тяжелымъ, по напряженію, періодомъ въ теченіе всей боевой работы полка въ Добр. арміи. Главная борьба происходила у самаго Мирополья. Каждый день, къ вечеру, одинъ изъ участковъ былъ сбиваемъ, и ночной атакой, или на утро, положеніе возстанавливалось. Возстанавливалось для того, чтобы къ вечеру опять измѣниться. Нѣсколько разъ наше положеніе становилось безнадежнымъ, и войска удерживались только сверхчеловѣческими усиліями. Я находился на лѣвомъ флангѣ корпуса и прекрасно понималъ, что если меня собьютъ, то общее положеніе на фронтѣ рѣзко ухудшится. Оперативная сводка штаба дивизіи отъ 22 Августа даетъ точное и полное представленіе о состояніи войскъ ввѣренной мнѣ группы. Она говоритъ о „подавляющмъ превосходствѣ силъ противника и чрезвычайной усталости войскъ, уже $1^1/_2$ мѣсяца ведущихъ бои съ сверхчеловѣческимъ напряженіемъ. Люди по ночамъ галлюцинируютъ. Лучшіе, наиболѣе опытные офицеры и солдаты выбиты, и требуются невѣроятныя усилія командного состава для руководства войсками и выполненія поставленныхъ задачъ“.

Эти тяжелые, незабываемые дни я проводилъ вдвоемъ съ оперативнымъ адъютантомъ подпоручикомъ Глобой. Мы по очереди спали не болѣе 2 — 3 часовъ въ сутки. Къ концу операціи, офицеры и

солдаты стали тѣнями: глубоко запавшие глаза, землистый цвѣтъ лица и вмѣсто человѣка, — сплошной комочекъ нервовъ. Истомленный до крайности организмъ желалъ лишь одного: спать, спать и спать. И эту тѣлесную слабость могъ побѣждать только горящій духъ съ властнымъ, все преодолѣвающимъ сознаніемъ: надо держаться.

Посѣщая раненыхъ и подбадривая ихъ, я часто слышалъ въ отвѣтъ:

— Ничего г-нъ полковникъ, по крайней мѣрѣ теперь высплюсь. —

Днемъ шелъ ожесточенный бой, а ночью войска насильно кормили, совершались необходимыя передвиженія и совершались ночныя атаки. Положеніе возстанавливалось почти исключительно ночными атаками. Я держалъ въ резервѣ свой лучшій и наиболѣе сильный баталіонъ и только въ рѣдкнхъ случаяхъ двигалъ его днемъ.

И военная исторія, и мой личный опытъ Манчжурской, Великой и Гражданской войнъ свидѣтельствовали, что неудачи ночныхъ атакъ происходили, обычно, потому, что войска, запаздывая, пропускали цѣнное предразсвѣтное время и начинали атаку на разсвѣтѣ, когда противникъ уже пробуждался отъ сна. Памятуя это, я всегда своевременно и лично приказывалъ будить баталіоннаго командира. Въ телефонную трубку я слышалъ, какъ его будили и не могли добудиться, а когда онъ подходилъ къ телефону, ясно чувствовалось, что говоритъ автоматически совсѣмъ сонный челевѣкъ, который не въ силахъ побороть своей усталости. Убѣдившись, что онъ, наконецъ, проснулся и что его воля опять управляетъ измученнымъ тѣломъ, я приказывалъ будить баталіонъ. Подъ различными предлогами вызывались, къ телефону, и ротные командиры, дабы и имъ передать бодрость. Благодаря подобнымъ пріемамъ, роты всегда выступали въ срокъ, и мы не имѣли неудачныхъ ночныхъ атакъ.

Полкъ таялъ съ каждымъ днемъ. Кромѣ уби-

тыхъ и раненыхъ стали усиливаться остро-желудочныя заболѣванія. Численный составъ съ ужасающей быстротой приближался къ нормамъ каменно угольнаго раіона. Запасный баталіонъ былъ давно использованъ, изъ обоза и нестроевыхъ командъ было взято все, что возможно.

Если вопросъ о пополненіяхъ стоялъ очень остро, то снабженіе частей оружіемъ и снаряженіемъ находилось въ состояніи катастрофическомъ. За все время своего существованія, Бѣлозерцы получили изъ армейскихъ складовъ, въ порядкѣ офиціальномъ, не болѣе сотни винтовокъ и 2 — 3 пулемета. Болѣе или менѣе правильно и обильно снабжали насъ только патронами. Находясь все время на фронтѣ, я не былъ знакомъ съ той системой, какая была принята Главнымъ Командованіемъ въ вопросахъ всѣхъ видовъ снабженія. Я могу лишь свидѣтельствовать о томъ, что фактически поступало въ части. А поступало очень и очень мало. Почти что ничего. На моихъ глазахъ формировались Иркутскіе гусары, баталіонъ 31 дивизіи, Олонецкій полкъ и всѣ эти части испытывали тяжелый недостатокъ всѣхъ видовъ снабженія. Командиры Сводно-Стрѣлковаго, Самурскаго и 2 Дроздовскаго полковъ не разъ говорили мнѣ о томъ же. Будучи, въ дальнѣйшемъ, начальникомъ штаба войскъ, дѣйствовавшихъ въ Кіевской области, я наблюдалъ и тамъ недочеты. Такимъ образомъ, положеніе Бѣлозерцевъ въ вопросахъ офиціальнаго систематическаго снабженія являлось не исключеніемъ.

Всѣ эти недочеты, въ связи съ повышенными требованіями боевой обстановки, побуждали командировъ изыскивать всяческія пути для добыванія оружія и снаряженія. Самый вѣрный и самый обильный способъ—это наступательный бой. Успѣшно развившееся наступленіе всегда давало полкамъ и сотни плѣнныхъ и много оружія.

Миропольская оборона, лишавшая по своему характеру тѣхъ трофеевъ, какія получались при дви-

женіи, побудила меня изыскивать иные способы снабженія. Уже опытные въ сихъ дѣлахъ Дроздовцы дали намъ рядъ практическихъ и дѣльныхъ совѣтовъ. Разъ невозможно было добывать оружіе и снаряженіе путями офиціальными, приходилось слѣдовать совѣтамъ и идти по путямъ извилистымъ, но зато болѣе дѣйствительнымъ. Первый путь — личныя связи. Второй — гораздо сложнѣе: въ тылъ посылались офицеры изъ числа дѣльцовъ. Они вступали въ конфиденціальные переговоры съ младшими чинами довольствующихъ учрежденій. Обычно при полученіи оружія, патроновъ и снаряженія существовала длинная очередь. Съ помощью денегъ, а чаще всего спирта н сахара, можно было изъ заднихъ рядовъ очереди быстро проскочить въ голову. Въ итогѣ расторопный офицеръ добывалъ то, въ чемъ полкъ особенно нуждался. Добывалъ, правда, въ ограниченномъ количествѣ, такъ какъ 75% своего оружія и снаряженія полкъ доставалъ въ бою.

Несмотря на всю свою тяжесть, періодъ Миропольской обороны имѣлъ и благія послѣдствія. Молодой полкъ закалился въ ежедневныхъ бояхъ, научился маневрировать и крѣпко усвоилъ принципъ взаимной выручки. Эти воинскія добродѣтели и позволили впослѣдствіи Бѣлозерцамъ съ полнымъ успѣхомъ провести столь сложную и серіозную операцію, какъ Черниговскую.

* * *

Въ Мирополѣ нашъ военный телеграфъ случайно соединился съ какимъ то большевицкимъ комиссаромъ. Разговоръ, начавшійся съ обычной въ такихъ случаяхъ перебранки, скоро принялъ серіозный характеръ. Въ силу какихъ соображеній, я, конечно, не знаю, но комиссаръ, назвавшій себя „убѣжденнымъ коммунистомъ“, съ видимою искренностью сооощилъ о тяжеломъ положеніи большевиковъ:

— Мы въ пять разъ сильнѣе васъ, а ничего съ вами подѣлать не можемъ. Красноармейцы отка-

зываются воевать и прежде чѣмъ заставить ихъ наступать, приходится долго уговаривать, а иногда и разстрѣливать.

— Чѣмъ же вы это объясняете? —

— Да тѣмъ, что каждый изъ васъ воюетъ во имя идеи, а у насъ господствуетъ только страхъ. —

Далѣе комиссаръ разсказалъ о развалѣ ихъ тыла, о недовольствѣ крестьянъ, которые, по его мнѣнію, относятся къ бѣлымъ лучше, чѣмъ къ краснымъ и затѣмъ спросилъ:

— Правда, что вы разстрѣливаете всѣхъ плѣнныхъ? —

— Нѣтъ не правда. Не-комунистовъ мы не трогаемъ. У насъ служатъ много вашихъ офицеровъ и солдатъ. —

— Намъ все время говорятъ, что вы разстрѣливаете всѣхъ плѣнныхъ. Если бы не страхъ разстрѣла, къ вамъ переходило бы много нашихъ...—

Въ концѣ концовъ, офицеры, бесѣдовавшие съ комиссаромъ, предложили своему собесѣднику привести къ намъ его часть. Не помню точно, какой силы была эта часть, но, во всякомъ случаѣ, не менѣе полка. Предложили такъ — на ура, не придавая значенія своимъ словамъ. Къ удивленію, комиссаръ принялъ это предложеніе серіозно и, хотя въ очень осторожныхъ выраженіяхъ, но сталъ обсуждать полученное предложеніе. Онъ ставилъ только одно условіе: гарантировать жизнь ему и вообще всѣмъ перешедшимъ. Лично я не принималъ участія въ этомъ разговорѣ и когда мнѣ доложили подробности, я приказалъ отвѣтить, чти условія сдачи принимаю. Говорилъ ли тогда дѣйствительно комиссаръ, или кто либо другой назвался этимъ именемъ, я конечно, не знаю. Лично болѣе склоняюсъ ко второму предположенію.

Я прекрасно понималъ, что переходъ на нашу сторону крупной красной части, явился бы событіемъ, крайне серіознымъ по своимъ послѣдствіямъ. Передавая свое согласіе комиссару, я не имѣлъ, въ

тотъ моментъ, должныхъ полномочій отъ своего начальства, однако не сомнѣвался, что въ лицѣ ген. Витковскаго и ген. Кутепова найду полную поддержку.

Были выработаны подробности сдачи и намѣченъ день. Рѣшено было, что большевики перейдутъ якобы въ наступленіе противъ насъ и когда приблизятся, то бросятъ винтовки и перебѣгутъ. Съ своей стороны, мы обѣщали не стрѣлять, или стрѣлять поверхъ головъ.

Опасаясь возможности, какого-либо предательства, я принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности. Въ назначенный день нѣсколько ротъ красныхъ, дѣйствительно перешли въ наступленіе. Подойдя къ нашимъ цѣпямъ на 300 — 400 шаг., они бросили винтовки и перебѣжали.

Большевики немедлено открыли огонь по сдающимся и это обстоятельство, видимо, и задержало сдачу другихъ. Перешедшіе къ намъ офицеры и солдаты утверждали, что сдаваться собрались „всѣ". Почему предрѣшенная сдача не состоялась полностью, они не знали.

Сдавшіяся роты производили настолько хорошее впечатлѣніе своимъ настроеніемъ, что мои ротные командиры обратились ко мнѣ съ просьбой разрѣшить имъ немедленно разобрать плѣнныхъ и поставить ихъ въ строй. Ставъ въ наши ряды, бывшіе красные офицеры и солдаты добросовѣстно воевали и оставались до конца въ рядахъ Бѣлозерскаго полка.

На другой же день послѣ сдачи, находясь уже въ нашей цѣпи, они кричали „товарищамъ", чтобы тѣ переходили на нашу сторону и подтверждали, что мы никого изъ сдавшихся не тронули.

Описанный фактъ показываетъ, что въ рядахъ большевицкихъ войскъ уже назрѣвалъ желательный психологическій сдвигъ. Надо было только использовать эти настроенія. Къ сожалѣнію, дѣло агитаціи было поставлено въ Добр. арміи крайне слабо. Оффиціальныя учрежденія, въ родѣ „Освага" работали въ глу-

бокомъ тылу, а фронтъ не имѣлъ для этой цѣли ни соотвѣтствующихъ средствъ, ни навыка. Въ итогѣ большевицкія войска совсѣмъ не подвергались желательнымъ воздѣйствіямъ съ нашей стороны.

Черезъ нѣсколько дней послѣ сдачи красныхъ ротъ, было получено такъ нетерпѣливо ожидаемое приказаніе объ общемъ переходѣ въ наступленіе. Это начиналась Курская операція.

VIII.

Наступленіе на Курскъ.

Извѣстіе о переходѣ корпуса въ наступленіе было принято войсками съ большимъ энтузіазмомъ. Тяжелая оборона и сопряженныя съ нею жертвы и лишенія утомили всѣхъ.

Удачной ночной атакой у Мирополья красные были сбиты. Наше наступленіе развивалось такъ стреми ельно, что не давая противнику устроиться, мы на его плечахъ снова ворвались въ Суджу. Дальнѣйшее продвиженіе на линію ж. д. Курскъ—Кіевъ развивалось успѣшно, хотя большевики и притянули изъ тыла всѣ свои свободные резервы. Наиболѣе сильное сопротивленіе было оказано на фронтѣ ст. Коренево—Льговъ. Честь занятія Льгова принадлежитъ, главнымъ образомъ, корниловцамъ и ген. Витковскому, лично руководившему атакой войскъ. Скоро былъ занятъ и Курскъ. Занятіе этого города и выходъ на линію Курскъ—Кіевъ являлись крупнымъ успѣхомъ, давшимъ арміи большіе трофеи и поднявшимъ настроеніе, приниженное 2-хъ мѣсячными тяжелыми боями.

На Бѣлозерскій полкъ была возложена задача прикрыть Льговъ со стороны Брянска. Бои временно прекратились, и насъ ожидалъ столь необходимый отдыхъ. Люди совершенно выбились изъ силъ, а

матеріальная часть пришла въ серіозное разстройство. Отъ непрерывной работы, дождей и грязи, винтовки и пулеметы постоянно отказывали, и ихъ необходимо было хотя бы почистить. Снаряженіе и обмундированіе оборвались. Офицеры и солдаты мѣсяцами не раздѣвались и не мылись. О нормальномъ питаніи не приходилось и думать...

Послѣ длительныхъ безсмѣнныхъ боевъ, отъ хроническаго недоѣданія, всѣ мы превратились въ какихъ то неврастениковъ. Прежде всякихъ иныхъ дѣйствій необходимо было вымыться, перемѣнить бѣлье, выспаться и до сыта поѣсть. Въ предѣлахъ возможнаго я и далъ эти радости Бѣлозерскому полку.

Штабъ полка располажился въ скромномъ домикѣ, прельстившемъ меня своимъ садомъ и тишиною. Первые два дня люди только спали и ѣли. Величайшимъ напряженіемъ воли я заставлялъ себя заниматься положеннымъ мнѣ дѣломъ. Первый же десятичасовый сонъ сразу освѣжилъ меня, а вторая такая же сладкосонная ночь вернула силы и бодрость. Какъ мало, въ сущности, нужно намъ было для отдыха и какъ даже этимъ малымъ мы могли пользоваться очень и очень рѣдко!

На второй день нашего пребыванія во Льговѣ подпоручикъ Глоба доложилъ мнѣ, что меня желаетъ видѣть какая то посѣтительница.

— Что ей надо?

— Не могу знать. Она говоритъ, что имѣетъ къ вамъ какое то важное и секретное дѣло.

Я попросилъ адъютанта переговорить съ посѣтительницей. Глоба ушелъ и черезъ нѣсколько минутъ вернулся:

— Г-нъ полковникъ, она рѣшительно заявляетъ, что можетъ довѣрить свой секретъ только вамъ. Не принимайте ее, она какая то странная.

Подпоручикъ не высказывалъ своихъ мыслей до конца, но я понялъ, что онъ опасается покушенія на меня. Самое простое, это было бы обыскать по-

сѣтительницу, внушавшую такія подозрѣнія; однако, къ нашей чести надо отнести, что и въ разлагающихъ нравы условіяхъ гражданской войны, мы не снизились до большевицкаго уровня и къ пріемамъ че-ка не прибѣгали. Я приказалъ просить посѣтительницу.

Вошла молодая, худенькая, скромно одѣтая барышня. Съ большими тревожными глазами. Она явно нервничала и не могла овладѣть собою. Немного успокоившись, дѣвушка разсказала грустную исторію.

— Я сирота и жила съ дѣдушкой. Онъ помѣщикъ. Старый. Ему уже 70 лѣтъ. Во время революціи у насъ отобрали землю, скотъ. Оставили только домъ. Нѣсколько разъ дѣдушку хотѣли арестовать, но крестьяне не давали. Пришелъ, какой то большевицкій полкъ, все въ домѣ разграбилъ, испортилъ. Дѣдушку, куда то увезли. Что съ нимъ сдѣлали, я не знаю. Искали и меня, но я убѣжала и, до вашего прихода, скрывалась, въ городѣ, у знакомаго купца...

Барышня готова была разрыдаться. Какъ могъ, я ее успокаивалъ.

— Я ненавижу большевиковъ и пришла просить васъ принять меня въ полкъ. Я умѣю ѣздить верхомъ и стрѣлять. Это вѣдь главное на войнѣ? И я ничего не боюсь! —

Съ искренней грустью слушалъ я исповѣдь этого одинокаго полуребенка. Исполнить ея просьбу не представлялось возможнымъ, ибо я былъ рѣшительнымъ противникомъ прапорщицъ, женщинъ-офицеровъ и вообще „амазонокъ". Взять ее сестрой милосердія тоже нельзя: она не имѣла ни требуемыхъ знаній, ни опыта.

Барышня была неутѣшна. Она рѣшительно отказалась отъ денежной помощи и только послѣ большихъ настояній согласилась взять немного продуктовъ, да отрѣзъ какой то грошевой матеріи: изъ дома она убѣжала въ одномъ платьѣ...

— Ну почему вы не хотите меня взять? Я такъ хотѣла служить у васъ? —

Передъ уходомъ моя посѣтительница пыталась заинтересовать меня возможностью захватить въ плѣнъ какой то большевицкій отрядъ.

— Я знаю въ этой мѣстности всѣ тропинки и могу провести вашихъ солдатъ незамѣтно. —

Планъ былъ явно фантастическій, но чувствовалось, что барышня обдумывала его долго и со всей своею добросовѣстностью. Это и было то секретное дѣло, которое она хотѣла довѣрить только мнѣ.

Когда она ушла, я невольно подумалъ: вотъ среди такихъ дѣвушекъ и вербовали наши революціонеры кадры террористокъ...

IX.

Система пополненія частей.

На третій день пребыванія полка въ Льговѣ, я получилъ телефонограмму съ приказаніемъ прибыть немедленно въ штабъ корпуса, находившійся на ст. Льговъ

Ген. Кутеповъ ужиналъ и прежде всего спросилъ:

— Вы ужинали? —

— Только что собрался, но получилъ ваше приказаніе и выѣхалъ. —

— Въ такомъ случаѣ, сперва закусите, а затѣмъ поговоримъ о дѣлѣ. —

Я не сомнѣвался, что этотъ вызовъ означаетъ какое нибудь новое боевое порученіе.

Во время ужина, ген. Кутеповъ задалъ мнѣ вопросъ:

— Сколько у васъ штыковъ? —

— 215. —

— Какъ 215? А я доложилъ Командующему арміей, что у васъ 1.200 штыковъ.

Командиръ корпуса былъ явно озадаченъ.

— Вѣдь въ вашихъ донесеніяхъ было указано 1.200. —

— То было, Ваше Превосходительство, раньше, а теперь только 215. —

— Какъ же быть? —

— Дайте полку недѣлю отдыха и я опять буду имѣть 1.200 штыковъ. —

— А винтовки и пулеметы у Васъ есть? —

— Есть. —

— Сколько? —

Возможно, что я посмотрѣлъ на командира корпуса съ нѣкоторой подозрительностью, такъ какъ ген. Кутеповъ улыбнулся и успокоилъ меня:

— Не бойтесь, отбирать не буду. —

Доброволецъ съ первыхъ дней формированія арміи въ Ростовѣ, ген. Кутеповъ самъ командовалъ добровольческимъ полкомъ и потому, командирская психологія была ему понятна. Мы понимали другъ друга и знали, что „отобрать" можно, а „дать" болѣе, чѣмъ затруднительно.

И помню свой отвѣтъ, отвѣтъ чрезвычайно характерный по тому времени:

— Офиціально у меня столько то пулеметовъ и винтовокъ, а неофиціально — столько то... —

Ген. Кутеповъ сообщилъ мнѣ, что вновь создаваемую 4 пѣх. дивизію приказано передвинуть на усиленіе войскъ Кіевской области. Въ составъ этой дивизіи должны были войти Бѣлозерскій и формировавшійся, мало окрѣпшій и бѣдно снабженный, Олонецкій полки.

Упомянутая мною 4 пѣх. дивизія, части которой (т. е. два полка) возникли явочнымъ порядкомъ, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о системѣ формированія, принятой въ Добр. арміи.

Предполагалось, вѣроятно, что если Бѣлозерскій полкъ сумѣлъ возникнуть „безъ расходовъ отъ казны", то подобнымъ путемъ будутъ сформированы и остальные три полка.

„Правильно называть, — правильно понимать" и наоборотъ, неправильныя опредѣленія приводятъ и къ ложнымъ представленіямъ. 4 пѣхотная дивизія, — это звучало внушительно, но явно не соотвѣтствовало дѣйствительной ея сущности, ибо дивизіи, какъ таковой, не было.

Мнѣ было приказано вступить въ командованіе дивизіей, перевезти ее въ раіонъ Кіевской области и тамъ получить дальнѣйшія приказанія отъ генерала Драгомирова.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, командиръ корпуса пообѣщалъ дать Бѣлозерскому полку нѣсколько дней отдыха, дабы мы могли привести себя въ порядокъ.

Я тутъ же въ вагонѣ рѣшилъ произвести въ ближайшіе дни мобилизацію, о чемъ и доложилъ командиру корпуса.

Подобныя самочинныя мобилизаціи офиціально воспрещались, но за отсутствіемъ пополненій изъ тыла, каждый командиръ полка ихъ производилъ.

Двигаться съ 215 штыками и выполнять на новомъ мѣстѣ серьезныя боевыя задачи я, конечно, не могъ. Расчитывать, что мнѣ пришлютъ пополненіе изъ тыла, было бы болѣе чѣмъ наивно. Генералъ Кутеповъ понималъ все это не хуже меня и молчаливо принялъ къ свѣдѣнію мой докладъ о моблилизаціи.

Вернувшись изъ штаба корпуса къ себѣ, я въ тотъ же вечеръ отдалъ всѣ необходимыя распоряженія, какъ о смѣнѣ полка, такъ и о его пополненіи. Время было дорого.

Какъ указывалось раньше, въ полку былъ свой небольшой мобилизаціонный аппаратъ, уже имѣвшій навыкъ въ подобныхъ дѣлахъ. Руководилъ имъ поручикъ В., командиръ комендантской роты, человѣкъ молодой, но чрезвычайно серьезный, положительный, съ ярко выраженными способностями организатора.

Мобилизація въ прифронтовыхъ раіонахъ является актомъ чрезвычайно деликатнымъ. Близость большевиковъ и неувѣренность на чью сторону скло-

нится завтра военное счастье, побуждали населеніе уклоняться отъ мобилизаціи и выжидать.

Я не захотѣлъ отвести полкъ въ ближайшій тылъ и не соблазнился тѣмъ обстоятельствомъ, что тамъ мы будемъ находиться подъ надежнымъ прикрытіемъ фронта. Полкъ сосредоточился на фронтѣ же, но въ раіонѣ никѣмъ не занятомъ. Мы выставили свое охраненіе и черезъ два дня намъ пришлось даже воевать, отбивая наступленіе красныхъ.

Я не хотѣлъ слишкомъ явно нарушать приказъ Главнокомандующаго о воспрещеніи частичныхъ мобилизацій, не хотѣлъ не изъ боязни отвѣтственности, ибо таковой для командра полка, фактически, не существовало, если его полкъ хорошо воевалъ, а по соображеніямъ характера принципіальнаго. Поэтому мобилизація производилась лишь въ полосѣ, какая находилась между нашимъ и большевицкимъ фронтами. Компромиссъ, давшій мнѣ извѣстное нравственное удовлетвореніе.

Въ окружныхъ деревняхъ были расклеены печатныя объявленія съ печатью полка о мобилизаціи соотвѣтствующихъ возрастовъ (если не ошибаюсь,— до 28 лѣтъ), а прежнимъ старостамъ, которые въ подобныхъ случаяхъ сами автоматически появлялись, было указано доставить мобилизованныхъ на сборный пунктъ. При этомъ, призывнымъ рекомендовалось являться въ исправныхъ сапогахъ и въ форменномъ обмундированіи.

Къ моему удовольствію и даже удивленію, мобилизація имѣла полный успѣхъ. По заявленію старостъ, уклонявшихся почти не было. Черезъ два дня собралось около 2000 человѣкъ. Все это были солдаты прежней арміи и подавляющее большинство еще недѣлю назадъ служило у большевиковъ. Они воевали лишь до той поры, покуда не эвакуировалась ихъ волость, деревня. Какъ только это происходило, уроженцы данныхъ мѣстъ дезертировали, чтобы затѣмъ подчиниться мобилизаціоннымъ распоряженіямъ другой стороны.

Въ тѣ времена деревня почти поголовно „донашивала“ то обмундированіе, какое солдаты принесли на себѣ послѣ Великой войны. Призванные въ красную армію получали тѣ же шинели, френчи и фуражки, какія были и у насъ. Это обстоятельство крайне упрощало въ полкахъ вопросъ объ обмундированіи.

За единичными исключеніями, всѣ мобилизованные были одѣты вполнѣ прилично и имѣли хорошую обувь. Предупрежденные, что сапогъ у насъ нѣтъ и, зная по личному опыту, какое значеніе имѣетъ на войнѣ исправный сапогъ, всѣ они прибыли въ лучшей своей обуви.

Двухтысячная толпа была хмурой. Война имъ надоѣла., но въ то же время они понимали, что въ охватившей Россію междуусобицѣ, ихъ все равно въ покоѣ не оставятъ и они будутъ призваны въ войска той или иной стороны. Вся эта масса людей, одѣтыхъ въ военное обмундированіе, совсѣмъ не имѣла военнаго вида. Неопрятная, распущенная, она живо напоминала знакомыя и мрачныя картины 1917 года. Не было ни выправки, ни мало-мальской воинской подтянутости. Привыкшіе къ распущенности 1917 года, еще болѣе опустившіеся во время службы у большевиковъ, многіе открыто подчеркивали, что имъ „на все наплевать“. Очень скоро обнаружилось, что среди призванныхъ имѣется нѣсколько коммунистовъ, которые, не стѣсняясь, выражали протестъ противъ мобилизаціи и подчеркивали свое нежеланіе служить въ бѣлыхъ войскахъ. Ихъ явная и тайная агитація производила на остальныхъ должное впечатлѣніе. Толпа начинала волноваться и, видя нашу малочисленность, все болѣе и болѣе наглѣть. Изъ заднихъ рядовъ раздавались отдѣльные выкрики, брань, а съ офицерами, производившими разбивку, вступали въ грубыя пререканія. Наступалъ критическій моментъ и необходимо было принять рѣшительныя мѣры.

Два главныхъ зачинщика были тутъ же раз-

стрѣляны. Этотъ примѣръ мгновенно измѣнилъ настроеніе остальныхъ. Словно они только и добивались увидѣть проявленіе твердой власти.

Изъ нѣсколькихъ группъ раздались бодрые голоса:

— Ваше благородіе, вотъ тутъ тоже есть коммунистъ. Это они сбиваютъ народъ, а мы за порядокъ.

Послѣ того, какъ было разстрѣляно еще 3 или 4 человѣка, хмурую, враждебную толпу нельзя было узнать: лица оживились, всѣ подтянулись, сами выравнялись, появилась выправка. Многіе тутъ же заявили, что они георгіевскіе кавалеры или унтеръ-офицеры. Приказанія исполнялись точно, быстро. Когда поручикъ Б. произвелъ простѣйшее строевое ученіе, то черезъ четверть часа всѣ призванные вполнѣ удовлетворительно, а многіе даже и старательно выполняли подаваемыя команды.

Съ мѣста разбивки пополненіе было отправлено съ пѣснями. Старая солдатская пѣсня „Соловей, соловей во саду“ пѣлась громко, съ несомнѣннымъ подъемомъ и съ тѣмъ присвистомъ, съ какимъ хорошо настроенная часть пѣла въ прежнее время. Эта пѣсня или правильнѣе сказать, — характеръ ея выполненія, лучше всего свидѣтельствовалъ, что желаемый психологическій переломъ, повидимому, произошелъ. Два часа назадъ это была опасная и злобная толпа. Теперь это были русскіе люди, вновь какъ бы себя нашедшіе. Ихъ застывшія сердца вновь отогрѣлись и своею теплотою возвращали имъ черты на время забытой человѣчности. На нашихъ глазахъ совершилось перерожденіе: на сборный пунктъ они пришли большевицкими Савлами, а вернулись въ роты русскими Павлами...

При распредѣленіи мобилизованныхъ по баталіонамъ и ротамъ, было мною приказано назначать цѣлыми деревнями, дабы люди, знавшіе другъ друга съ дѣтства, служили бы вмѣстѣ. Эта мѣра дала прекрасные результаты и въ дальнѣйшемъ укрѣпила вза-

имную выручку. Опасаться какихъ-либо заговоровъ не приходилось. Своею численностью они во много разъ превосходили кадры полка. Этихъ людей, уже отрекавшихся отъ краснаго зла, надо было не запугивать подозрѣніемъ и терроромъ, а привлекать довѣріемъ, справедливостью и дисциплиной. Вмѣстѣ съ тѣмъ офицеры и старые солдаты зорко слѣдили за настроеніемъ вновь прибывающихъ и по единодушнымъ докладамъ всѣхъ баталіонныхъ и ротныхъ командировъ, настроеніе было прекрасное.

Черезъ нѣсколько дней призванные получили винтовки и красные (цвѣтъ полка) околыши на фуражки. Они стали Бѣлозерцами.

Передъ выступленіемъ полка въ сторону Кіева, многіе мобилизованные просили разрѣшенія побывать дома,—проститсья или взять тѣ или иныя вещи. Главнымъ образомъ бѣлье. Я считалъ безцѣльнымъ отказывать въ подобныхъ просьбахъ. Если кто надумалъ сбѣжать, тотъ все равно могъ продѣлать это въ любую ночь. Уроженцы окружныхъ деревень, они имѣли прочныя связи среди населенія и, зная, что полкъ скоро уйдетъ, всегда имѣли возможность укрыться въ потайныхъ мѣстахъ до отъѣзда полка. Къ тому же, я мало интересовался тѣми солдатами, которые только и мечтали о томъ, чтобы сбѣжать.

Жители ближнихъ деревень отпускались на ночь, въ болѣе отдаленные пункты на — сутки.

Объяснивъ командирамъ батальоновъ и ротъ свои соображенія, я встрѣтилъ съ ихъ стороны полное сочувствіе. Они тоже понимали, что процессъ наблюдаемаго „очеловѣченія“ будетъ довѣріемъ лишь ускоренъ.

Къ общему нашему удивленію почти всѣ отпущенные вернулись обратно въ полкъ. Сбѣжало не болѣе двухъ десятковъ. Велико же было мое изумленіе, когда и эти „сбѣжавшіе“ догнали полкъ уже въ пути. Исключительно личнымъ почином они, не найдя полка на старомъ мѣстѣ, куда то ходили, кого то разспрашивали, а главное, называли себя

уже „Бѣлозерцами“ и въ концѣ концевъ добились своего: ихъ отправили, куда имъ было нужно. Эпизодъ въ сущности незначительный, но чрезвычайно характерный.

Я умышленно задерживался на подробностяхъ этой мобилизаціи, дабы безпристрастнымъ изложеніемъ фактовъ возстановить въ памяти подлинные нравы и настроенія того времени. Мобилизація эта была примѣчательна еще и потому, что, до тѣхъ поръ, наши наборы происходили въ губерніяхъ съ преобладающимъ малороссійскимъ населеніемъ и мнѣ впервые пришлось имѣть дѣло съ тѣми контингентами, которые все время находились лишь подъ большевицкой властью и подвергались лишь большевицкой обработкѣ.

Когда мы подходили къ Курской губерніи, — къ границамъ Великороссіи, — намъ представлялось, что насъ встрѣтитъ явно обольшевиченное населеніе. Какъ видно изъ приведенныхъ мною фактовъ, опасенія эти были неосновательными. Внѣшне замутившаяся народная душа, въ своей основѣ, оставалась чистой и глубоко національной. Несмотря на пережитое въ 1917 году общерусское растлѣніе и на дальнѣйшіе коммунистическіе опыты, деревня продолжала хранить инстинктъ государственности. Мы являлись представителями этой государственности и потому, за рѣдкимъ исключеніемъ, крестьянство обычно давало намъ свои первоначальныя симпатіи и свою помощъ.

* * *

Добровольческая армія наступала на Москву воодушевленная самыми высокими патріотическими чувствами. Въ лицѣ казачьихъ частей она имѣла вѣрныхъ соратниковъ и борцовъ за обще-національное дѣло, ибо казаки, въ своей массѣ, были прежде всего русскими людьми...

Во главѣ Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи находился вождь, чья кристальная честность не под-

лежитъ никакому оспариванію. Онъ могъ, конечно, ошибаться, однако свои личныя интересы ставилъ на послѣднее мѣсто и служилъ только своей Родинѣ...

Въ распоряженіи Главнаго Командованія была обширная, богатѣйшая территорія съ 50 милліоннымъ населеніемъ, съ свободными сообщеніями съ заграницей. Англія и Франція признавали правительство Ген. Деникина и оказывали ему извѣстное нравственное и матеріальное содѣйствіе...

Воодушевленіемъ, личнымъ составомъ и тактической подготовкой Добровольческая армія неизмѣримо превосходила большевиковъ...

И несмотря на эти и рядъ другихъ обще-извѣстныхъ преимуществъ, Добр. армія все же не заняла Москвы!

Зародившаяся на Дону и окрѣпшая на Кубани, Добровольческая армія, въ силу особыхъ обстоятельствъ того времени, принуждена была усвоить психологію и формы, рѣзко отличавшія ее отъ прежней Русской арміи. Вновь образовавшаяся армія была ярко добровольческая, со всѣми положительными и отрицательными особенностями этого понятія. Многовѣковый богатѣйшій опытъ Императорской арміи былъ забытъ необыкновенно быстро. Въ итогѣ получилось сильнѣйшее искаженіе почти всѣхъ тактическихъ и организаціонныхъ принциповъ.

Въ силу особыхъ условій, въ первый періодъ своего существованія, Добр. армія не имѣла тыла въ томъ видѣ, какъ онъ понимается военной наукой и практикой. База была всегда при себѣ. Затѣмъ, находясь какъ бы въ гостяхъ у Кубанцевъ, добровольческое командованіе не считало себя призваннымъ и полномочнымъ разрѣшать вопросы административнаго устройства тѣхъ раіоновъ, какіе освобождались отъ большевиковъ. Прочно усвоивъ опытъ перваго періода, Добр. армія усвоила и равнодушное отношеніе къ столь кардинальнымъ вопросамъ, какъ правильная организація армейскаго тыла и занятыхъ областей.

Вся совокупность совершаемыхъ въ первый періодъ ошибокъ, уравновѣшивалась, впрочемъ, малочисленностью арміи и богатствомъ Кубанской области. По мѣрѣ же усиленія арміи и развитія операцій, послѣдствія ошибокъ проявлялись уже болѣе рѣзко.

Долгое пребываніе Главнокомандующаго и его штаба въ Екатеринодарѣ невольно обострило казачій вопросъ. Какъ не былъ сложенъ этотъ вопросъ, однако представляется несомнѣннымъ, что если армія заняла Москву, то въ обще-россійскомъ масштабѣ онъ потерялъ бы и свою первоначальную остроту и свою, казавшуюся тогда, непримиримость. Весьма вѣроятно, что если ген. Деникинъ не находился, персонально, въ центрѣ тѣхъ страстей, какія горѣли въ то время на Кубани, онъ гораздо спокойнѣе и государственнѣе воспринималъ бы всѣ перепитіи дѣятельности Рады. Съ высоты Московскаго Кремля, многія событія и дѣятели той эпохи представлялись бы совсѣмъ не въ тѣхъ размѣрахъ, какіе рисовались провинціальному воображенію.

Если въ 1918 году забвеніе истины — „организація не терпитъ импровизаціи" могло быть расцѣнено только лишь какъ полубѣда, то упорное забвеніе той же истины въ 1919 году, привело уже къ катастофѣ.

Располагая всѣми возможностями для своего усиленія, Добр. армія, ко времени рѣшительнаго столкновенія съ большевиками оказалась настолько обезсиленной и обезкровленной, что исправить органическіе недочеты всей системы не могла и легендарная доблесть фронта. Въ то время, когда добровольческія части въ безсмѣнныхъ, тяжелыхъ бояхъ истекали кровью, неустроенный развращенный тылъ наносилъ фронту болѣе тяжелые удары, чѣмъ красный врагъ.

Отсутствіе должнаго управленія освобожденными областями, создавало въ раіонахъ, удаленныхъ отъ магистралей, полное безначаліе и вытравляло у

населенія вѣру въ законность и порядокъ бѣлыхъ. Первоначальное сочувствіе обращалось, сперва, въ равнодушіе, а затѣмъ въ явное неудовольствіе.

Выйдя на большую Московскую дорогу и преслѣдуя грандіозныя государственныя цѣли, Добр. армія психологически продолжала быть арміей Кубанскаго и Донецкаго періодовъ, со всѣми пріемами и взглядами тѣхъ періодовъ. Въ этомъ и заключалась наша трагедія и первопричина будущихъ неудачъ.

Приступая, по выходѣ изъ Донецкаго бассейна, къ устройству государства, необходимо было примѣнять и соотвѣтствующіе методы государственнаго строительства. Этого не было сдѣлано и жизнь хронически опережала добровольческое творчество.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, наше Главное Командованіе, повидимому, излишне опасалось упрековъ въ „реставраціонныхъ симпатіяхъ“ и стремилось всячески выявить свою лойяльность въ этомъ вопросѣ. Логическимъ послѣдствіемъ подобныхъ стремленій явилась необходимость изданія цѣлаго ряда новыхъ законоположеній. Кадификаціонное творчество, проявляемое наспѣхъ и въ явно ненормальныхъ условіяхъ гражданской войны не могло, конечно, охватить всѣхъ сторонъ государственной жизни. Въ своей массѣ, новые законоположенія считались „временными“ и обычно служили дополненіемъ или частичнымъ измѣненіемъ, какъ Свода Законовъ Россійской Имперіи, такъ и законодательства Временнаго Правительства. Въ итогѣ, правительственныя мѣропріятія Добр. арміи отличались неопредѣленностью и потому никого не удовлетворяли. Для правыхъ, ген. Деникинъ былъ слишкомъ лѣвымъ, для лѣвыхъ,—слишкомъ правымъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что если Добр. армія заняла бы Москву, то все остальное, такъ или иначе, но устроилось. И если этого не случилось, то основной причиной краха бѣлой борьбы на югѣ Россіи надо считать несовершенство нашей военной системы.

Добровольчество, какъ система единственно жизненная въ сложной обстановкѣ 1918 года, должно

было лѣтомъ 1919 года уступить свое мѣсто регулярству, ибо послѣднее всѣ свои корни имѣло въ той національной Россіи, какую мы стремились возродить. Добровольчество, какъ военная и гражданская система, это не болѣе, какъ импровизація, и жестокій опытъ 1919 года показалъ все несовершенство подобной импровизаціи.

Самой роковой по послѣдствіямъ ошибкой явилось то обстоятельство, что армія не усиливалась соотвѣтствено уширенію масштаба борьбы.

Не сомнѣваюсь, что въ штабѣ Вооруженныхъ Силъ Юга Россіи имѣлись проэкты развертыванія арміи, однако эти проэкты, претворяясь въ жизнь, рѣзко расходились съ тѣми нормами, какія, въ такихъ случаяхъ, рекомендуетъ военная наука и вѣковая практика. Продуманной, стройной системы, въ столь важномъ вопросѣ, не было. Не было, по крайней мѣрѣ, въ практическомъ осуществленіи. Части формировались не подлежащими органами, а, по традиціямъ еще Кубанскаго періода: — самозарождались. Въ итогѣ, судьба развитія арміи зависѣла отъ инициативы отдѣльныхъ лицъ, ихъ энергіи, способностей, а зачастую и случая. Одинъ начальникъ былъ ярко добровольческаго облика, другой исповѣдывалъ регулярство, третій — какъ Богъ на душу положитъ. Каждый импровизировалъ по своему крайнему разумѣнію, а крайнее разумѣніе, понятіе очень растяжимое.

Наиболѣе вѣрнымъ путемъ въ вопросахъ формированія пошла только кавалерія. Явочнымъ порядкомъ, впослѣдствіи одобреннымъ и Главнымъ Командованіемъ, наша конница образовала ячейки (кадры) прежнихъ полковъ. Если методы формированія конныхъ частей и носили отпечатокъ тогдашней эпохи, то принципіально ячейки являлись сторонниками и хранителями регулярства. Самое большое богатство всякой части, это ея традиціи. Составленныя изъ офицеровъ прежнихъ полковъ, ячейки бережно охраняли свои полковые и обще-кавалерій-

скіе завѣты. Развернутые въ полки, они воспринимали и прежній славный духъ. Традиціи эти, конечно, нисколько не напоминали того явленія, какое мнѣ пришлось наблюдать въ одной изъ вновь образованной пѣхотной части: офицеры этого молодого полка послѣ всякой пирушки вынимали револьверы и стрѣляли въ потолокъ, объясняя подобное развлеченіе „полковой традиціей“.

Къ сожаленію, вѣрно понятыя принципы формированія конницы все же не дали полностью желательныхъ результатовъ. Причины этому — отсутствіе системы без которой невозможно никакое крупное начинаніе. Каждая ячейка, естественно, стремилась прежде всего развернуться въ полкъ, а такъ какъ средствъ на одновременное развертываніе всѣхъ кадровъ не имѣлось, то полки по боеспособности были чрезвычайно пестраго состава.

Не меньшимъ зломъ, чѣмъ отсутствіе правильной организаціи, являлось и необъяснимое забвеніе почти всѣхъ уставныхъ требованій. Наши прекрасные уставы Царской арміи, составленные мудростью предшествовавшихъ поколѣній, были замѣнены, въ большинствѣ случаевъ, устными преданіями. Начало же этихъ преданій относится къ днямъ начала формированія Добр. арміи, когда еще были сильны впечатлѣнія революціоннаго времени. Рядъ основныхъ статей Дисциплинарнаго и Внутренняго уставовъ, т. е. тѣхъ законоположеній, какія регламентировали жизнь и бытъ войскъ, былъ отмѣненъ. Отмѣненъ или приказаніемъ свыше или попустительствомъ свыше. Я очень неохотно употребляю это второе выраженіе, однако оно наиболѣе полно выражаетъ исторію вопроса.

Въ концѣ концовъ создалась путаница взаимоотношеній, сильно подорвавшая дисциплину.

Главную массу офицеровъ и солдатъ, служившихъ въ Добр. арміи, составляли контингенты въ свое время прошедшіе черезъ ряды Императорской арміи, дисциплина и міровоззрѣніе которой опредѣ-

лялось параграфомъ 1-мъ Устава Дисциплинарнаго:

„Воинская дисциплина состоитъ въ строгомъ и точномъ соблюденіи правилъ, предписанныхъ военными законами. Поэтому, она обязываетъ точно и безпрекословно исполнять приказанія начальства, строго соблюдать чинопочитаніе... и не оставлять проступковъ и упущеній подчиненныхъ безъ взысканія“.

О правилахъ „предписанныхъ военными законами“ заботились въ Добр. арміи мало, ибо „устныя преданія“ имѣли несравненно большее примѣненіе, чѣмъ уставы и другія законоположенія.

Яркимъ примѣромъ незакономѣрности являлись хотя бы тѣ диктаторскія полномочія, какими обладали командиры частей.

Понятія, кто такой „начальникъ“ совершенно исказились.

Въ прежней арміи каждый офицеръ считался начальникомъ для солдатъ. Это была историческая и мудрая традиція, основанная на знаніи народной души и находившаяся въ полномъ соотвѣтствіи съ особенностями нашего національнаго характера.

Когда же офицеръ оказался рядовымъ и, находясь въ такомъ состояніи, расцѣнивался только какъ рядовой, тогда естественно, что его авторитетъ значительно снизился.

О чинопочитаніи, этой серьезнѣйшей основѣ воинской дисциплины, можно говорить только съ длительными и существенными оговорками. Чины въ Добр. арміи значенія не имѣли. Доминировала должность. Поручики командовали батальонами, а штабъ-офицеры и капитаны были въ этихъ батальонахъ рядовыми.

Въ Курскій періодъ однимъ изъ „цвѣтныхъ“ полковъ командовалъ штабсъ-капитанъ. Правда, это былъ доблестный офицеръ, представленный къ слѣдующимъ чинамъ до чина полковника включительно, однако, фактически онъ былъ тогда только штабсъ капитанъ...

О неоставленіи „проступковъ и упущеній подчиненныхъ безъ взысканій“ говорить не приходится!

Въ итогѣ, дисциплина, этотъ цементъ арміи, рѣзко падала.

По занятіи Харькова Добр. армія психологически была уже подготовлена къ воспринятію регулярныхъ началъ, ибо вливавшееся пополненіе во много разъ превосходило своимъ числомъ основные добровольческіе кадры. Такимъ образомъ, въ возвращеніи къ регулярству большинство арміи увидѣло бы лишь естественный поворотъ къ привычнымъ имъ нормамъ военнаго обихода. Нормальнымъ путемъ, безъ рѣзкой ломки, господствовавшая тогда импровизація была бы замѣнена стройной, мудрой и испытанной военной системой. Къ сожалѣнію, этого не случилось, и Вооруженныя Силы Юга Россіи шли упорно по путямъ добровольчества, предопредѣляя тѣмъ неизбывныя и роковыя послѣдствія этихъ путей.

Переѣздъ полка. Формированіе новыхъ частей.

Согласно распоряженію штаба корпуса, Бѣлозерскій полкъ съ приданной ему артиллеріей — двумя легкими и одной гаубичной батареями, долженъ былъ сосредоточиться у ст. Ворожба. Туда же мной была притянута хозяйственная часть съ ея запасами и мастерскими. Впервые послѣ выхода изъ Харькова, командиръ полка могъ видѣть свой полкъ собраннымъ вмѣстѣ.

Оружейная и пулеметная мастерскія принялись энергично приводить въ порядокъ достаточно запущенное оружіе, постоянная работа котораго тяжело отзывалась особенно на пулеметахъ. Къ этому времени въ полку имѣлось болѣе сотни пулеметовъ, въ подавляющемъ большинствѣ захваченныхъ у боль-

шевиковъ. Если мы мало обращали вниманія на оружіе, то красные въ этомъ отношеніи были совершенно безпечны. По этому можно представить, въ какомъ видѣ попадало къ намъ большевицкое оружіе. Между тѣмъ на пулеметы возлагались нами большія надежды. Еще въ періодъ Миропольской обороны мною были примѣнены т. н. „пулеметныя батареи", новшество порожденное Великой войной. Собранная на небольшомъ участкѣ масса пулеметовъ открывала одновременный огонь. Эта тарахтящая батарея производила чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Психика красныхъ не выдерживала подобнаго огня. Я расчитывалъ примѣнять такое воздѣйствіе и въ дальнѣйшемъ, а потому былъ крайне заинтересованъ въ возможно лучшемъ состояніи полковыхъ пулеметовъ.

Всѣ строевыя роты и команды ежедневно производили тактическія и строевыя ученія. Я и теперь не могу удовлетворительно объяснить, какими причинами вызывался тотъ подъемъ, который въ періодъ десятидневнаго пребыванія у ст. Ворожбы проявляли всѣ офицеры и солдаты. Они работали отъ души и, повидимому, заражали другъ друга энергіей.

Наканунѣ выступленія у ст. Ворожба былъ устроенъ мною смотръ полку. Роты имѣли 120—150 штыковъ, что въ практикѣ Добр. арміи являлось фактомъ незауряднымъ. При каждомъ баталіонѣ были свои пулеметныя и развѣдывательныя команды. Кромѣ этого имѣлись еще полковая пулеметная рота, конно-развѣдывательная команда въ 200 шашекъ и богато снабженная команда связи. Общій видъ выстроившагося на большомъ полѣ полка былъ чрезвычайно внушительный. Полковымъ маршемъ прежняго до-революціоннаго Бѣлозерскаго полка былъ маршъ „Славься вѣчно, славься вѣчно, православный Русскій Царь"... Маршъ былъ принятъ и мною во всей его неприкосновенной красотѣ и величіи.

Указанный мною смотръ является для полка эпизодомъ историческимъ. На немъ не произошло

ничего внѣшне примѣчательнаго, проведенъ онъ былъ въ обычныхъ рамкахъ строевого устава, но впечатлѣніе оставилъ незабываемое. Въ этотъ день всѣ чины полка лично почувствовали силу полка и видѣнная ими картина настолько запечатлѣлась въ душахъ Бѣлозерцевъ, что до конца гражданской войны никакія испытанія уже не могли вытравить вѣры въ свой полкъ. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но когда я теперь встрѣчаюсь съ Бѣлозерцами, всѣ они неизмѣнно и съ волненіемъ вспоминаютъ смотръ у Ворожбы. Тотъ смотръ объединилъ всѣхъ насъ въ одну крѣпкую полковую семью. Я это чувствовалъ всѣмъ своимъ существомъ. Въ подобныхъ же переживаніяхъ признавались мнѣ потомъ и офицеры.

Съ этого дня я постигъ воспитательное значеніе смотровъ, моральную цѣнность которыхъ раньше преуменьшалъ. Система смотровъ и парадовъ была примѣняема и въ Галлиполи. Она оказалась чрезвычайно жизненной и имѣла большое воспитательное значеніе, ибо ничто такъ не дѣйствуетъ на людскую психику, какъ демонстрація дисциплинированной силы.

Въ періодъ нахожденія полка у Ворожбы, туда пріѣзжалъ генералъ Кутеповъ, дабы посѣтить вновь сформированный 2 Дроздовскій полкъ (пѣхотный). Командиромъ полка былъ назначенъ полковникъ Манштейнъ, о которомъ я упоминалъ въ началѣ своихъ записокъ, какъ объ офицерѣ исключительной доблести.

Новый полкъ формировался въ условіяхъ достаточно благопріятныхъ и отнюдь не схожихъ съ таковыми же условіями Олонцевъ, частей 31 дивизіи, Сводно-стрѣлковаго полка и другихъ. 1 Дроздовскій полкъ, полкъ сильный и богатый, щедро снабдилъ своего младшаго брата всѣмъ, чѣмъ могъ. Все же, несмотря на подобную помощь и на содѣйствіе начальства, 2-й полкъ испытывалъ нужду во многомъ. Полковникъ Манштейнъ лично высказывалъ мнѣ, что онъ больше надѣется на самоснаб-

женіе въ бояхъ, чѣмъ на отпуски изъ армейскихъ складовъ. Духъ Дроздовцевъ и имя командира являлись надежнымъ залогомъ того, что полкъ будетъ воевать прекрасно. И дѣйствительно, онъ воевалъ отлично, но не разъ ему приходилось своею доблестью и кровью восполнять недочеты формированія

Къ пріѣзду командира корпуса былъ выставленъ почетный караулъ отъ Бѣлозерцевъ. Нарядный, однообразный видъ караула, одѣта о въ новое обмундированіе и больш й оркестръ, сіявшій ярко начищенными инструментами, произвели, повидимому, на ген. Кутепова отрадное впечатлѣніе, что онъ тогда же мнѣ и высказалъ.

— А штыковъ у васъ сколько?

— 2000.

— Здорово!

На лицѣ командира корпуса отразилось нѣкоторое недовѣріе, внутренне меня задѣвшее. Присутствовавшій при этомъ разговорѣ полк. Манштейнъ, случайно разсѣялъ это недовѣріе.

— Бѣлозерцы, Ваше Превосходительство, богатые. У нихъ въ ротахъ 120—150 штыковъ, много пулеметовъ.

И въ голосѣ командира вновь формируемаго полка послышалась естественная зависть.

Въ привокзальномъ скверикѣ былъ устроенъ скромный обѣдъ для ген. Кутепова. Присутствуя на этомъ обѣдѣ, я изъ докладовъ Манштейна уже въ подробностяхъ узналъ объ огорчавшихъ его недостаткахъ снабженія. Командиръ корпуса утѣшалъ молодого командира полка и приводилъ въ примѣръ Бѣлозерцевъ. Ссылка эта только лишь утверждала истину, что въ Добр. арміи части не формировались нормальнымъ порядкомъ, а самозарождались и саморазвивались... Да и чѣмъ инымъ могъ подбодрить Манштейна ген. Кутеповъ, самъ не имѣвшій никакихъ запасовъ?

* * *

Въ концѣ лѣта 1919 года главное командованіе приступило къ формированію новыхъ частей, справедливо полагая, что быстро увеличивающійся масштабъ борьбы требуетъ и соотвѣтственнаго развитія силъ. Это похвальное рѣшеніе явилось, однако, сильно запоздавшимъ (рѣчь идетъ о практическомъ осуществленіи!), ибо безвозвратно было упущено лучшее для этого дѣла время—лѣто и не былъ использованъ полностью тотъ несомнѣнно большой подъемъ, какой переживало населеніе богатыхъ южно-русскихъ губерній въ первый періодъ освобожденія отъ большевиковъ.

Какъ извѣстно, въ довоенные годы Харьковъ, Полтава, Курскъ, Кременчугъ и рядъ другихъ городовъ являлись стоянками тѣхъ или иныхъ частей. Во многихъ пунктахъ полки квартировали десятилѣтіями. Города считали эти части „своими", а офицерскій составъ имѣлъ прочныя и разнообразныя связи съ населеніемъ. Послѣ развала фронта въ 1917 году офицерство вернулось въ свои прежнія стоянки, съ которыми они были связаны всѣми своими интересами — служебными, семейными, имущественными и проч. Казалось бы, что возстанавливая государство, надлежало параллельно возрождать и Русскую Армію, національное самосознаніе которой было всегда внѣ упрека. И не подлежитъ сомнѣнію, что если приступили къ возсозданію прежнихъ частей, то подобная система дала бы прекрасные результаты. Города всячески пошли бы на помощь „своимъ" полкамъ. Зная въ своемъ гарнизонѣ, какъ говорится, всѣ ходы и выходы, офицерство, возрождая родныя части, много помогло бы своими связями дѣлу формированія. И эте были бы старые, доблестные полки, со столѣтней исторіей и съ ярко выявленными государственными взглядами.

Къ сожалѣнію, главное командованіе, несмотря на просьбы „съ мѣстъ", отказалось отъ этой мудрой системы и шло по пути импровизаціи, поддерживая

всѣмъ своимъ авторитетомъ добровольческіе принципы.

Вмѣсто формированія прежнихъ полковъ, давшихъ бы многочисленные резервы, въ которыхъ такъ нуждался фронтъ, было приступлено къ развертыванію „цвѣтныхъ" полковъ въ бригады, а затѣмъ и въ дивизіи. Подобное рѣшеніе являлось ошибочнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Какъ ни сильны были духовно и матеріально эти части, все же выдѣленіе всего потребнаго для формированія двухъ и трехъ полковъ, значительно ослабило первоисточники. Повторялась та же ошибка, какая была продѣлана въ началѣ 1917 года при образованіи третьеочередныхъ дивизій. Къ тому же усиленіе арміи на 3—4 полка, первоначально слабыхъ численно и бѣдно снабженныхъ, мало измѣняло соотношеніе силъ на тысячеверстномъ фронтѣ. Съ точки зрѣнія идеи и системы, эти формированія были типичной импровизаціей. Къ тому же, формированіе частей происходило преимущественно, на Орловскомъ направленіи. Въ итогѣ — усиленныя войска этого направленія выдвинулись клиномъ къ сѣверу и подставили подъ удары большевиковъ свои открытые фланги.

Кіевскій фронтъ.

Послѣ отъѣзда ген. Кутепова было получено приказаніе о сосредоточеніи 4 пѣх. дивизіи въ раіонѣ ст. Бахмачъ—ст. Круты, что и было выполнено незамедлительно. На ст. Круты я получилъ указаніе прибыть на ст. Нѣжинъ и явиться тамъ ген.-лейт. Бредову для полученія дальнѣйшихъ назначеній.

Съ точки зрѣнія войскъ Курскаго направленія, Кіевскій фронтъ расцѣнивался какъ второстепенный. Это было, конечно, обывательское мнѣніе, ибо успѣхъ московской операціи находился въ непосред-

ственной зависимости отъ того, насколько прочно обезпечены фланги арміи. Поэтому стратегическое значеніе Кіевскаго фронта было велико.

Войска Кіевской области, находившіяся въ непосредственномъ вѣдѣніи ген.-лейт. Бредова, занимали правый берегъ Днѣпра, примѣрно на линіи Святошино Боярки. Съ сѣвера, со стороны Чернигова, Кіевъ прикрывался Козелецкой группой, оборонявшей участокъ Остеръ—Козелецъ. Въ общемъ, радіусъ обороны не превышалъ 20—25 верстъ, что для такого крупнаго центра, какъ Кіевъ, было крайне недостаточно. Повсюду большевики имѣли двойное или тройное превосходство въ силахъ. Особенно угрожающимъ оборонѣ города являлся сѣверный участокъ, ибо въ случаѣ успѣха на черниговскомъ направленіи, большевики быстро выходили бы въ тылъ кіевской группы.

Третьимъ участкомъ обороны былъ нѣжинскій. Кромѣ дѣйствовавшихъ тамъ красныхъ частей, въ болотахъ и лѣсахъ къ сѣверу отъ Нѣжина имѣлись сильныя банды Кропивнянскаго. Бывшій офицеръ Кропивнянскій, одинаково враждебно относился и къ бѣлымъ и къ краснымъ. Среди крестьянскаго населенія шайки эти, пополняемыя мѣстными уроженцами, имѣли извѣстныя симпатіи.

Войска козелецкаго и нѣжинскаго участковъ нѣсколько разъ пытались овладѣть Черниговомъ, но безуспѣшно. Превосходящія во много разъ силы большевиковъ, казалось, надежно прикрывали древній городъ.

Постоянная угроза Кіеву и ж. д. Курскъ — Кіевъ властно требовала необходимости разбить черниговскую группу красныхъ и отбросить ее за Десну. Только по исполненіи этого можно было считать, что Кіевъ и указанная желѣзная дорога прикрыты съ сѣвера болѣе или менѣе надежно.

Съ ген. Бредовымъ я встрѣтился лишь однажды, еще въ періодъ ляоянскихъ боевъ, когда онъ былъ капитаномъ генеральнаго штаба, а я — юнымъ

подпоручикомъ конно-развѣдческой команды. Встрѣча была мимолетная, но она запала мнѣ въ душу и въ продолженіе 15 лѣтъ я сохранялъ въ памяти привлекательный обликъ молодого и энергичнаго капитана.

Ген. Бредовъ встрѣтилъ меня съ той сердечностью, какая вообще свойственна этому выдающемуся генералу. Къ моему удивленію, онъ тоже не забылъ нашу встрѣчу подъ Ляояномъ и расцѣловался со мною, какъ со старымъ знакомымъ.

Объяснивъ мнѣ обстановку, о которой я упоминалъ выше, генералъ сообщилъ мнѣ, что съ подходомъ 4 дивизіи онъ рѣшилъ овладѣть Черниговомъ.

„Нѣсколько разъ я пытался покончить съ этимъ злокачественнымъ нарывомъ, но не удавалось. Богъ дастъ, съ Вашимъ приходомъ мы достигнемъ цѣли“...

Командующій генералъ и я склонились надъ картой и углубились въ тактическія комбинаціи.

Описаніе боевыхъ дѣйствій не входитъ въ задачи моей книги, однако, необходимо, хотя бы кратко, остановиться на нѣкоторыхъ подробностяхъ черниговской операціи, ибо эта операція наглядно и убѣдительно свидѣтельствуетъ, какая потенціальная сила сохранилась въ прежнихъ и затѣмъ вновь возрожденныхъ частяхъ Императорской арміи.

Рѣшено было наступленіемъ вдоль жел. дор. Круты—Черниговъ сбить части противника, находившіяся въ Нѣженскомъ направленіи, выйти въ тылъ Козелецкой группы и отрѣзать ее отъ единственной переправы на р. Деснѣ у г. Чернигова. Планъ былъ крайне дерзкій по замыслу, ибо требовалъ зайти глубоко въ тылъ (болѣе 50 верстъ), предварительно разбивъ вчетверо сильнѣйшаго врага. Къ тому же, на лѣвомъ флангѣ наступленія находились сильныя красныя части, а правый упирался въ Сеймъ.

Большевики располагали полнѣйшей возможностью ударомъ въ лѣвый флангъ сбросить или во

всякомъ случаѣ прижать насъ къ Сейму. Благодаря малочисленности, всѣ сообщенія (тыловыя пути) были беззащитны.

Намѣченный планъ въ равной степени сулилъ большой успѣхъ и полную катастрофу. Предстояло единоборство не только силъ, но и духа.

Одинъ изъ полковъ 4 дивизіи долженъ былъ взять на себя всѣ тяжести этого наступленія, а другой — удерживать переправу черезъ Сеймъ въ 30 верстахъ отъ путей намѣченнаго наступленія. И чѣмъ ближе приближался бы къ своей цѣли полкъ, наступающій на Черниговъ, тѣмъ болѣе онъ отдалялся отъ своего сосѣда.

Генералъ Бредовъ предложилъ мнѣ, какъ „начальнику дивизіи", самому распредѣлить роли полковъ въ намѣченной операціи.

Справедливость требовала, чтобы Бѣлозерскій полкъ, какъ сильнѣйшій, наносилъ бы главный ударъ. Слабые численъ Олонцы могли выполнить лишь второстепенную задачу. Находясь подъ впечатлѣніемъ смотра у Ворожбы, я не колеблясь назначилъ Бѣлозерскій полкъ для нанесенія главнаго удара.

На Нѣжинскомъ участкѣ находились уже гвардія и 2-ой конный ген. Дроздовскаго полкъ. Согласно директивѣ, всѣ гвардейскія части должны были наступать лѣвѣе ж. д. Круты—Черниговъ, а Бѣлозерцы — правѣе. 2-ой конный полкъ долженъ былъ прикрывать лѣвый флангъ операціи.

Мое сообщеніе о рѣшенномъ наступленіи и объясненіе всей важности возложенной на полкъ задачи, были приняты офицерами съ большимъ подъемомъ. Солдаты, конечно, не разбирались въ обстановкѣ, однако, съ видимой охотой и вниманіемъ выслушивали разъясненія офицеровъ. Какъ и я, всѣ они находились подъ гипнозомъ недавняго смотра. Кромѣ того, выяснилось, что въ полку имѣется много офицеровъ, связанныхъ съ Черниговымъ. Одни тамъ родились, другіе учились, третьи имѣли семьи или родственниковъ. Поэтому извѣстіе о наступленіи на

Черниговъ вызвало большой подъемъ. Наканунѣ дня наступленія, во всѣхъ ротахъ раздавались пѣсни, смѣхъ, оживленные разговоры. Подобное настроеніе являлось цѣннѣйшимъ залогомъ успѣха.

Черниговъ.

23 сентября началось наступленіе. Въ этотъ же день утромъ гвардія подверглась неожиданному удару со стороны противника и въ Черниговской операціи она уже участія не принимала. Исключеніе составляла только гвардейская артиллерія со своимъ прикрытіемъ—прекрасной пулеметной командой полковника Шатилова. Обстоятельство это сразу осложнило положеніе Бѣлозерцевъ, ибо кромѣ своего участка имъ надо было занять и участокъ, назначенный для гвардіи. Соотношеніе силъ, бывшее и безъ того не въ нашу пользу, снизилось еще больше. Даже твердый духомъ, всегда мужественный ген. Бредовъ счелъ необходимымъ запросить по телефону мое мнѣніе, не отложить ли операцію? Порывъ однако не терпитъ переырва и было рѣшено осуществлять задуманный планъ, не смущаясь осложненіями.

Наступленіе началось дѣйствительно съ большимъ порывомъ и къ вечеру мы имѣли повсюду успѣхъ. Были взяты плѣнные и пулеметы.

Въ первый же день операціи прибылъ къ полку ген. Бредовъ. Онъ обладалъ въ большой степени добродѣтелями старшаго начальника и потому совершено не вмѣшивался въ мои распоряженія, какъ командира полка. Принимая къ свѣдѣнію мои доклады, генералъ предоставилъ мнѣ полную свободу дѣйствій, ибо понималъ, что всякое „дерганіе“ въ бою лишь нервируетъ того начальника, который руководитъ боевыми дѣйствіями. Воинская добродѣтель, присущая подлиннымъ военнымъ.

Первую ночь операціи я провелъ въ тускло освѣщенной комнатѣ маленькой станціи Черниговской ж. д. Тутъ же лежали убитые Бѣлозерцы, а рядомъ равнодушно стучалъ телеграфный аппаратъ. Въ углу надрывался телефонистъ.

— Матвѣевъ, Матвѣевъ, да оглохъ ты, что-ли?

Привычная и жуткая своей привычностью обстановка боя...

На второй день большевики опомнились и, усививъ себя резервами, сами перешли въ наступленіе. III баталіонъ былъ сбитъ и въ итогѣ мы потеряли два орудія... Подобная неудача не предвѣщала ничего хорошаго... Расходовать свой послѣдній резервъ, когда главныя трудности ожидались впереди, было невозможно: операція только начиналась.

Сбитому баталіону пришлось собственными силами возстановить положеніе, что онъ и выполнилъ энергичной контръ-атакой. Наиболѣе молодой по времени формированія баталіонъ и его командиръ полковникъ Гаусъ хранили въ своихъ сердцахъ то самолюбіе, какое двигаетъ воинскія части на подвиги исключительные. Глубоко убѣжденъ, что этотъ баталіонъ инстинктивно предугадывалъ уже ту славу, какую далъ ему черезъ нѣсколько дней Черниговъ и какую онъ въ дальнѣйшемъ еще болѣе пріумножилъ...

О тѣхъ трудностяхъ, какія пришлось преодолѣть въ теченіе пятидневныхъ боевъ, свидѣтельствуетъ донесеніе ген. Бредова на имя Командующаго войсками Кіевской области:

„Установлено, что противъ участка полковника Штейфона дѣйствуютъ 532, 533, 534 и 539 полки, занимающіе сильно укрѣпленную позицію“.

Преодолѣвая упорное сопротивленіе красныхъ, Бѣлозерцы и 2 конный полкъ продвигались впередъ, все болѣе и болѣе углубляясь въ тылъ красныхъ.

Утромъ 28 сентября, I и III баталіоны подошли къ Деснѣ. 2 конному ген. Дроздовскаго полку было приказано выдвинуться по Кіевскому шоссе, къ югу

отъ Чернигова, къ д. Яновка и прикрыть готовящійся штурмъ города со стороны Козелецкой группы. Эта сильная группа красныхъ, узнавъ о нашемъ подходѣ къ ихъ единственной переправѣ, неминуемо должна была начать отходъ, дабы не быть отрѣзанной, что въ дѣйствительности и случилось.

Черниговъ соединялся 2 верстной дамбой - мостомъ. По этому дефиле, находившемуся подъ сильнѣйшимъ ружейнымъ, пулеметнымъ и орудійнымъ огнемъ надлежало перейти на западный берегъ, на которомъ расположенъ городъ.

Въ тотъ моментъ, когда I баталіонъ велъ крайне тяжелый бой съ превосходными силами, а III баталіонъ готовился штурмовать дамбу, было получено сообщеніе о появленіи въ нашемъ тылу красной пластунской бригады (червеное казачество) съ кавалерійскимъ полкомъ и съ батареей. 2 конный полкъ велъ уже неравный бой съ насѣдавшими на него большевиками у Яновки, въ 10 вер. отъ Чернигова. Передъ нами была единственная переправа на Деснѣ, которую мы стремились штурмовать своими уже порѣдѣвшими рядами. Слѣва накатывалась къ этой же переправѣ Козелецкая группа (60 совѣтская дивизія). Изъ тыла двигались большіе силы, стремясь тоже къ переправѣ. Справа былъ непроходимый въ бродъ Сеймъ.

Моментъ былъ жуткій. Я отдалъ приказаніе III баталіону безъ промедленія штурмовать мостъ. Поддержанные артиллеріей и пулеметами, 9 и 10 роты бросились въ атаку и своимъ порывомъ смяли интернаціональный баталіонъ, непосредственно оборонявшій дамбу. Этотъ баталіонъ былъ почти полностью уничтоженъ. Вслѣдъ за передними, ворвались въ городъ и остальныя роты.

II баталіонъ и всѣ команды, какія только я могъ собрать, были двинуты противъ тыловой опасности. Ихъ усиліями эта группа красныхъ была сбита къ югу и такимъ образомъ, къ переправѣ не вышла. Въ разгаръ описываемаго боя, Козелецкіе

части красныхъ сбили своимъ десятернымъ превосходствомъ доблестный 2 конный полкъ.

I баталіонъ, который уже находился въ Черниговѣ, былъ повернутъ кругомъ и двинутъ по Кіевскому шоссе на усиленіе конныхъ Дроздовцевъ. Побѣда была полной. Захвачено нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, масса пулеметовъ. Только въ раіонѣ Яновки было захвачено 16 орудій Богатѣйшая добыча не поддавалась первоначальному учету. Между прочимъ, были отбиты и потерянныя 24 сентября два орудія.

И этотъ, рѣдкій даже въ лѣтописяхъ Добр. арміи, бой велъ полкъ, въ составъ котораго, двѣ недѣли назадъ, влилось около 2.000 человѣкъ мобилизованныхъ. Поставленные въ условія нормальной дисциплины, руководимые мужественными офицерами, они воевали выше всякихъ похвалъ.

Къ концу пятидневной операціи снова прибылъ къ полку ген. Бредовъ и мы вмѣстѣ вошли въ городъ. Весь въ зелени, въ прежнее время тихій, мирный Черниговъ, въ періодъ гражданской войны перенесъ не мало тяжелыхъ испытаній. По моемъ прибытіи, меня окружили жители и со слезами на глазахъ выражали свою радость. Узнавъ, что нами захвачено нѣсколько видныхъ комиссаровъ, прославившихся своею жестокостью, жители, въ полномъ смыслѣ слова, умоляли меня приказать повѣсить этихъ комиссаровъ всенародно.

Черезъ 2 дня на площади у собора Св. Ѳеодосія Черниговскаго былъ отслуженъ молебенъ и устроенъ парадъ, во время котораго, прибывшимъ начальникомъ дивизіи, всѣ солдаты 9 и 10 ротъ, участвовавшіе въ штурмѣ дамбы, были награждены георгіевскими медалями. Командиръ 10 роты поручикъ Радченко, первый бросившійся на штурмъ и увлекшій своимъ примѣромъ остальныхъ, личной инициативой ген. Деникина, былъ по телеграммѣ произведенъ въ слѣдующій чинъ. Я не могъ немедленно сообщить эту пріятную вѣсть герою - офи-

церу, ибо тяжело раненый, онъ находился уже въ госпиталѣ. Ген. Бредовъ горячо благодарилъ командира III баталіона полковника Гауса, всѣхъ офицеровъ и солдат за побѣдный бой.

Послѣ взятія Чернигова, полкъ получилъ рѣшительно отъ всѣхъ старшихъ начальниковъ поздравительныя телеграммы, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отмѣчавшихъ боевую работу Бѣлозерцевъ.

Среди ряда вниманія, наиболѣе характерной является телеграмма Командующаго арміей:

„Прошу передать полковнику Штейфону и доблестнымъ роднымъ мнѣ Бѣлозерцамъ мое восхищеніе героическимъ штурмомъ Чернигова, воскресающимъ въ памяти лучшія страницы воинской доблести“.

* * *

По занятіи Чернигова, я, какъ старшій представитель Добр. арміи, явился высшей воинской и гражданской властью города и вновь освобожденнаго края. Тревожное и серіозное положеніе на фронтѣ требовало отъ меня полнаго напряженія всѣхъ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо было заботиться и объ устройствѣ города. На третій день ко мнѣ явились представители самыхъ разнообразныхъ административныхъ учрежденій. Всѣ они просили меня дать имъ руководящія указанія и разрѣшить десятки неотложныхъ нуждъ Я былъ только военный начальникъ и въ моемъ распоряженіи не имѣлось никакого гражданскаго аппарата. Въ рядѣ вопросовъ, предъявляемыхъ жизнью, я былъ совершенно несвѣдущъ. Какія, напримѣръ, указанія я могъ дать управляющему конторой государственнаго банка по ряду спеціальныхъ вопросовъ? А онъ домагался получить опредѣленныя инструкціи. И не только онъ, но и другіе. Я тонулъ въ этой стихіи безначалія и въ то же время долженъ былъ отстаивать городъ, переживая, при этомъ періодическіе тяжелые кризисы.

Конечно, на всѣ домогательства своихъ посѣтителей, я могъ бы отвѣтить фразой:

— Это не мое дѣло! —

Поступить такъ, однако, не позволяла моя совѣсть. Я разрѣшилъ вопросъ единственно доступнымъ мнѣ пріемомъ: телеграфировалъ ген. Драгомирову и просилъ его, впредь до прибытія вновь назначенной администраціи, поставить во главѣ всѣхъ гражданскихъ учрежденій тѣхъ лицъ, кои вѣдали ими до революціи. Ген. Драгомировъ, человѣкъ яснаго ума, понялъ мое положеніе и отвѣтилъ согласіемъ. Это не былъ, конечно, выходъ изъ положенія, но все же это была хотя какая нибудь система. Прибывшій затѣмъ и посѣтившій меня вице-губернаторъ не скрывалъ всей своей безпомощности. Онъ и нѣсколько пріѣхавшихъ съ нимъ чиновниковъ были, конечно, безсильны датъ губерніи желаемый порядокъ. Вице-губернаторъ поступилъ такъ, какъ поступилъ бы каждый на его мѣстѣ: далъ видимость власти городу и предоставилъ деревню собственной участи.

Деревня же была настроена прекрасно. Назначенная мною мобилизація (понеся большія потери, полкъ снова порѣдѣлъ) прошла успѣшно и даже съ извѣстнымъ подъемомъ.

Отсутствіе власти на мѣстахъ и нездоровые навыки гражданской войны породили въ нѣкоторыхъ деревняхъ случаи незаконныхъ реквизицій или попросту говоря, — грабежей. Я сурово боролся съ подобными явленіями, предавалъ виновныхъ военно-полевому суду и безъ снисхожденія утверждалъ смертные приговоры, о чемъ и объявлялось въ „Вѣдомостяхъ пѣхотнаго Бѣлозерскаго полка“.

Черезъ 7 — 10 дней послѣ занятія Чернигова, неожиданно для меня появился рядъ возовъ съ мукой, овсомъ, сѣномъ и прочими припасами. Прибывшіе съ возами крестьяне заявили, что все это они привезли въ подарокъ Бѣлозерскому полку:

— Мы знаемъ, что ваши солдаты не грабятъ

и за все взятое вы платите. Примите, покорно просимъ. —

Этотъ „подарокъ“ простыхъ русскихъ людей чувствительно меня тронулъ.

Уѣзжая, крестьяне говорили:

— Если вамъ что будетъ надо, вы только скажите. Покорно благодаримъ, что не обижаете насъ.

Описанный примѣръ настолько яркій, что въ комментаріяхъ не нуждается...

Послѣ возстановленія въ правахъ прежней администраціи, все же въ городѣ было масса работы. Въ Черниговѣ была взята громадная военная добыча и ей надо было дать толкъ и не мѣстными средствами, а указаніемъ свыше. Среди взятаго находились, напримѣръ, мастерскія и склады автомобильной части прежняго (періода Великой войны) юго-западнаго фронта. Это было богатѣйшее, многомилліонное имущество. Оно расхищалось, несмотря на принятыя мною мѣры. Тщетно слалъ я телеграммы непосредственно въ Ставку Главнокомандующаго съ просьбой прислать спеціалистовъ, дабы принять и вывезти это богатство, въ которомъ остро нуждалась армія. Въ концѣ концовъ прибыли, кажется, два офицера. Они не были въ силахъ справиться съ порученнымъ имъ дѣломъ.

Приказомъ Главнокомандующаго были учреждены въ арміи особыя комиссіи, вѣдавшія захваченной добычей. Дѣятельность тѣхъ комиссій, какихъ я лично наблюдалъ, обычно бывала бумажной и чрезвычайно нежизненной. Надѣленныя диктаторскими полномочіями, подчиненные центру, коммиссіи накладывали свое veto на все взятое и въ итогѣ образовались громадные склады, мѣсяцами лежавшіе безъ всякаго употребленія. Мнѣ извѣстны примѣры, когда подобные склады, пробывъ много мѣсяцевъ въ нашихъ рукахъ, оставались нетронутыми и затѣмъ снова переходили въ руки красныхъ.

Взятые на учетъ указанными комиссіями склады, зачастую расхищалисъ и не рѣдо способствовали

развитію злоупотребленій среди младшаго персонала, обслуживавшаго эти склады.

Одна изъ такихъ комиссій очень скоро прибыла въ Черниговъ. Предсѣдатель ея потребовалъ, чтобы въ его распоряженіе была передана вся добыча, что я и исполнилъ съ большой охотой. Спустя нѣсколько дней большевики повели наступленіе и потѣснили полкъ. Обстановка складывалась настолько грозно, что, въ видахъ предосторожности, я отдалъ приказъ своимъ тыловымъ учрежденіямъ эвакуировать городъ. Въ самый критическій моментъ обнаружился недостатокъ артиллерійскихъ снарядовъ. Командиръ дивизіона вспомнилъ, что на складахъ реквизиціонной комиссіи имѣлись снаряды, захваченные при взятіи Чернигова. Въ полномъ смыслѣ слова была дорога каждая минута и зарядные ящики помчались карьеромъ къ этимъ складамъ. Предсѣдатель комиссіи заявилъ:

— Выдать снарядовъ не могу, они находятся на учетѣ реквизиціонной комиссіи. —

Этотъ, склонный къ бюрократіи, человѣкъ, не хотѣлъ слушать никакихъ резоновъ и не хотѣлъ понять, что если городъ будетъ сданъ, то вмѣстѣ съ этимъ будутъ оставлены и всѣ „находящіеся на учетѣ“ склады. Только мое энергичное вмѣшательство дало возможность уже умолкавшей артиллеріи получить снаряды.

Большевики были отбиты, а послѣ боя я предалъ предсѣдателя комиссіи военно-полевому суду. На другой день была получена телеграмма отъ ген. Драгомирова. Командующій войсками просилъ меня отмѣнить мое распоряженіе и добавлялъ что онъ отзываетъ изъ Чернигова всю комиссію „по несоотвѣтствію“.

Кромѣ заботъ по оборонѣ и устройству города, мнѣ приходилось разрѣшать много вопросовъ, ни въ какой степени не касающихся компетенцій командира полка и начальника группы. Я не могъ отмахиваться отъ той массы просителей, какіе еже

дневно и въ большомъ числѣ приходили ко мнѣ. Въ большинствѣ, это была совершенно обнищавшая интеллигенція. Она, буквально, голодала. Занятому свыше мѣры своими разнообразными обязанностями, мнѣ надо было находить время и для посѣтителей. Не могъ же я, представитель добровольческой власти, даже не выслушать тѣхъ, для кого новая бѣлая власть являлась символомъ освобожденія, справедливости и силы?

Приходила старушка и, плача, разсказывала (конечно, въ пространныхъ выраженіяхъ!), что большевики отобрали у нея все и что ей нечѣмъ прокормить двухъ дѣтей-внучекъ. У нея имѣется лишь немного совѣтскихъ денегъ, а совѣтскія деньги теперь никто не беретъ. За нею съ груднымъ ребенкомъ входила жена какого то низшаго служащаго съ подобной же просьбой. И еще, и еще. Что я могъ подѣлать? Я приказалъ полковому казначею брать, якобы на обмѣнъ, эти ничего не стоющія бумажки и выдавать рубль за рубль добровольческими деньгами. Обрадованные люди уходили, горячо благодаря „добровольцевъ". Требовалась помощь, широкая, систематическяя, а таковой не было, ибо не было власти. Въ моей комнатѣ ежедневно разыгрывались десятки драмъ: стѣсняющаяся, плачущая бѣдность признавалась, что она голодна. Признавалась намеками, скорбью своихъ глазъ, случайными фразами. Я приказалъ полковымъ кухнямъ широко кормить желающихъ, а для тѣхъ, кто стыдился (тогда такихъ было много) заготовилъ пакеты съ мукой, сахаромъ и другими продуктами. Люди, конфузясь, уносили эти пакеты и были радостны и сыты, хотя нѣсколько дней. Всего этого было, конечно, мало, но лучше сдѣлать хотя что-нибудь, чѣмъ ничего.

Памятуя о перемѣнности военнаго счастья и зная съ какими невѣроятными усиліями удерживается городъ, я предложилъ желающимъ жителямъ выѣхать въ тылъ, въ иныя, болѣе спокойныя и безопасныя мѣста.

Среди лицъ, которыхъ я лично навѣстилъ, предлагая свою посильную помощь, была и сестра героя Добр. арміи генерала Дроздовскаго. Я зналъ Юлію Гордѣевну давно, когда она была молодой, жизнерадостной барышней. Помня, что Дроздовскіе жили когда то въ Черниговѣ, я приказалъ навести справки. Оказалось, что Юлія Гордѣевна съ неизлѣчимой хронической болѣзнью находится въ мѣстной богадѣльнѣ. Отправился къ ней. Въ пожилой, изможденной женщинѣ, лежавшей на грязномъ соломенномъ матрасѣ, я съ трудомъ узналъ прежнюю Юлію Гордѣевну. Широко открытыми глазами, съ явнымъ недоумѣніемъ и даже со страхомъ смотрѣла она на меня. Послѣдній разъ мы встрѣчались, когда я былъ 17-лѣтнимъ юнкеромъ.

— Здравствуйте, Юлія Гордѣевна, узнаете меня? Я Боря Штейфонъ. Помните?

Она вспомнила, расплакалась и судорожно схватила мою руку. Такъ и не отпускала моей руки, покуда я сидѣлъ у ея кровати.

На другой день я снова ее навѣстилъ. Она была къ этому времени переведена въ лучшую частную лечебницу, лежала въ отдѣльной комнатѣ на прекрасной кровати. Около нея находилась спеціально командированная полковая сестра. На ночномъ столикѣ стояли цвѣты и лежала добытая съ трудомъ коробка шеколадныхъ конфектъ. Совершилась одна изъ сказокъ жизни!

О положеніи Ю. Г. я сообщилъ Дроздовцамъ и ихъ трогательнымъ попеченіемъ Ю. Г. была вывезена на югъ.

* * *

Пятидневная Черниговская операція, а затѣмъ полуторамѣсячная оборона города потребовали отъ полка громаднаго напряженія.

Большія потери снова обезсилили насъ. Очередная мобилизація лишь временно отдалила кризисъ, однако онъ назрѣвалъ съ каждымъ днемъ.

Еще болѣе усилившійся матеріально послѣ взя-

тія Чернигова, Бѣлозерскій полкъ являлся, вѣроятно, самымъ богатымъ полкомъ въ арміи. У меня имѣлось много пулеметовъ, винтовокъ, я располагалъ достаточнымъ количествомъ обмундированія и снаряженія. Хозяйственная часть, отнюдь не прибѣгавшая къ незаконнымъ пріемамъ, благодаря разумной экономіи, обладала большими запасами. Въ любое время мы могли по примѣру „цвѣтныхъ" полковъ развернуться въ сильную, прекрасно снабженную бригаду. И несмотря на всѣ эти данныя, полкъ таялъ съ каждымъ днемъ. Какъ послѣ Льгова, такъ и въ Черниговѣ, мнѣ необходимо было имѣть 5 — 7 дней спокойствія, дабы дать отдыхъ измученнымъ людямъ. Дать имъ двѣ ночи спокойнаго сна. Только отведя полкъ въ резервъ, можно было дѣйствительно его пополнить, устроить и дать ему силы для продолженія успѣшныхъ боевыхъ дѣйствій. Однако, о какомъ отдыхѣ могла быть рѣчь, когда надо было слабыми силами оборонять двадцативерстный фронтъ, имѣя передъ собою втрое сильнѣйшаго врага?

И съ чистой совѣстью можно признать, что войска Черниговской группы дѣлали больше, чѣмъ можно было отъ нихъ требовать. Постоянно получаемыя благодарности отъ высшаго начальства свидѣтельствовали объ этомъ. 7 октября ген. Драгомировъ, напримѣръ, телеграфировалъ:

„Полковнику Штейфону, копія генералу Бредову.

Сердечно благодарю Васъ и молодцовъ Бѣлозерцевъ за доблестную отвагу въ бояхъ 6 октября у ж. д. Товстолѣсъ—Халявино. Особенно благодарю за постоянную активность дѣйствій. Увѣренъ, что подъ Вашимъ умѣлымъ руководствомъ доблестные Бѣлозерцы отстоятъ грудью древній Черниговъ".

Читать подобныя признанія Бѣлозерскихъ заслугъ было, конечно, пріятно, но какъ всякія слова, они начинали терять свое значеніе. Ряды защитниковъ уменьшались съ каждымъ днемъ.

Недостатка въ плѣнныхъ мы, правда, не ощу-

щали, но по своимъ настроеніямъ, это были лучшія большевицкія части, — они не годились для немедленной постановки въ строй.

Намъ не хватало солдатъ. Роты вновь снижались до 40 50 штыковъ.

Катастрофа приближалась, но къ счастью для себя, фронтъ ее еще не предвидѣлъ. Растянутыя тонкой линіей на сотни верстъ, войска пытались своею кровью и величайшей доблестью исправить недочеты тыла и организаціи. И какъ ядро, прикованное къ ногѣ каторжника, стѣсняетъ всѣ его движенія, такъ и неустройство тыла, несовершенство военной системы и вся совокупность сдѣланныхъ раньше ошибокъ, парализовали порывъ фронта.

Приближалась осень. Истомленныя войска не имѣли теплой одежды. Резервовъ не было. Части воевали уже только своими кадрами. Духъ бойцовъ явно изнашивался. И когда послѣ занятія Орла и Брянска, совѣтская Москва готовилась къ эвакуаціи и на фронтъ была двинута даже личная охрана Ленина—латышская дивизія, Добровольческое командованіе уже не имѣло силъ, чтобы сломить несомнѣнно послѣднее сопротивленіе.

Наступила агонія фронта и трагическій отходъ къ Новороссійску.

Черниговскую и Кіевскую группы ожидалъ крестный путь Бредовскаго похода.

Причины, подготовившія неудачу бѣлой борьбы на югѣ Россіи, конечно, чрезвычайно разнообразны. Нѣтъ нужды перечислять ихъ даже съ нарочитой добросовѣстностью, ибо каждая отдѣльная причина, какъ бы не было велико ея самодавлѣющее значеніе, все же не болѣе какъ деталь. Деталь, порожденная несовершенствомъ общей системы. Поведенная въ 1919 году борьба въ общегосударственномъ масштабѣ должна была и вестись пріемами, выработанными государственной мудростью и государственнымъ опытомъ. Въ 1919 году мы внезапно забыли истину, что настоящее будетъ жизненнымъ лишь

тогда, когда оно является логической и исторической связью между прошлымъ и будущимъ. Несмотря на величайшее горѣніе духа, добровольчество, какъ государственная система, не имѣло органическихъ связей съ прошлымъ и не могло расчитывать на успѣхъ въ будущемъ. Трагедія Добр. арміи и заключалась въ томъ, что своевременно, т. е. по выходѣ изъ Донецкаго бассейна, она не превратилась въ армію регулярную. Мы забыли о регулярствѣ, завѣщанномъ намъ Петромъ Великимъ. Забыли и жестоко за это поплатились.

Несмотря на то, что добровольчество, конечно, не по послѣдствіямъ, а по духовной цѣнности и является равнымъ періоду Минина и Пожарскаго, все же оно было не болѣе какъ историческій эпизодъ. Къ несчастью для нашей Родины, историческій эпизодъ былъ воспринятъ, какъ якобы историческая эпоха. Героическому духу дана была несоотвѣтствующая масштабу борьбы, — форма. И не подлежитъ сомнѣнію, что если добровольчество, какъ духъ, было введено въ формы регулярства, какъ системы, исходъ борьбы на югѣ Россіи былъ бы инымъ.

Въ Крымскій періодъ діагнозъ болѣзни былъ поставленъ правильно и генералъ Врангель повелъ свои войска по путямъ Русской арміи. Эта благодѣтельная реформа, хотя и сильно запоздавшая, быстро возродила деморализованныя долгимъ отходомъ части и помогла Главнокомандующему удерживать Крымъ въ теченіе семи мѣсяцевъ.

И галлиполійское „чудо" объясняется главнымъ образмъ тѣмъ, что галлиполійское командованіе, впервые послѣ революціи, стало неуклонно и систематически проводить принципы регулярной арміи...

Россія уже пережила небывалыя потрясенія, а ко времени своего возрожденія переживетъ ихъ еще больше. И когда наша Родина приступитъ къ своему устройству, она будетъ такъ бѣдна, что уже не сможетъ позволить себѣ роскоши „ошибаться". Поэтому мы должны всегда помнить ошибки прошлаго, дабы избѣжать ихъ повторенія въ будущемъ.

вать „кризис доброволь-
чества"; – скорее это
просто – очень ценные
воспоминания участни-
ка борьбы за национал-
ную идею.

Цѣна 35 динаръ

или

0,75 амер. дол.

Склады изданія:

1) Контора „Новаго Времени", Топличинъ Венацъ, 4. Бѣлградъ. Югославія.

2) Парижъ XV. 81 рю Мадемуазель, полковникъ Мацылевъ.

2015116981